И. Л. Коневиченко

КАЗАЧЕСТВО В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ:

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

И. Л. Коневиченко

КАЗАЧЕСТВО В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография

ГУАП
Санкт-Петербург
2016

УДК 930
ББК 66.79(2Рос)4
К64

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор *В. М. Боер*;
кандидат юридических наук, доцент *М. В. Сербин*

Утверждено
редакционно-издательским советом университета
в качестве монографии

Коневиченко, И. Л.

К64 Казачество в правовом пространстве России: история и современность: монография / И. Л. Коневиченко. – СПб.: ГУАП, 2016. – 130 с.

ISBN 978-5-8088-1084-6

Монография посвящена проблемам развития казачества в России. Рассмотрены теоретико-правовые основы становления, угасания и возрождения казачества и его правовое положение на современном этапе. Монография может быть использована в учебно-методической, научно-исследовательской и практической сферах.

Для всех, кто интересуется проблемами казачества России.

УДК 930
ББК 66.79(2Рос)4

Научное издание

Коневиченко Игорь Леонидович

КАЗАЧЕСТВО В ПРАВОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография

Редактор *А. В. Подчепаева*
Компьютерная верстка *С. Б. Мацапуры*

Сдано в набор 10.03.16. Подписано к печати 21.03.16.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 7,5.
Уч.-изд. л. 8,1. Тираж 100 экз. Заказ № 89.

Редакционно-издательский центр ГУАП
190000, Санкт-Петербург, Б. Морская ул., 67

ISBN 978-5-8088-1084-6

© Коневиченко И. Л., 2016
© Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2016

ВВЕДЕНИЕ

Активизация научного интереса к истории российского казачества непосредственно связана с процессами возрождения и историко-политической реабилитацией этой самобытной социально-культурной группы населения.

Объективно вырисовывается ряд актуальных проблем изучения историко-правового статуса российского казачества:

– уточнение методологических подходов и методических приемов исследования проблем становления, развития и возрождения казачества;

– восполнение хронологических пробелов с одновременным привлечением новых источников, что позволит создать более целостную и объемную картину истории российского казачества;

– уточнение и обобщение всей суммы фактов, связанных с подлинной ролью казачества в истории российской государственности, противоречий во взаимоотношениях государства и казачества, имея в виду, что последнее выступало носителем собирательно-охранительных, культурных и одновременно сепаратистских, корпоративно-общинных тенденций в государственном строительстве.

В исследовании сделана попытка раскрыть концептуальные основы возникновения и развития казачества, его места и роли в системе российской государственности на протяжении XVI – начала XXI вв., а также историографию и источниковедческую базу данной проблемы.

Каждый народ, нация, народность (этногруппа) и государство, в котором они проживают, имеют свою политическую историю. Последняя является, безусловно, частью отечественной и всемирной политической истории. В числе исторических проблем, начиная с образования Российского государства – России, постоянно находилась и находится история казачества. Несмотря на то, что с началом научной разработки отечественной истории в XVIII в., а затем и в трудах последующих исследователей, казаков не обходили вниманием, все же в подавляющем большинстве случаев работы многих исследователей сводились в основном к этноистории, причем в большей степени к попыткам доказать или опровергнуть ту или иную концепцию, теорию происхождения казачества или же описательной истории казаков. И то и другое, конечно, является нужным и важным для истории. Вместе с тем представляется, что казачество заслуживает изучения и с точки зрения их правового статуса.

Задача совершенствования правовой базы, регламентирующей становление и развитие российского казачества, требует исследова-

ния и обобщения уже накопленного опыта, выявления и закрепления конкретных форм сотрудничества казачьих обществ и общественных организаций с органами государственной власти. В связи с этим изучение вопросов возрождения казачества, развития его правового статуса представляет не только научный, но и теоретико-прикладной интерес. Актуальность темы подтверждается также тем, что, несмотря на значимость современного казачьего движения для общества и государства, до настоящего времени остается не ясным до конца его правовой статус и перспективы встраивания в государственную систему. Научный анализ организационно-правовых основ деятельности казачества позволит более четко определить пути его развития.

Теоретическую основу исследования составляют труды видных российских ученых в области теории и истории права и государства, истории правовых учений и других специальностей: С. С. Алексеева, Б. А. Алмазова, А. П. Альбова, Л. И. Антоновой, Ю. Я. Баскина, В. М. Боера, В. В. Глущенко, Е. И. Дулимова, И. А. Исаева, Н. Г. Янгола и др.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе правового регулирования становления и развития казачества в XVI – начале XXI вв.

Предметом исследования выступают правовые нормы в процессе их исторической трансформации, участвующие в регулировании общественных отношений казачества, а также нормативно-правовая база современной России, определяющая правовой статус казаков.

Целью исследования является изучение историко-правовых основ процесса возникновения, развития и возрождения казачества, а также исследование его правового статуса на основе анализа историко-правовых источников.

Для достижения цели в работе поставлены следующие задачи:

– выявить концептуальные основы возникновения казачества;

– определить роль обычного права в закреплении правового статуса казачества;

– проанализировать казачьи республики как феномен казачьей государственности;

– проанализировать сущность и основные направления угасания казачества;

– определить предпосылки возрождения правовых основ казачества в современной России;

– выявить роль казачества в построении гражданского общества и повышении правовой культуры;

– определить проблемы и перспективы дальнейшего развития казачества в Российской Федерации.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на монографическом уровне представлен комплексный научный анализ историко-правовых основ возрождения, развития и трансформации казачества (с XV по XXI вв.). В работе исследованы вопросы формирования правовых основ, этапы становления правового статуса казачества в историко-правовой ретроспективе, роль казачества в становлении и развитии гражданского общества в Российской Федерации, а также перспективы развития казачества в современной России. Анализ данных положений позволяет составить целостную картину процесса возрождения казачества на современном этапе.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА

1.1. Концептуальные основы возникновения казачества

В истории казачества одним из наиболее проблематичных вопросов является вопрос этимологии термина «казак». Сложность проблемы начинается уже с определения сущности самого понятия «казак».

В настоящее время существует множество этимологических трактовок этого слова, но большинство исследователей полагают, что его основа заимствована из тюркских языков.

В известном этимологическом словаре М. Фасмера говорится о том, что «казаґк, ближайшая этимология: Аґ-, укр. Козаґк, др.-русск. Козакъ «работник, батрак», впервые в грам. 1395 г. Из укр. заимств. польск. kozak «казак». Ударение в форме мн. ч. Казаґки – результат влияния польско-укр. формы; оренб. казаки говорят: Казакиґ; Заимств. из тур., крым.-тат., казах., кирг.,тат., чагат. kazak «свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга». Сюда же Казаґки мн., соврем. Казаґхи – тюрк. народ»[1]. Таким образом, мы можем предположить, что термин «казак» является заимствованием из тюркских языков и означает у них «свободного, независимого (вольного) человека», что является неоспоримым доказательством «социолингвистического портрета современного казака»[2].

По мнению М. Крайсветного, предположение о тюркской принадлежности термина связано с мнением Матвея Меховецкого, который еще в начале XVI в. (1517 г.) писал, что «казак» – татарское слово, а «козак» – русское, означает холопа, подданного, бродягу. Они живут добычей, никому не подчинены и ездят по обширным и пустынным степям..., ища, по их выражению, «кого пожрать». Впоследствии эта гипотеза была принята на веру и особо не рассматривалась. В своей статье «Адыгский этимон слова казак» М. Крайсветный также говорит о том, что все значения слова «казак» в тюркских и русских источниках есть отражение различных сторон жизнедеятельности членов казачьего общества. Они вторичны по отношению к основной сути. Воинская доблесть, наездничество, на-

---

[1] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967. С. 247.

[2] *Исакова А. А.* Социолингвистический портрет тюменского казачества // Актуальные проблемы современного казачества Сибири и Тюменского региона: материалы межрегионального круглого стола. Тюмень, 2012. С. 131.

емничество являются лишь производными, а в основе лежит свободолюбие, стремление к политической свободе и независимости [1].

В словаре В. Даля «казак» определяется как козак (вероятно, от среднеазиатского казмак – скитаться, бродить, как гайдук, гайдамака от гайда; ускок от ускочить, бежать; бродяга от бродить и пр.; киргизы сами себя зовут казак), войсковой обыватель, поселенный воин, принадлежащий к особому сословию казаков, легкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении[2].

В Толковом словаре Ожегова «казак» определяется как член военно-земледельческой общины вольных поселенцев на окраинах государства.

В. И. Степанченко в Словнике «Говорим, гутарим, балакаем и применяем!..» определяет казаков как субэтническую группу русских[3].

В настоящее время существует несколько этимологических версий термина «казак».

«Военный энциклопедический лексикон» предлагает в качестве первоначальной основы термина – «турецко-татарское слово «Каз», что значит «гусь». Позднее Н. Богомолов предлагает вариант происхождения слова «казак» «от арабского чайсы – конь, или, что гораздо вернее, от куртинского хасп, что тоже конь». Он считает, что «казак есть вполне азиатская форма для названия конника» и что «в этимологическом смысле значит свободородный, дворянин, а в юридическом – всадник, конник, конязь или князь». В исторических очерках «Столетие военного министерства» приводится целый ряд различных вариантов этимологии термина, где кроме тюркских упоминается и монгольский вариант «козах» – «защитник границы»[4].

А. П. Ярков полагает, что происхождение термина «казак» связано с той посреднической ролью, которую играли казаки во взаимоотношениях Востока и Запада. Как полагает ученый, «казак», вполне возможно, слово тюркского происхождения, которое обозначает «удалец», «мятежник» и «разбойник»[5].

---

[1] См.: *Крайсветный М.* Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности: тез. регион. науч.-практ. конф., Урюпинск, 26–29 апр. 2007 г. Волгоград, 2007. С. 57.

[2] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 2002. С. 368.

[3] См.: *Степанченко В. И.* «Говорим, гутарим, балакаем и применяем!..». Ч. I: словник. СПб., 2009. С. 84.

[4] *Крайсветный М.* Указ. соч. С. 57.

[5] *Ярков А. П.* Казаки в Кыргызстане. Бишкек, 2012. С. 36.

Однако, по словам Г. З. Байера, немецкого ученого на русской службе, казаки, как «храбрый и сильный народ» не могли происходить от «воров» и «разбойников», упоминаемых в документах XVI–XVI вв.[1]

Еще одна версия происхождения слова «казак» предложена А. А. Исаковой, которая полагает, что наиболее интересным и близким по значению является этимологическая версия, взятая из тюркских языков, а именно связь с гусем. Дикий белый гусь, лебедь – птица, которая прекрасно себя чувствует как на море, так и на суше. Дикий гусь отличается сильной волей к свободе, способностью к выживанию в самых неблагоприятных условиях, чем и характеризуются казаки. По ее мнению, именно это толкование термина наиболее отражает суть самого казачества как такового, его устоев и образа жизни, его непобедимость духа и свободолюбие[2].

Согласимся, однако, что все приведенные нами определения носят достаточно узкий и привязанный к конкретным временным отрезкам характер.

Полагаем, для того чтобы глубже разобраться в сущности термина «казак», необходимо рассмотреть основные концепции происхождения казачества.

Вопросы происхождения казаков России, их предков, каналов формирования первых казачьих общностей, проблема единства происхождения казаков, формирования территории казачества до сих пор носят дискуссионный характер. В зависимости от занимаемой позиции авторы придерживаются порой диаметрально противоположных взглядов, неодинаковой хронологии, используют различную географическую привязку событий.

В настоящее время выделяются две основные трактовки вопроса о происхождении казаков: это – гипотеза об их автохтонном, или коренном, происхождении и миграционно-колонизационная теория зарождения казачества. Автохтонная гипотеза базируется на признании двух начал в формировании казачества – славянско-русского и тюркского. Придерживавшиеся первой трактовки В. Н. Татищев, А. И. Ригельман относили казачество к числу древнейших народов,

---

[1] См.: *Байер Г. З.* Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. СПб., 1872. С. 443.

[2] См.: *Исакова А. А.* К вопросу о происхождении слова «казак» // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. Тюмень, 2012. С. 92.

а появление его связывают с Тмутараканским княжеством. По их мнению, оно существовало на Таманском полуострове в X–XII вв.[1]

В. Д. Сухоруков, Е. П. Савельев и Л. Н. Гумилев определяют Тмутараканскому княжеству более широкие географические рамки – Приазовье и западную часть Северного Кавказа[2]. По разному оценивается и состав населения Тмутаракани. В одних случаях оно признается древнерусским, в других – смешанным и даже с преобладанием косогов[3]. Авторы полагают, что пестрый характер населения Тмутараканского княжества предопределил базу формирования казачества. В состав Тмутараканской периферии включается Кабарда, где уже в X в. якобы локализуются казаки.

Необходимо отметить, что сторонники такого рода версий, не располагая их прямыми документальными доказательствами, опираются преимущественно на косвенные свидетельства. Первое среди них – наличие в донском говоре слов тюркского происхождения. На этой почве получил весьма многомерное толкование этимологический смысл самого слова «казак». В подтверждение этому термин «казаки» интерпретируется в выраженном социальном смысле преимущественно в двух ипостасях: во-первых, как свободного воина, пограничника, во-вторых, как массы, оторвавшейся от социальной среды и состоявшей из разбойников, удальцов, наемников, бродяг, не имевших ни кола, ни двора, ни посевов, ни скота.

Одним из направлений автохтонной гипотезы происхождения казачества является бродническая теория. Возникновение этого направления можно отнести к XVIII в.[4]

Н. М. Карамзин определял бродников как русских выходцев, проживавших на Дону и являвшихся прототипом казачества[5]. В XIX столетии, преимущественно с 80-х гг., бродническая теория получила интенсивное развитие. Тогда ее существенно дополнил профессор П. В. Голубовский. Он первым отождествил бродников

---

[1] См.: *Татищев В. Н.* Лексикон Российский исторический, географический и политический. СПб., 1793. Ч. И. С. 166–167; *Ригельман А. И.* История или повествования о донских казаках. М., 1846. С. 52.

[2] См.: *Сухоруков В. Д.* Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 69; *Савельев Е. П.* Казаки. История. Владикавказ, 1991. С. 24–25; *Гумилев Л. Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992. С. 29–30.

[3] См.: *Губарев Г.* Казаки и их земля в свете новых данных. Вторая книга о казаках. Буэнос-Айрес, 1974. С. 11–12.

[4] См.: *Щербатов М. М.* Сочинения. М., 1898. Т. 2. С. XXVII.

[5] См.: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. СПб., 1842. Т. V, гл. IV.

с домонгольским (XI–XII вв.) славяноязычным населением степных мест Юга России[1].

Бродническая версия происхождения казачества прослеживается в трудах В. В. Мавродина и особенно Л. Н. Гумилева, которые размещают бродников на Дону, называя их донскими славянами, хазарами или некими русскими, проживавшими в XII в. среди половцев[2]. В последнее время бродническая версия обрела второе дыхание, в частности трудами Б. В. Овчинниковой[3]. Бродническая версия происхождения казачества, безусловно, содержит ряд любопытных наблюдений, но в целом она, при всей ее привлекательности, недостаточно убедительна. Прежде всего, потому что не имеет под собой веских доказательств. Аргументация преимущественно основана на косвенных свидетельствах, почерпнутых из вторых или даже третьих рук.

Что касается миграционно-колонизационной теории формирования казачества, то она сводится к тому, что казачьими предками были свободолюбивые выходцы из Русского и Польско-Литовского государства, те, кто не мирился с усиливающейся феодальной кабалой. Накапливаясь на российском порубежье, эти беглецы «растеклись» по рекам – Днепру, Хопру, Дону, Волге, Тереку, Кубани, а потом и по водным магистралям Сибири, всего Востока и Средней Азии. Там они образовали известные вольные общины, а затем и соответствующие казачьи войска. Законченную форму эта теория получила в исследованиях С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Д. И. Иловайского[4].

В советское время эта теория получила самое широкое распространение и обрела роль непререкаемой истины, несмотря на то, что были попытки синтезировать автохтонную и миграционно-колонизационную теории. Дальше всех в этом направлении шагнул Л. Н. Гумилев, полагавший, что корни казаков через бродников уходили к православным хазарам[5].

---

[1] См.: *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. М., 1884.

[2] См.: *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 289; а также: *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С. 14, 15, 17; *Гумилев Л. Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. С. 15–18, 331.

[3] См.: *Овчинникова Б. Б.* Бродники – предки донских казаков // Родина. 1998. № 10. С. 2.

[4] См.: *Иловайский И. Д.* История Рязанского княжества. М., 1884. С. 203; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1904. Лекция XXVII; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1959–1966. Кн. III, Т. 4.С.243.

[5] См.: *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. С. 17; *Гумилев Л. Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. С. 18.

Миграционная теория в этой части не лишена основания, но нуждается в уточнениях. Во-первых, пополнение двигалось не только из русско-славянских, но и из других районов (хотя главный поток, вероятно, направлялся из русско-славянских районов). На протяжении целых столетий автохтонные казачьи предки подвергались интенсивному обрусению и христианизации. Не исключено, что правители Русского государства держали двери на юг открытыми потому, что это была политика наиболее безболезненного присоединения новых территорий посредством постепенной и длительной ассимиляции малочисленных народностей, обитавших по периметру границ.

Во-вторых, к казакам бежали не только поборники свободы и православия, но и настоящие авантюристы, любители приключений, жаждавшие легкой наживы. Прозрачные границы и существовавшая веротерпимость способствовали свободному притоку людей. Локальная замкнутость создавала условия для формирования новой общности. Таким образом, начало зарождения казачества относится, по всей вероятности, к рубежу XIII–XIV вв., а адекватный ответ на вопрос о происхождении казаков состоит не в выборе между различными версиями автохтонной и миграционно-колонизационной теориями, но в их доброкачественном синтезе. Положительное решение проблемы происхождения казаков из одного корня позволило бы однозначно определить казачество как народ (этнос).

Однако некоторые исследователи видят более древние корни казачества. Так, автор первой истории Войска Донского А. И. Попов говорил о происхождении казаков от амазонок[1]. Ученый В. М. Пудавов утверждал, что донские казаки – потомки древних славян, несших сторожевую службу у хазар еще в VIII – X вв., а затем сохранявших в течение 600 лет свою веру, народность и боевой строй[2]. Еще более древнее происхождение казаков видел исследователь казачества Е. П. Савельев. Он писал, что казаки в XII в. до Рождества Христова на 30 кораблях с берегов Дона, Днепра и Днестра ходили на защиту Трои, потом проникли в Италию, основали Рим и т. д.[3]

Для системного анализа вопроса о происхождении казачества (казаков), а стало быть, в определенной мере и их места в истории и в современной жизни, необходим разбор тех факторов, которые в совокупности позволяют отделить один народ (этнос) от другого и

---

[1] См.: *Попов А. И.* История о Донском Войске. Кн. 1. Харьков, 1814. С. 1–2.

[2] См.: *Пудавов В. М.* История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890. С. 61–78.

[3] См.: *Савельев Е. П.* История казачества. Ч. 1. Новочеркасск, 1915. С. 11.

получили в науке название этнических определителей. Анализ различных версий происхождения казачьего имени, анализ языковой ситуации в казачьих землях, проведенный как в диахронии, так и синхронно в нескольких областях, антропологический анализ и оценка этнической самоидентификации казаков показывают не в пользу теории о происхождении казачества из одного «древнего и могучего» корня.

Серьезное разнообразие этнических признаков разных групп казаков, более быстрая, чем у соседей изменчивость этих признаков не позволяют сделать однозначного вывода о происхождении казаков из единого корня. Данный анализ позволяет сделать выводы о близости казаков с другими группами русских, которая могла сформироваться либо в результате общего происхождения, либо в результате незавершившейся ассимиляции.

Анализируя процесс формирования территории казачества, можно сделать вывод о совершенно определенной географической привязке казаков. Это нижнее и отчасти среднее течение рек Днепра, Дона, Терека, Волги и Урала. История формирования казачьей территории уходит далеко в глубину веков. Группы населения, принявшие то или иное участие в образовании казачества обитали здесь как минимум с X–XI вв., а по некоторым данным – с VI в. н. э. Дальнейшее расширение ареала обитания казачества связано уже с общероссийским процессом колонизации окраин, в котором казаки принимали самое деятельное участие как по собственной воле, так и по велению государственной власти.

Необходимо признать, что процесс происхождения казачества имеет сложный характер. У истоков казачества в разной мере находились и группы местного, автохтонного населения Северного Причерноморья и Приазовья, и кочевые пришельцы средневековья, и массы беглецов из Московской и Литовской Руси, и державная воля Российской империи[1].

История казачества зачастую представляется отдельными специалистами как крайне универсальный объект. Это совершенно не отвечает действительности и реальному положению дел. При исследовании традиционных территорий компактного проживания казачества, территорий казачьих войск мы сталкиваемся с тем, что развивались они исключительно по-разному. В каждой территории

---

[1] См.: *Сопов А. В.* Современные научные концепции происхождения казачества // Новые технологии: сб. научн. тр. МГТУ. Майкоп, 2006. С. 69.

имелись своя специфика и свои особенности[1]. Многие феномены в истории казачества можно объяснить природным казачьим дуализмом[2] – важнейшим фактором поступательного развития данной этнической и социокультурной общности. Именно казачий дуализм служит основой противоречий как внутри самой общности, так и в процессе установления взаимоотношений, взаимодействий ее с институтами гражданского общества и структурами власти. Именно из этого принципа необходимо исходить при объяснении роли казачества в исторических и социальных процессах. В истории казачества вплоть до настоящего времени оставалось и остается достаточно много «белых пятен». К ним могут быть отнесены – предмет методологии исследований казачества, вопрос межэтнических связей и межнационального культурного взаимодействия казаков с иными нациями и этносами, также конфессиональный вопрос самоидентификации казачества и многое другое.

Без сомнения, процесс складывания любой этнической группы имеет стадиальный характер. Вопрос о выделении стадий этногенеза казаков связан с определением их исторических предшественников и предков. Ранняя история казачества, первые этапы его формирования – все это до сих пор предмет дискуссий. Однако, пожалуй, уже можно твердо сказать, что начало истории казачества следует искать гораздо ранее XVI в. Южно-русские лесостепи, степное Предкавказье, Приазовье и Северное Причерноморье – районы, ставшие колыбелью казачества, – никогда не пустовали. Беглецы из московских и литовских «украин» уходили не в пустое место, в степях их было, кому встретить. Общинное военно-демократическое самоуправление, устойчивый военно-разбойный и промысловый быт, особенности культуры казаков, по мнению А. В. Сопова, говорят о многовековой преемственности[3].

Выстраивание однозначной линии от далеких предшественников казаков к их прямым предкам невозможно. Во-первых, потому, что это было бы упрощением, а во-вторых, – не соответствовало

---

[1] См.: *Ерохин И. Ю.* Идеи государственности казачества Дона // Научный обозреватель. 2013. № 6. С. 58–62.; *Ерохин И. Ю.* К вопросу особенностей формирования начал государственности Донского казачества // Культура. Духовность. Общество. 2013. № 5. С. 132.

[2] См.: *Ерохин И. Ю.* Проблема дуализма в вопросах казачества // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. № 5. С. 19.

[3] См.: *Сопов А. В.* Исторические предшественники казаков, становление и развитие казачества // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2006. С. 27.

бы действительности. История формирования казачества слишком сложна, чтобы быть однозначной. Пожалуй, вплоть до XV в. речь может идти только о складывании своеобразного «предказачества» или «протоказачества».

Никаких серьезных оснований для выводов о существовании в более раннее время особого казачьего «народа», как прямых и единственных этнических предков современных казаков, у нас нет[1].

Подтверждением этому является также анализ памятников права того периода, в которых нет прямого упоминания о существовании казачества в то время.

Древнерусское право, как и всякое право, рождается вместе с Древнерусским государством. Это право было правом привилегий, т. е. закон сразу предусматривал, что равенства людей, принадлежавших к разным социальным группам, нет и быть не может. Так, например, холоп в «Русской Правде» практически не признавался человеком. Его дети приравнивались к приплоду скота[2]. В краткой редакции «Русской Правды» выделяются категории лиц, нуждающиеся в особой защите князя. К ним относятся люди, вышедшие из общины, «купцы», «изгои», служащие князя, дружинники: «гридни» – младшие дружинники; «ябедники» – княжеские приказчики, тиуны, судебные должностные лица; «мечники» – княжеские дружинники, судебные служащие; «русины» – жители Киевской Руси; «словенины» – жители Новгородской земли. Кроме этих категорий граждан, упоминаются «видоки» – свидетели, очевидцы (ст. 2, 10); «лечици» – лекари; «чады» – дети; «варяги» – жители Скандинавии (ст. 10, 11) («варягами» и «колбягами» в документах того времени называются иностранцы независимо от их национальной принадлежности); «челядь» – рабы (ст. 11); «поручники» – поручители или свидетели (ст. 14); «огнищанин» – старший дружинник, боярин (ст. 19); «подъездный» – сборщик различных поступлений в пользу князя (ст. 19); «тивунец» – домоуправитель, дворецкий (ст. 21); «кормилич» – воспитатель, дядька (ст. 27); «конюх старый» – конюший, старший конюх (ст. 23); «емец» – княжеский чиновник, поимщик (ст. 41).

В Пространной редакции «Русской Правды»[3] этот список расширяется, и мы встречаем в нем такие категории лиц, как «голов-

---

[1] См.: *Мининков Н. А.* Альтернативный взгляд советского историка // Казаки. История. Владикавказ, 1991. С. 300.

[2] См.: Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. I. С. 71.

[3] См.: Законодательство Древней Руси. Т. I. С. 64.

ник» – убийца (ст. 35); «рядович» – крестьянин, феодально-зависимый от князя (ст. 5), ремесленник (ст. 15); «холоп-ремесленник» (ст. 38); «мытник» – чиновник, собиравший пошлины и следивший за правилами торговли (ст. 38); «чернец», «чернецкий» – принадлежащий к монахам, т. е. монастырю (ст. 46); «городник» – архитектор, руководитель строительства (ст. 97); «мостник» – руководитель строительства деревянных мостов (ст. 99); «метельник» – лицо, ведущее письменный учет (ст. 107); «сироты» – феодально-зависимые крестьяне (доп. ст.). Как видим, речи о казаках в этих законодательных документах не ведется. Исходя из этого, возникает вопрос: могли ли те, кто данные законы составляли, пропустить в тексте казаков, как свободную, не зависимую от князя, церкви и других членов общества категорию лиц? Полагаем, что в то время это было, по всей видимости, невозможно. Так, в ст. 110 «Русской Правды» «О холопстве» (Пространная редакция) устанавливаются три случая утраты личной свободы и перехода в состояние полного (обельного) холопства – это говорит о регламентации условий закрепощения со стороны власти и о роли, которую играли в княжеском и боярском хозяйствах категории феодально-зависимого населения. Борьба шла за каждого работника. При помощи законов власть стремилась получить неограниченное право распоряжаться судьбами людей и наказывать их за стремление к социально-хозяйственной независимости. Законодатель стремился сохранить зависимость крестьян в любом случае, даже если это касалось мелких феодалов, занимавших холопские места в боярском и княжеском дворах (ст. 111). В связи с этим, по нашему мнению, ни о какой личной или коллективной свободе любой категории жителей Древнерусского государства нельзя вести и речи. Так, например, хозяин убежавшего холопа, согласно ст. 114, мог рассчитывать на помощь любого посадника в его поимке. А это уже свидетельство того, что государственная власть принимает участие в розыске и поимке беглеца, стремящегося освободиться от зависимости[1].

В государственном управлении, судопроизводстве, налогообложении принимала активное участие церковь, которая при этом обладала рядом привилегий, связанных с ее приоритетами в области мировоззрения и особыми условиями формирования власти. Княжеские Уставы и Уставные грамоты определяли двусторонность отношений светских и церковных властей. Это касалось в первую очередь сбора и распределения дани, владения землей, людьми,

[1] См.: Законодательство Древней Руси. Т. I. С. 72.

финансами и т. д. Так, в Уставе князя Владимира Святославича Оленинской редакции (конец XII – первая половина XIII в.) указывается место церковной организации (ст. 2, 3), говорится о церковных людях (ст. 6,10,11). В Уставе князя Владимира Святославича Синодальной редакции (XIV в.) речь идет о церковных судах, церковных людях (ст. 6, 10, 13, 14, 16, 17). Кроме того, законодатель определяет те стороны жизни, которые относятся именно к компетенции церковного суда. В другом существующем источнике, Уставе князя Ярослава Мудрого (XIV в.), говорится о наказании за нарушение норм церковного права. В этом документе содержатся статьи, регулирующие отношения церковных людей (о блуде, о пьянстве, о крещении), и статья об их подсудности. Перечислены наказуемые поступки, ранее упоминавшиеся в других законодательных актах, и деяния, отнесенные к церковной юрисдикции. В этот документ включены новые составы преступлений, учитывающие национальные особенности Руси. Однако и в этих документах казачество не упоминается в принципе.

Лишь только Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. (гл. VII «О службе всяких ратных людей Московского государства») стало первым законодательным актом, регулировавшим воинскую службу в Русском государстве, в котором в числе служилых людей «по прибору» мы встречаем городовых казаков. Эти казаки относились к полкам нового строя и получали за свою службу «корма» – денежное или натуральное содержание, а также отдельные льготы – право на беспошлинную торговлю в русских городах.

Рассмотрев нормативно-правовые акты того времени, мы можем заключить, что в первых писаных законах Древнерусского государства (до XV в.) казаки не упоминаются. Следовательно, на первом этапе становления русского раннефеодального государства казачество как один из элементов его общества выявить не удается, так как процесс появления казачества не находит отражения в праве – ни в светской его части, ни в церковной. Это еще раз подтверждает существование до XV в. «протоказачества».

Судя по всему, в формировании «протоказачества» принимали участие самые различные этнические компоненты. Не подлежит уже сомнению наличие древнего славянского населения «хазарских степей и лесостепей» в X–XI вв. Данники хазар: славяне-земледельцы, а также бродники, занимавшиеся различными промыслами и перевозами, составляли, видимо, весьма значительный процент населения Хазарского Каганата. Военная и экономическая мощь Тмутараканского княжества в XI–XII вв. в значительной

степени обеспечивалась славяно-русским населением. Несмотря на все исторические катастрофы (половецкий натиск, монголо-татарское нашествие, господство Золотой Орды), население это, в большинстве своем, никуда не исчезло, но приспосабливаясь к определенным условиям, передавало свою культуру, язык, традиции, кровь последующим поколениям[1].

После разгрома Хазарского Каганата киевским князем Святославом в 964 – 965 гг., а затем окончательно половцами в конце XI в. к славяно-русам стали тяготеть близкие им по религии и культуре хазары-христиане. Возможно, уже в XII–XIII вв. они составляли единую этноконфессиональную общность или группу близких общностей. Нет никаких серьезных оснований вычеркивать из числа казачьих предков и «черных клобуков». Они занимали ту же хозяйственно-культурную и профессиональную нишу, что и в более позднее время казаки. То есть несли военную службу по охране границ русского государства от воинственных соседей за земельное и денежное довольствие. Известно, что в XII–XIII вв. черные клобуки подверглись мощному культурному и языковому влиянию со стороны Киевской Руси, были сильно христианизированы, но однако не вполне порвали со своей старой кочевой традицией и, стало быть, не были до конца ассимилированы[2].

Вполне обоснованным выглядит мнение тех исследователей, которые относят к числу казачьих предков и половцев-кипчаков. Первое, что здесь надо отметить, это то, что половцы вовлекли в орбиту своей деятельности чуть ли не все предшествовавшее им в Причерноморье и донских степях население. Перенимая у кипчаков способы организации и жизнедеятельности, цивилизационные ориентиры, древние насельники восточно-европейских степей естественно сохраняли свой физический облик и, отчасти, язык и культурные особенности. Интересно, что среди западных орд кипчаков преобладали светловолосые европеоиды. За соломенный цвет волос они и получили у русских название «половцы». Второе, что заслуживает внимания. Разгромив и подчинив себе древнее население восточно-европейских степей, половцы сами подверглись мощному культурно-цивилизационному воздействию со стороны покоренных народов. Серьезным было и влияние со стороны соседей-врагов – русских. По свидетельству целого ряда заслуживаю-

---

[1] См.: *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. С. 21.

[2] См.: *Сопов А. В.* Исторические предшественники казаков, становление и развитие казачества. С. 27.

щих доверия источников[1], уже к началу XIII в. половцы были непременными участниками всех крупных военных и политических событий Южной и Восточной Руси. Половецкая знать и простонародье перенимали христианство, обзаводились русскими именами (хан Юрий Котянович, например), нередки были межнациональные браки, пленение и интеграция в свои ряды большого количества людей с обеих сторон.

Общая картина выглядит таковой. Монголо-татарское нашествие застало половецкий этнос «на распутье». С одной стороны, западно-кипчакские орды в силу целого ряда исторических событий и политических особенностей уже сильно отличались от восточных кипчаков-куманов. Во-вторых, половцы еще не вполне «переварили» внутри себя завоеванные и подчиненные народы. В-третьих, сами подверглись мощной ассимиляции со стороны Руси.

Именно население половецких орд стало основным населением улуса Джучи. Монголы, завоевавшие огромные просторы, растворились среди покоренных, переняв у них язык и культуру и передав им, в конце концов, одно из своих этнических имен – татары[2]. Население Джучиева улуса (Золотой Орды) не было и не могло быть единым. Не были вполне консолидированным этносом и численно преобладавшие в Орде половцы-татары, ставшие этническими предками едва ли не всех народов, сложившихся на территории этого государства. В таких условиях какая-то часть половцев, видимо, к тому времена сильно славянизированная и христианизированная, вполне могла участвовать в складывании «протоказачьего» этноса.

Вычленение группы «казачьих предков» можно, с известной долей условности, назвать первой стадией казачьего этногенеза.

Вторая стадия, видимо, прослеживается в ордынский период (XIII–XIV вв.), когда в недрах огромного многоэтничного организма начинают формироваться первые «протоказачьи» общины молодых, часто бессемейных удальцов, обживающих самые опасные, пограничные районы государства. В целом в ордынский период наименование «казаки» использовалось как профессиональное и групповое, но этнического характера, скорее всего, еще не носило.

Говорить о каком-либо более раннем этапе собственно казачьего этногенеза сейчас вряд ли обоснованно. Приводимые в этом отношении «доказательства» являются либо легендарными, либо наивно-топонимическими. Одним из косвенных свидетельств недале-

---

[1] См.: *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1968.

[2] См.: *Егоров В. Л.* Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990. С. 194.

кого этнического прошлого казаков является отсутствие у них родового членения, или этнонимов более мелкого порядка, чем общее имя (как, например, у башкир)[1].

Третья стадия казачьего этногенеза охватывает период XV–XVII вв., когда на историческую арену выходят самостоятельные общества азовских, донских и гребенских казаков. Здесь также следует отметить целый ряд важных моментов. Во-первых, существование особых казачьих обществ в XV в. уже достаточно хорошо подтверждается большим количеством источников, в том числе и правовых. Во-вторых, необходимо отметить всегдашнюю немногочисленность (или даже малочисленность) этих обществ. В-третьих, их этническая принадлежность или ориентация точно невыяснены. Конфессионально это были, в большинстве своем, православные христиане, прихожане Саро-Подонской епархии. В-четвертых, неоспоримым фактом выглядит «подпитка» казачьих обществ пришлым элементом. Особенно мощным поток новопришлых оказался в XVI в. за счет беглых крестьян, мещан и холопов из Московского государства и Речи Посполитой. В-пятых, немногочисленные и разрозненные казачьи общества сумели выжить и сформироваться в условиях тотальной конфронтации со всеми соседями благодаря особой военной организации и поголовному вооружению, что стало одной из важнейших и ярчайших культурно-хозяйственных и психологических особенностей казаков. Таким образом, казачество на этой стадии выглядит как своеобразная метаэтническая общность в период миксации.

Четвертый этап формирования казачьего этноса связан с образованием особых казачьих войск, используемых Российским государством для охраны своих границ, территориальной экспансии и как резерв хорошо подготовленной военной силы. Можно сказать, что дальнейшее формирование казачества происходит теперь в рамках Российского государства и русского этноса. Между населением казачьих войсковых областей и российской верховной властью устанавливаются особые, сначала договорные, а затем все более тесные отношения. Взаимоотношения сторон в рамках этого этапа складываются неоднозначно. Достаточно сказать, что все крупнейшие народные восстания (так называемые крестьянские войны) в России происходили при деятельнейшем участии казаков и под руководством их вождей. Решающим оказался голос казачьих старшин при выборах нового царя.

---

[1] См.: *Локшин Д.* Национальная карта // Родина. 1996. № 12. С. 37.

Планомерная, сознательная политика российской власти (переселения, организация новых войск, регламентация их деятельности, верстание в казаки), а также все более полное вовлечение казаков в строй общерусской жизни (развитие экономических связей, культурный обмен, использование русского литературного языка, государственная служба, совместная военная жизнь и многое другое) привели к значительному стиранию различий между частями русской нации и иссяканию процесса казачьего этногенеза.

Так постепенно сложилось казачество, которое: во-первых, является культурно-исторической общностью, народом; во-вторых, служилым сословием, формируемым тем или иным правительством для своих целей; и в-третьих, административно-территориальным образованием, экономической общностью всех народов и сословий, проживающих на казачьих землях.

Таким образом, рассмотрев историко-правовые основы зарождения казачества, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, до сих пор остается неопределен вопрос о самой сущности термина «казак». Рассмотрев основные версии происхождения слова «казак», мы приходим к выводу, что наиболее убедительной представляется точка зрения о значении слова «казак» как свободный человек, оторванный от прежней социальной среды, и вольный наниматься на военную службу.

Во-вторых, серьезное разнообразие этнических признаков разных групп казаков, более быстрая, чем у соседей, изменчивость этих признаков не позволяют сделать однозначного вывода о происхождении казаков из единого корня. Данный анализ позволяет сделать вывод о близости казаков с другими группами русских, которая могла сформироваться либо в результате общего происхождения, либо в результате незавершившейся ассимиляции.

В-третьих, рассмотрев нормативно-правовые акты того времени, мы можем с уверенностью заключить, что в первых писаных законах Древнерусского государства (до XV в.) казаки не упоминаются. Следовательно, на первом этапе становления русского раннефеодального государства казачество как один из элементов его общества выявить не удается, так как процесс появления казачества не находит отражения в праве – ни в светской его части, ни в церковной. Это еще раз подтверждает существование до XV в. так называемого «протоказачества».

В-четвертых, казачество представляло собой вполне самостоятельный этнос, который прошел в своем становлении несколько этапов развития и обрел свои характерные черты.

1.2. Роль обычного права в закреплении правового статуса казачества

По мнению В. В. Макеева, обычное право, представляющее собой совокупность обычаев, санкционированных или нашедших государственную защиту правил поведения, сложившихся в бытовых отношениях, до принятия 26 мая 1835 г. Высочайшего «Положения об управлении войском Донским» играло совместно с нормами нравственности, религиозными нормами и традициями ведущую роль в регулировании общественных отношений у донских казаков. Обычное право, как показывают научные исследования, являлось высшим установлением, более важным, чем приказы и указания войсковых начальников и даже общие законы Российского государства[1].

Как полагает Г. Г. Небратенко, для выявления историко-правового наследия и возможной его рецепции необходимо с помощью научного анализа реконструировать систему обычного права донских казаков, ибо она была использована при разработке законодательства Российской империи, определявшего правовой статус казачьих войск[2].

Более того, профессор Д. Ю. Шапсугов высказал мнение, что содержание обычного права с точки зрения его реальных правовых компонентов оказывается более богатым, чем то содержание права, которое оно имеет в рамках сугубо нормативного понимания, преобладающего в современной теоретико-правовой литературе[3].

Сегодняшняя гражданская позиция официального казачества, добивающегося не льгот и привилегий, а возложения на себя обязанностей по охране государственной границы Российской Федерации, обеспечению правопорядка на территории компактного проживания казаков, обучению и воспитанию молодежи, заслуживает одобрения. Однако расширение сферы деятельности казаков должно обосновываться историко-правовой практикой, имевшей место в давние времена или хотя бы получившей широкое распространение в недалеком прошлом.

---

[1] См.: *Макеев В. В.* Обычное право – основной регулятор общественных отношений у донских казаков (на примере первой трети XIX в.) // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., 1999. С. 348.

[2] См.: *Небратенко Г. Г.* Онтология обычного права донских казаков: историко-правовой аспект // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 2. С. 80.

[3] См.: *Шапсугов Б. Ю.* Обычное право и его роль в правовом развитии общества // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. С. 252.

Правовое регулирование статуса российского казачества можно условно разделить на два основных периода. Первый – XVI–XVIII вв., в продолжении которого основным регулятором правоотношений у казаков выступало обычное право, и второй – XIX–XX вв. – законодательство Российского государства. В настоящее время определенную ценность представляют исследования, касающиеся обычного права донских казаков, так как именно в хронологический период его активного применения были заложены правовые основы феномена казачества, в последующем воспринятые законодателем при разработке нормативно-правовой базы всего казачества.

Основными субъектами обычного права донских казаков выступали войско Донское, казачья община и индивид, при этом под субъектом следует понимать социального субъекта, выступавшего носителем правового статуса, зафиксированного в нормах обычного права и выраженного в определенных правах и обязанностях. Кроме того, субъект обычного права обладал правосубъектностью, характеризовавшейся правоспособностью, дееспособностью, а в ряде случаев – деликтоспособностью.

Войско Донское являлось «начальственным» субъектом обычного права донских казаков, изначально представлявшим собой протогосударственную, военно-политическую организацию. До конца XVII в. его правовое положение определялось исключительно обычным правом и характеризовалось наличием ряда признаков: политическим суверенитетом; собственной территорией; функционировавшими в форме военной демократии потестарными институтами власти; консолидированным в рамках самоуправляемых общин населением; компенсировавшей недостатки экономического развития агрессивной военно-политической деятельностью; обычным правом как базовым регулятором общественных отношений (правовым суверенитетом)[1].

К функциям войска Донского относилась коалиция самоуправляемых общин, защита их населения от военной агрессии, организация захватнических нападений с целью наживы, обеспечение международного диалога, сохранение внутреннего порядка и публичное наказание его нарушителей, предоставление индивидам возможности реализации духовных потребностей. Между тем протогосударство не обеспечивало функции защиты частной собственности зажиточных казаков, сдерживая процесс формирования

---

[1] См.: *Небратенко Г. Г., Куксенко Е. И.* Теория и история обычного права донских казаков. Ростов н/Д., 2005. С. 81.

политической элиты, а также производительного экономического развития, что в совокупности выступало основными причинами невозможности генезиса на Дону государства.

Основными чертами политического суверенитета войска Донского как базового признака протогосударства являлись: наличие независимых легитимных институтов народовластия; существование и применение обычного права; возможность беспрепятственной миграции на Дон населения соседних регионов. В то же время Российское государство, осознававшее свою сопричастность к процессу генезиса донского казачества, постоянно предпринимало попытки к ограничению, а в последующем – к ликвидации независимости края и уравниванию правового положения местного населения с положением «московских служилых казаков».

В 1671 г., после подавления восстания под предводительством старшины Степана Разина, донские казаки были вынуждены принести присягу на верность московскому царю (чего ранее не бывало), тем самым признав свое подданство российскому монарху и верховенство его законодательства над партикулярным обычным правом. Однако окончательная трансформация правового статуса войска Донского от протогосударственного образования к автономно-территориальному произошла только на рубеже XVII–XVIII вв. и была связана с изменением статуса институтов войскового круга и войскового атамана (от потестарного к публичному), фактическим прекращением казаками международного диалога, а также с ужесточением порядка миграции на Дон неказачьего населения. Но даже после этого в течение XVIII в. обычное право выступало в качестве важнейшего регулятора общественных отношений у донских казаков.

Наличие собственной территории выступает самостоятельным признаком, который тесно связан с обладанием войском Донским в определенный хронологический период политическим суверенитетом. Приобретение коллективного права собственности на донские земли осуществлялось путем «вольной заимки» – захвата находившейся вне юрисдикции какого-либо государства территории. Однако подтверждение этого права, а равно и сохранение суверенитета потребовали от донских казаков ведения постоянной борьбы с соседними нехристианскими народами. В этих условиях граница войска Донского до XVIII в. носила подвижный условно-договорной характер, определяясь текущим состоянием сил противоборствующих сторон[1].

---

[1] См.: *Небратенко Г. Г., Куксенко Е. И.* Указ. соч. С. 39.

С потерей политического суверенитета право собственности на землю получило Российское государство, при этом войско Донское не было лишено его полностью, утратив правомочие владения, ограничивалось в правомочии распоряжения. В 1711 г. край на правах автономии вошел в состав Азовской (Воронежской) губернии, а в 1793 г. был признан полноправным субъектом Российской империи с наименованием «земля войска Донского»[1].

Функционирование в форме военной демократии потестарных институтов власти также является важнейшим признаком правового положения войска Донского. Генезис военной демократии у казаков представлял собой один из последних в Европе примеров данной организации власти. Однако ее появление стало не следствием разложения первобытнообщинной, или родовой, демократии, а результатом миграции на Дон и консолидации представителей различных этнических групп, уже проходивших эти этапы организации власти.

Тем не менее у донских казаков отсутствовал свойственный военной демократии институт «совета вождей», но имело место народное собрание – войсковой круг, выборный «вождь» – войсковой атаман, участие всех полноправных казаков в работе войскового круга и возможность баллотировки каждого из них на должность войскового атамана, массовое вооружение населения.

Отсутствие общественно-правового размежевания социума и институтов власти указывает на то, что последняя была облечена в потестарную форму, характеризовавшуюся непосредственным участием в управлении, нормотворчестве и судопроизводстве всех членов социума, отсутствием единоличной или узкогрупповой узурпации власти. В связи с этим публично регулировались только те отношения, которые затрагивали интересы всего общества или существенной его части, а остальные правоотношения «нормировались» партикулярными нормами обычного права казаков, так называемым «станичным правом».

Основными потестарными институтами власти войска Донского являлись войсковой круг, объединявший полноправное мужское население, и войсковой атаман, выбираемый для выполнения решений круга и представления интересов казачества. В начале XVIII в. произошла трансформация потестарной власти в публичную форму, приведшая к возвышению «иерархического начала»

---

[1] *Куксенко Е. И.* Эволюция обычного права донских казаков (XVI – начало XIX вв.): дис.... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2005. С.128.

управления в лице атамана и войсковой старшины как привилегированной части казачества.

Следующим признаком правового положения войска Донского являлось консолидированное по самоуправляемым общинам население. Появление на Нижнем Дону оседлого казачьего населения, ставшего «ядром» донского казачества, относится к первой половине XVI в. Крайне агрессивные условия существования определили необходимость его консолидации по самоуправляемым общинам, формируемым не по признаку родства или соседства, а по признаку осуществления совместной военно-хозяйственной деятельности. К середине того же столетия относится генезис стационарных казачьих поселений – «городков», число которых постоянно возрастало, а также наличие сведений о существовании казачьих атаманов. В каждом из городков действовали схожие по организации органы местного самоуправления и институты обычного права. В то же время важнейшие управленческие функции были делегированы созданным не позднее 70-х гг. XVI в. органам потестарной власти войска Донского, власть которых до начала XVII в. «обнимала» только Нижний Дон. В период Смутного времени под предводительством «низовых казаков» произошло объединение всех донских казачьих поселений.

Очередной признак – компенсировавшая недостатки экономического развития агрессивная военно-политическая деятельность казачества, ставшая следствием отсутствия у войска Донского экономического суверенитета, восполняемого хищническими нападениями на соседние нехристианские народы, а также за счет гуманитарной помощи Московского царства. Экспроприация имущества у неприятеля осуществлялась как в результате самостоятельно организованных казаками нападений, так и во время участия в войнах в составе русской армии. С конца XVI в. неограниченная военная деятельность донцов стала предметом активного вмешательства российского правительства, полностью взявшего ее под свой контроль только в начале XVIII в. С этого же времени мобилизация и направление старшин и рядовых казаков к местам постоянной дислокации или на войну осуществлялись строго по очереди, за ведение которой отвечало донское правительство, а основным источником получения прибавочного продукта у казаков постепенно становилось сельское хозяйство.

Наконец, последним признаком правового статуса войска Донского являлось применение на территории края обычного права как базового регулятора правоотношений у донских казаков, что

указывало на наличие у протогосударства правового суверенитета. Функционирование обычного права основывалось на общенародном убеждении в необходимости следовать выработанным путем неоднократного применения обычно-правовым нормам.

Естественное развитие обычного права у донских казаков осуществлялось в XV–XVII вв. Однако уже в 1671 г. казаки признали над собой верховенство российского законодательства и начался процесс инволюции обычного права, протекавший с разной степенью интенсивности в течение всего XVIII в. В первой половине XVIII в. в связи с отстранением войскового круга от реальной власти и сосредоточением ее в руках войскового атамана и старшины обычное право приобрело волевой характер, отражая интересы местной аристократии. В целях прекращения злоупотреблений войскового старшины в последней четверти XVIII в. начался процесс создания подотрасли российского законодательства, регулировавшей правоотношения непосредственно в войске Донском.

В последней четверти XVIII в. процесс замены обычного права донских казаков российским законодательством приобрел более стремительный характер. Он не сопровождался «слепым» распространением формально зафиксированных норм права, а характеризовался разработкой целого ряда нормативно-правовых актов, вобравших в себя комплекс правовых обычаев. Нормативно-правовые акты конца XVIII – начала XIX вв., касавшиеся донского казачества, и «полезные» с точки зрения законодателя обычаи были систематизированы в межотраслевой кодифицированный правовой источник – «Положение об управлении войском Донским», утвержденное 26 мая 1835 г.[1]

Генезис норм обычного права протекал в одной плоскости с образованием социума, а не государства. У донских казаков нормотворческий процесс начался с момента консолидации индивидов в рамках самобытного социума, т. е. в первой половине XVI в. Нормы обычного права формировались преимущественно следующими способами:

– из имевших элементарную внутреннюю структуру правил поведения казаков – мононорм;

– в результате принятия административных и судебных прецедентов потестарной власти;

---

[1] См.: *Макеев В. В., Небратенко Г. Г.* Организационно-правовое становление и развитие общей полиции на территории Донского казачьего войска (середина XVIII – начало XX вв.). Ростов н/Д., 2002. С. 40.

– вследствие заключения войском Донским международных договоров с прочими государственными и безгосударственными образованиями региона, а также соглашений между субъектами обычного права донских казаков;

– путем естественного восприятия основных христианских заповедей, канонов и прочих религиозных норм православной церкви;

– в результате рецепции отдельных обычно-правовых норм соседних нехристианских народов;

– на основе нормативно-правовых и нормативных актов Российского государства (грамот, указов, присяги казаков на верность царю).

Норме обычного права донских казаков были свойственны следующие признаки: обладание властным характером, обеспечивавшим регуляцию определенных правоотношений; наличие сложной внутренней структуры, соответствующей структуре нормы позитивного права; казуальность норм, содержавших обязывающие предписания, и преимущественная перманентность норм, включавших дозволяющие предписания; существование естественного порядка образования и прекращения действия обычно-правовых норм, базирующегося не на юридическом акте, а на факте их применения на практике. Кроме того, содержание нормы обычного права передавалось в устной форме, поэтому норма обладала лишь условно определенным содержанием, предоставлявшим возможность различной его трактовки; норма была обязательна для выполнения, но предоставляла субъектам обычного права, в зависимости от их статуса, различный объем прав и обязанностей, т. е. носила дифференцированный предоставительственно-обязывающий характер. Контроль над выполнением норм возлагался на правообразующий социум и формируемые им органы потестарной власти.

В соответствии с этим нормой обычного права являлось обладавшее рядом специфических признаков и обеспечиваемое обществом вербальное предписание, выработанное применительно к непосредственному объекту правового регулирования, регламентировавшее поведение субъектов (или субъекта) обычного права при вступлении в определенные общественные отношения.

Базовыми источниками обычного права донских казаков являлись обычаи, юридические прецеденты и договоры. Каждый из источников обычного права обладал рядом специфических признаков. Так, обычай характеризовался обычно-правовой нормативностью, субинституциональностью, синкретичностью, традиционностью, санкционированностью, публичностью, партикулярностью, непрерывностью, длительностью и многократностью применения.

В соответствии с этим обычай в широком смысле представлял собой основанный на многократном применении, санкционированный обществом традиционный источник права, объединявший в каждом конкретном случае несколько взаимосвязанных между собой обычно-правовых и иных социальных норм, действие которых было направлено на регулирование определенной разновидности общественных отношений.

Для юридического прецедента как источника обычного права донских казаков были характерны следующие признаки: нормативность, казуальность, партикулярность, убедительность. Юридический прецедент у донских казаков являлся официальным инструментом саморегулирования обычно-правовой системы войска Донского, обеспечивавшим оперативное устранение нормативных пробелов в обычном праве и упразднение не отвечавших совокупным потребностям социума обычаев. Таким образом, юридический прецедент выступал в качестве традиционного источника права, основанного на содержащих обычно-правовые нормы административных или судебных решениях потестарной власти, которые при условии их общественного санкционирования в будущем становились примером разрешения схожих дел по аналогии. При вынесении соответствующих казуальных решений власть руководствовалась общественными предписаниями, содержавшимися в обычаях или в ранее заключенных договорах, но могла выступать творцом новых обычно-правовых норм или же инициатором отмены прежних.

Наконец, основными признаками договора по обычному праву донских казаков являлись: регулирование как международных, так и «внутрисоциумных» правоотношений; необязательность условия равенства сторон, заключавших договор; доминирование вербально-символичной формы заключения соглашений; обеспечение выполнения условий международных договоров сторонами, их заключавшими, а «внутрисоциумных» – органами войсковой, станичной администрации и «сторонами». Руководствуясь вышеперечисленными признаками, договор – это источник обычного права, основанный на добровольных преимущественно вербально-символических соглашениях, содержавших правила, предписания общего порядка, выражавшие общность тех или иных интересов сторон, в результате следования которым происходило подтверждение прежних или генезис новых обычно-правовых норм.

Завершив рассмотрение последнего признака правового положения войска Донского, переходим к рассмотрению юридического статуса общины по обычному праву донских казаков. Последний

определялся следующими основными признаками: наличием органов местного самоуправления; регулированием общественных отношений обычно-правовыми нормами партикулярного действия; наличием политико-правового межобщинного взаимодействия; существованием военно-корпоративного принципа консолидации местного населения; обеспечением его прироста вследствие миграционных процессов; наличием в пределах общины коллективной собственности на земли, недра, воду и биологические ресурсы.

Органы местного самоуправления общин по конструкции организации властвования были идентичны между собой и схожи с институтами потестарной власти войска Донского. Высшим органом власти, наделенным в пределах общины исполнительными, нормотворческими и судебными функциями, выступал казачий круг, с начала XVIII в. именовавшийся станичным кругом (сбором). В его работе принимали участие только полноправные казаки, хотя в редких случаях в него приглашали и неказачье население.

Исполнительным органом казачьей общины выступала «станичная изба», включавшая атамана, есаула, стариков и писаря. Станичный атаман являлся непосредственным организатором выполнения решений казачьих сходов, есаул выполнял поручения атамана. Станичные старики принимали деятельное участие в рассмотрении административно-судебных и социально-бытовых вопросов, касавшихся местного общества. Писарь реализовывал делопроизводственные функции.

Регулирование общественных отношений в пределах общины осуществлялось при помощи обычно-правовых норм партикулярного действия (станичного права). В различных стационарных общинах донских казаков публичные обычно-правовые нормы, базировавшиеся на обычаях, были практически идентичны, а частноправовые нормы, содержавшиеся по большей части в юридических прецедентах, различались.

Регулирование общественных отношений обычно-правовыми нормами партикулярного действия не стало основанием для политико-правовой разобщенности казачьих станиц, так как межобщинные правоотношения обеспечивались «начальственными» по иерархии нормами «войскового права». При этом если функционирование конкретной общины не затрагивало интересов войска Донского, то она в организационно-правовом плане развивалась практически самостоятельно. В то же время в случае особой необходимости интересы отдельных общин подчинялись интересам всего Донского казачьего войска.

Наличие политико-правового единства казаков определялось тем, что ежегодно большинство из них собиралось в столице края, где на войсковых кругах естественным путем происходило введение в практику юридических прецедентов, применение обычаев и заключение договоров, информация о которых впоследствии проецировалась индивидами на нормативно-регулятивную деятельность стационарных казачьих поселений.

Население стационарных казачьих общин консолидировалось не по признаку родства или соседства, а по признаку принадлежности к казачьей общности, обеспечивавшей на военно-корпоративной основе сохранение внешней безопасности местного населения в условиях окружения враждебными нехристианскими народами. При этом межцивилизационный диалог с последними представлял собой череду военных столкновений с целью физического уничтожения и хищения имущества друг у друга. В этих условиях общинно-образующим фактором выступала принадлежность индивидов к корпорации казаков, спаянной общими целями и задачами.

До вхождения войска Донского в состав Российского государства основным способом прироста населения общин являлась миграция из соседних регионов, а после эти процессы стали регулироваться российским законодательством. Первоначально для получения статуса казака было необходимо положительное решение станичного круга, а с 30–40-х гг. XVIII в. – постановление донского правительства.

Население общины обладало правом коллективной собственности на земли, недра, воду, другие биологические ресурсы. При этом правомочие владения до конца XVII в. сохранялось за войском Донским, правомочие распоряжения – за станичным обществом, которое могло те или иные участки (земельные, лесные, речные и пр.) на определенное время распределить между всеми местными казаками или сдать кому-либо в аренду для пополнения общественных сумм. Правомочие пользования закреплялось за индивидами.

Завершив рассмотрение правового положения общины по обычному праву донских казаков, переходим к рассмотрению правового положения индивидов. Оно формировалось из общего и особенного статусов. Общий статус характеризовал положение физических лиц независимо от их субъективных особенностей (возраста, благосостояния, занимаемой должности, вероисповедания, национальности, семейного положения и пр.) как представителей конкретной социальной общности. Общий статус включал права, а также обязанности, связанные с принадлежностью индивида к соответству-

ющей социальной группе. Особенный статус формировался исходя из нескольких составных критериев, детализировавших правовое положение индивидов, предоставляя им специальные права и возлагая специальные обязанности.

Так, особенный статус донских казаков формировался исходя из нескольких критериев: геополитического, социально-экономического, геронтологического, общественно-политического и религиозного. По геополитическому критерию донцы классифицировались на «верховых» и «низовых» казаков, по социально-экономическому критерию – на домовитых казаков и голытьбу, по геронтологическому – на стариков и молодых казаков, по общественно-политическому – на войсковую старшину и рядовое казачество, по религиозному – на христиан и иноверцев.

Неказачье население в значительном количестве появилось во второй половине XVII в. в городках Нижнего Дона, где не каждый из мигрантов получал право именоваться казаком, но обретал при этом «вид на жительство». Причиной этому являлось нежелание «низового» казачества делить царское жалование с недавно мигрировавшими на Дон индивидами. «Верховые городки», присваивавшие незначительную часть царского жалования, не ограничивали прием в свои ряды новых членов.

Особенный статус неказачьего населения войска Донского формировался исходя из социально-ассимиляционного, семейного и этнического критериев. По социально-ассимиляционному критерию соответствующие индивиды классифицировались на «бродячих», «зажилых» и «оземейных»; по семейному критерию – на лиц, состоявших в браке или не имевших собственной семьи; по этническому – на великороссов, малороссов, «базовых калмык» и представителей иных менее численно представленных национальностей. Индивиды, рожденные в смешанных браках неказаков с казачками, поражались в правах, получая возможность стать полноправным «гражданином войска Донского» в «отроческом» возрасте.

Правовое положение лиц, временно находившихся на территории войска Донского, определялось по критерию наличия или отсутствия у них личной свободы. Если индивид находился в крае в качестве пленника, то он не выступал самостоятельным субъектом обычного права. Захват пленников осуществлялся с целью обмена на невольников-казаков, получения выкупа, вступления в брак (с турчанками, татарками и пр.).

Положение лично свободных иностранцев, временно находившихся на территории Донского казачьего войска, определялось

в зависимости от их правового статуса в собственном государстве. В то же время ни чины, ни звания, ни цель визита в войско Донское не давали лицу иммунитета от преследования по обычному праву донских казаков, действие которого распространялось на всех физических лиц, находившихся в крае. Также правовое положение лиц, временно находившихся на территории войска Донского, зависело от их национальности. Если индивид являлся представителем этноса, дружественного донскому казачеству, то он обладал привилегированным статусом (например, великороссы и малороссы). Представители враждебных донцам народов ограничивались в своих правах, так как их нахождение в войске Донском считалось нежелательным, посягающим на безопасность казачества.

Рассмотрев обычно-правовое регулирование правового статуса войска Донского и казачьей общины, представляется важным и обоснованным рассмотреть проблему реализации судебно-процессуальных отношений в традиционном обществе донских казаков.

Судопроизводство на Дону в XVI–XVII вв. осуществлялось на основе обычного права, действовавшего на всей территории войска Донского, а также за его пределами, но только среди казаков. «У донских казаков нормотворческий процесс начался с момента их появления на геополитической арене региона. Остро стояла потребность регулирования всех сторон жизнедеятельности, так как каждый индивид имел собственные интересы, часто идущие в разрез с интересами всего общества. Неограниченная реализация личных потребностей могла повлечь за собой уничтожение зарождающегося протогосударства»[1].

Назначение правосудия носило примитивный характер и определялось как прекращение тяжб и обид, примирение тяжущихся и защита обиженных, наказание виновных. Под тяжбами подразумевались судебные дела имущественного характера (гражданское производство), а под обидами – дела, связанные с совершением деликтов (уголовное производство)[2]. И по тем, и по другим казачеством выносились итоговые решения, именовавшиеся приговорами.

Специализированных органов правосудия (судов, прокуратуры, предварительного следствия, дознания, адвокатуры) не существовало, и рассмотрение дел возлагалось на традиционные институты казачества: войсковой круг, круги казаков отдельных городков,

---

[1] *Небратенко Г. Г.* Реализация судебно-процессуальных отношений в традиционном обществе донских казаков // Юристъ-Правоведъ. 2009. № 3. С. 86.

[2] *Куксенко Е. И.* Эволюция обычного права донских казаков. С. 66.

походного атамана, атамана зимовой станицы, атаманов легких станиц, атаманов ватаг, круги ватаг. Соответственно, не выделялось и самостоятельного уголовного и гражданского производства, а все возникавшие судебные дела рассматривались «елико возможно» всем казачеством или одними лишь атаманами.

Порядок осуществления правосудия изначально не устанавливался, вырабатываясь практикой реализации «народной юстиции», приобретя в рамках обычного права устоявшуюся вербально-символическую форму, в общих чертах соблюдаемую последующими поколениями казачества. Специальных требований об обязательности следования устоявшемуся порядку судопроизводства не существовало, но он в целом соблюдался, с некоторыми лишь «изъятиями», которые не имели никакого значения для легитимности совершаемых действий. Вербальное закрепление юридически значимых процедур допускало возможность отступления от их содержания, так как память и воля позволяли различные трактовки, двусмысленность и даже противоречия в восприятии одних и тех же событий и фактов[1].

Определенное воздействие на судебно-процессуальные отношения в войске Донском оказывало Российское государство, но это влияние осуществлялось опосредованно (диспозитивно) при помощи царских грамот, а также международных договоров, носивших формулярный характер, который предусматривал присоединение или отказ от присоединения к условиям, выдвигаемым противоположной стороной (формализованным в грамотах). В то же время донские казаки вплоть до конца XVII в. не признавали российское законодательство в качестве источника регулирования судебно-процессуальных отношений. Также, по-видимому, определенное воздействие на регулирование данных отношений оказало взаимодействие с прочими государствами и народами, окружавшими войско Донское (магометанскими и ламаистским). Так, обыкновение брать в походах ясырей с целью продажи или обмена – тому хороший пример.

Действие «судебно-процессуального права» донских казаков распространялось по всей территории войска Донского и на всех субъектов обычного права: не только на физических лиц, но и на непосредственные казачьи городки, население которых всегда могло быть подвергнуто наказанию по принципу круговой поруки. В этом случае атаманов, есаулов и прочих «лучших» казаков «казнили смертию», а прочих – приговаривали к телесным наказаниям и «в юрте всем отказывалось». В донских юртах под «юрисдикци-

[1] *Куксенко Е. И.* Эволюция обычного права донских казаков. С. 46.

ей» обычного права находились не только казаки, но и местное неказачье население, а также прибывшие в войско Донское иноземцы вне зависимости от их правового положения на родине и цели визита (например, дипломатической).

За пределами войска Донского судебно-процессуальные отношения «промеж» донских казаков также регулировались обычным правом. В Российском государстве казаки до конца XVII в. пользовались иммунитетом, признавая над собой только «казачий присуд». Причем иммунитет распространялся не только на «старых» донских казаков, но и на вновь принятых: «Скрывались на Дону и всякие грабители, разбойники, быв на Дону одну неделю или месяц, а случиться им с чем-нибудь в Москву, и до них впредь дела никакого ни в чем ни бывает никому, что кто своровал, потому что Доном от всяких бед освобождаются»[1].

На территории Российского государства, с которым войско Донское поддерживало союзнические отношения, иммунитет казачества соблюдался практически неукоснительно. Причем царь неоднократно обращается к Войску с просьбой наказывать виновных казаков по войсковому обычаю. Для официального наказания казака в Российском государстве требовалось специальное разрешение войскового круга. В то же время в периоды царской опалы и замораживания официальных дипломатических отношений донские казаки лишались иммунитета. В целом же до начала XVIII в. действовала обычно-правовая норма: «С Дона выдачи нет!».

Традиционные институты власти казачества, реализовавшие судебные функции, по обычному праву классифицировались на органы, осуществлявшие «общее производство» на территории войска Донского, и органы, реализовавшие «особенное производство» за пределами края в период нахождения донских казаков в походе. К первым относились войсковой круг, а также круги казаков непосредственных городков, ко вторым – походный атаман (в походном войске), атаман зимовой станицы, атаманы легких станиц, атаманы ватаг (ватманы) или круги ватаг.

Подсудность дел по обычному праву определялась по фактической подведомственности определенной территории или группы казаков тому или иному институту власти, исключая тяжкие деликты, нарушения «заказов», а также дела о «скопищах воров», рассматриваемые только в войсковом круге. Органы, осуществлявшие

---

[1] Терское казачество в прошлом и настоящем / сост. М. А. Караулов. Владикавказ, 1912. С. 55.

«общее производство», классифицировались на две «инстанции»: круг казаков непосредственного городка – первая и войсковой круг – вторая. Приговоры «первой инстанции» (нижестоящей) могли обжаловаться в «суде второй» (вышестоящей), что, однако, по обыкновениям донских казаков, считалось большим позором для городка, неспособного самостоятельно примирить своих жителей.

Приговоры «суда второй инстанции» обжалованию не подлежали, приводясь в исполнение немедленно. Кроме того, войсковой круг мог выступать в качестве «суда первой инстанции» (об этом выше уже упоминалось). Для возбуждения «общего производства» в войсковом круге часто ждали очередного сбора казачества или более значимого повода для его внеочередного созыва. Войсковой круг, собравшийся в плановом порядке, включал максимальное количество донских казаков. Если же он созывался вне установленного времени, то состоял из казаков столицы войска Донского (Главного войска), близлежащих к ней городков и «гостюющих» донцов, все в совокупности выступая малым числом.

Малые войсковые круги проводились довольно часто, нося тем не менее экстраординарный характер, означавший, что войсковой атаман имеет необходимость вынести на всеобщее обсуждение безотлагательные вопросы, но из-за невозможности в скором времени собрания всего войска приглашает только «ближних» казаков. Именно эти собрания обсуждали основную массу текущих административно-судебных вопросов. Малый войсковой круг отличался большей скрупулезностью в рассмотрении дел, а большой войсковой круг, созываемый для самых важных нужд, не нисходил до подробностей изыскания истины или вообще отказывался от рассмотрения малозначительных судебных дел.

Подобная же практика сложилась и в отдельных городках, с тем отличием, что созыв местных казачьих кругов был менее бюрократизирован и осуществлялся в любой момент. Если дело было спешным, то его рассматривали в тот же день, а терпящие отлагательства судебные дела откладывались до более подходящего момента. Состав местных кругов, созываемых с весны по осень, был немногочислен, включая атамана, есаула, стариков и «хворых» казаков, а с осени по весну – всех местных казаков.

Органы, реализовавшие «особенное производство» в период нахождения донских казаков в походе, не классифицировались на соподчиненные инстанции. За пределами войска Донского в отрядах казаков царила дисциплина и практически беспрекословное подчинение ранее избранному атаману. «В походах… вся военно-

административная, судебная, дисциплинарная, хозяйственно-интендантская часть оставались в ведении походного атамана и выборных войсковых начальников»[1]. Состав «судебных органов», осуществлявших «особое производство», был всегда одинаков, включая одних лишь атаманов, а в ватагах – еще и ватажников. Хотя атаманы, осуществлявшие судебные функции за пределами войска Донского, старались при рассмотрении дел пользоваться советами прочей походной старшины (по принципу «одна голова хорошо, а две – лучше!»), дабы разделить с ним часть ответственности за принятые решения. Тем не менее единолично выносили приговоры, которые тут же приводились в исполнение.

Казаки подчинялись приказаниям походных атаманов до момента возвращения в войско Донское, где последний в войсковом круге отвечал за ранее вынесенные приговоры и вполне мог пасть жертвой «вердикта» общего сбора казачества. Поэтому «вожаки» обычно не злоупотребляли своими полномочиями. «Походный атаман мог казнить смертью за малейшее непослушание. Беспрекословно повиновались и выборным есаулам и сотникам. Но кончался поход, возвращались казаки к своим делам и опять все были равные»[2].

В ватагах, создаваемых казаками без участия войскового круга, также царила дисциплина, но власть ватмана была более зависима от мнения ватажников. Поэтому приговоры по судебным делам обычно выносились кругом казаков ватаги, хотя из судебного процесса ватман не исключался, сохраняя за собой «в неясных делах» решающий голос. Соотношение полномочий между ватманом и ватажниками определялось в казуальном порядке.

Кроме традиционного порядка осуществления правосудия обычное право донских казаков не запрещало внесудебного разбирательства дел. Самосуд фактически представлял собою признание вины и наказание индивидов без реализации необходимых процедур. Кроме того, самосуд производился, когда виновная сторона отказывалась выполнять «судебный приговор». В этом случае имеющими значение условиями «судилища» являлась соразмерность (адекватность) наносимого ей вреда. Хотя в рамках самосуда наказание «бить и грабить» являлось обыденным призывом к насилию не только над субъективно осуждаемым, но и над членами его семьи, так как никто уже не мог обеспечить неприкосновенности людям, имуществу

---

[1] *Гордеев А. А.* История казаков. М., 1992. Т. II. С. 229.

[2] Хрестоматия по истории донского казачества / сост. М. А. Астапенко. Ростов н/Д., 1994. С. 96.

и жилищу. Причиной применения самосуда в традиционном обществе было то, что основным принципом, обеспечивающим действие обычного права, являлась инициативная самозащита субъектов права. Принцип инициативной самозащиты заключается в том, что любой субъект, которому причинен ущерб, вправе восстановить нарушенное право по собственному усмотрению[1].

За организацию судебного процесса отвечали атаманы всех уровней, и проведение самосудов было следствием их неосведомленности или попустительства. В пределах своих полномочий атаманы обязывались обеспечивать принятие мер к досудебному примирению тяжущихся и удовлетворению обиженных, сохранению мира и спокойствия среди казаков; созыву внеочередных казачьих кругов для рассмотрения тяжб и обид; обвинению лиц, совершивших тяжкие деликты против казачества; организации немедленного приведения приговоров по судебным делам в исполнение. Неспособных к этому атаманов смещали.

В целом судебный процесс в рамках «общего производства» носил гласный публичный характер и делился на три стадии: досудебное оглашение дела, судебное разбирательство, вынесение и приведение в исполнение приговора. По общему производству между стадиями допускались существенные хронологические разрывы, а по особенному производству они практически отсутствовали. По тяжбам возбуждение особого производства вообще не осуществлялось, так как в походе у казаков все делилось поровну и являлось общим (особенно у односумов). Смысла «тягаться» за имущество в чужом крае не было, его надо было еще доставить в войско Донское (сохранив свою голову и жизни «сотоварищей»). Обиды же в скором порядке рассматривались атаманом (в ватагах – с непосредственным участием ватажников), который мог делать это как по своей инициативе, так и по обращению потерпевшей стороны. Такой суд был скорым, а порою жестоким, при этом не делалось никакой пощады трусам, предателям и всем тем, кто своими поступками поставил под угрозу жизни и свободу донцов.

При рассмотрении тяжб и обид «оценивались» предъявляемые сторонами доказательства правоты. Основным доказательством являлись показания сторон, очевидцев или иных лиц, понаслышке знакомых с событиями и фактами рассматриваемого дела. Сбором и оценкой весомости вещественных доказательств никто не занимался, а их существование обычно подтверждалось устными пока-

[1] См.: *Алимжан К. А.* Вопросы теории обычного права. Алматы, 2003. С. 181.

заниями, высказываемыми сторонами процесса, или иногда сопровождалось демонстрацией «вещдоков», что являлось совсем необязательным. Впрочем, достоверность доказательств никто не проверял, а их недостаточность компенсировалась присягой (клятвой) с употреблением религиозно-символических действий (например, наложением крестного знамения, прикосновением ладони к Св. Евангелию и пр.), ссылкой на доброе имя и честный нрав лица, поручительством старшин и прочих уважаемых казаков.

Приговоры выносились большинством казаков, но при этом голоса не подсчитывались – после долгих споров обычно старались прийти к консенсусу. Вне зависимости от личных качеств, заслуг, званий и занимаемых «должностей» голоса всех участников собрания имели одинаковую силу. Одному только войсковому атаману предоставлялось право руководить процессом рассмотрения дел и направлять его в конструктивное русло. На него же возлагалась обязанность организации выполнения решений казачьих сборов.

С учетом того, что в войске Донском применялся самосуд, можно утверждать, что приведение к ответу, признание виновности и применение наказания не являлись исключительным правом традиционных институтов казачества, наделенных судебными функциями. Отменить или изменить можно было только приговор, вынесенный кругом казаков непосредственного городка, да и то по решению войскового круга, в который также подавались жалобы на атаманов городков, несправедливо отказывающих казакам в суде и расправе. Приговоры, вынесенные в походе, оставались неизменными. Жалобы на атаманов, возглавляющих казаков за пределами войска Донского, также подавались в войсковом круге и могли закончиться наказанием оных[1].

Из вышеизложенного следует, что в процессе генезиса и экзистенции традиционного общества у донских казаков естественным путем сформировался особый порядок регулирования судебно-процессуальных отношений, который имел вербальную формализацию в партикулярном обычном праве.

Состояние развития судебно-процессуальных отношений у донских казаков было адекватным уровню развития традиционного общества, позволяя разрешать конфликты и ассиметрично отвечать на угрозы, возникающие как для самого социума, так и для

[1] См.: *Небратенко Г. Г.* Реализация судебно-процессуальных отношений в традиционном обществе донских казаков. С. 89.

его отдельных членов, в условиях отсутствия необходимых органов публичной власти.

Таким образом, обычное право в XVI–XVIII вв. являлось важнейшим регулятором общественных отношений казаков. До конца XVII в. оно носило естественный, а в XVIII в. – волевой характер. В конце XVIII – начале XIX вв. обычное право было практически полностью выведено из правоприменительной практики. Однако с его учетом осуществлялась разработка нормативно-правовой базы, регулировавшей деятельность казачества того времени.

1.3. Казачьи республики как феномен казачьей государственности

Определение нами казачества как самостоятельного этноса подталкивает к рассмотрению немаловажного вопроса в истории становления и развития казачества – стремления казаков к существованию в рамках самостоятельного государства в государстве, а именно созданию казачьей республики (или даже республик).

Как справедливо отмечается в научных исследованиях некоторых авторов, многие отечественные работы, посвященные казачьей проблематике, делают упор на фактологической, а не теоретической стороне уникальной модели государственности[1], анализируют культуру и субкультуру казачества[2], отношения с российской властью[3]. Сложившаяся в нашей стране историческая конъюнктура делала невозможным исследование протодемократических основ казачьей государственности. Сегодня многие работы позволяют делать выводы даже о некоторых элементах гражданского общества в ряде казачьих сообществ. Казачество в средние века

---

[1] См.: История казачества Азиатской России. Т. 1. XVI – первая половина XIX в. / Н. А. Миненко (отв. ред). Екатеринбург, 1995; *Никитин Н. И*. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988; *Соколовский И. Р*. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века. Новосибирск, 2004.

[2] См.: *Дхюбан В. В*. Особенности казачества как субкультуры // Вопросы культурологи. 2012. № 12. С. 67–70; *Рыблова М. А*. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX в. Волгоград, 2006.

[3] См.: *Волвенко А. А*. Российская власть и донское казачество во II пол. XIX – нач. XX вв. // Пространство власти: исторический опыт имперской России и вызовы современности. Серия «Университетская наука». Вып. 3. М., 2001. С. 186–203; *Кислицын С. А*. Государство и расказачивание. 1917–1945. Ростов н/Д., 1996.

могло развивать свою автономию в тех рамках и пределах, которые дозволялись Российским государством[1].

Правовое признание казачества в середине XVI в. в качестве самостоятельной военной и политической силы явилось первым шагом в превращении его в сословие. Этот факт имел далеко идущие последствия. Противоборствующие геополитические силы – Московское государство и Османская империя – стали учитывать казачество как геополитический фактор, стараясь привлечь его к достижению своих целей или вести с ним борьбу[2].

Признание и закрепление за всеми представительствами казачьего этноса личной свободы и имущественных прав, источников доходов (беспошлинная торговля, рыболовство, добыча соли и т. д.) становится необходимым условием материального обеспечения и важным фактором в обретении сословных признаков. Данное развитие событий удовлетворяло в большей степени московское государство и казачество. Правительство расширяло «законные», легитимные возможности использовать казачество в своих целях. Казачество получило права и привилегии, которые служили юридической формой защиты от чиновничьего произвола, социально-экономических и политических притязаний других этносов и социальных групп. Уже первые приобретенные казачеством права и привилегии превратили его в участника и соучастника государственной власти, ввели в политическую сферу[3].

Соглашаясь с мнением Е. И. Дулимова и С. А. Кислицина, мы можем заключить, что сформировалось уникальное протогосударственное независимое образование под названием «Войско Донское». Оно длительное время функционировало, находясь на грани перехода к этапу оформления государственности, но так и не перешло ее. Многочисленные исторические факты доказывают, что существовала тенденция образования устойчивой государственности наряду с тенденцией развития субэтноса в полноценный этнос, однако ни первая, ни вторая тенденции в силу объективных причин не получили завершения[4].

Казачество постепенно в течение двух столетий превратилось из этноса в военно-служебное сословие, сохранившее свои этнические

---

[1] *Ерохин И. Ю.* Казачьи республики как фактор государственности // Белые пятна российской и мировой истории. 2013. № 1–2. С. 40.

[2] См.: *Савельев Е. П.* Казаки. История. Владикавказ, 1991. С. 319, 321.

[3] См.: *Дулимов Е. И., Кислицын С. А.* Государство и донское казачество: учебное пособие по спецкурсу. М., 2000. С. 18.

[4] Там же. С. 19.

культурные и иные характеристики. Это мнение расходится с точками зрения тех исследователей, которые считают, что феодальные сословия сформировались в России только в XVIII в. В частности, некоторые авторы считают, что статус сословной корпорации не давался властью сверху, а вырабатывался самой корпорацией, существовал в виде неписаного регламента или традиционного обычая и только затем санкционировался в той или иной форме государством. В отношении казачества надо, по их мнению, иметь в виду уникальный характер казачьего сословия, являвшегося исключением в российском социуме. Однако, думается, казачья исключительность не имела абсолютного характера, и сословность в России также не была изобретением казачества.

Войско Донское, действительно, формально не слушалось царя и считало себя независимым, хотя несло спорадически вспомогательную службу русскому царю на добровольных и взаимовыгодных началах. Причем, исполняя добровольно взятые на себя обязанности, казаки могли в любой момент это прекратить, если считали себя обиженными. За службу они получали в XVI в., хотя и нерегулярно, продовольственные и воинские припасы, в которых очень нуждались, так как не имели ни земледелия, ни производства. Такая ситуация сложилась и на Яике (Урале), Волге, Тереке.

Очень важно правильно оценить состояние знаменитой казачьей квазигосударственной демократии. Казачьи войсковые круги как институт войскового права и суда оказались неповторимыми государственно-правовыми структурами и традициями казачьего общежития. Казачество вполне могло превратиться в условиях непрерывных военных действий и преодоления постоянных угроз со всех сторон в настоящие орды грабителей с деспотической властью по типу известных флибустьерских общностей, но этого не произошло. Более того, казачество совершенно серьезно считало себя «рыцарским» сословием. Оно вполне осознанно представляло свою атаманско-круговую демократию как альтернативу российским крепостническим порядкам. Это рельефно проявилось во время восстания под предводительством Степана Разина. Надо помнить, что истоком демократизма казачьей общины были позитивные стороны русских крестьянских общин и христианской духовности, особое влияние православия на развитие казачества. Характеризуя казачью демократию, нельзя ее абсолютизировать, забывать об ее ограниченности и исторически преходящем характере, об отсутствии механизмов самозащиты казачества в случае наступления неблагоприятных перемен и попыток отдельных групп казачества

узурпировать власть и навязать свою волю войсковому кругу. Несовершенство войскового права, отсутствие писаного права и поста войскового судьи, юридическая неоформленность ведущих институтов казачества – атаманства и войскового круга предопределило печальную судьбу казачьей квазигосударственности. Когда на Дон усилился приток беглых крестьян и возросла численность голытьбы, усилились амбиции казачьей старшины. Тут казачья демократия стала давать сбои и вошла в состоянии кризиса. Антидемократические тенденции связаны не только с сословными противоречиями, но и с грубейшим пренебрежением со стороны казаков-разинцев демократическими круговыми традициями.

Демократическое устройство самоуправления казачества имело определенную преемственность от обычаев и традиций северных Новгородских территорий. Правда, в условиях закрытости Дона, отсутствия крепостнического насилия вечевые демократические традиции трансформировались, а свобода приобрела характер вольницы. Это не означает обязательного прямого заимствования, но является выражением традиционного антагонизма между московским деспотизмом и вольнолюбивым населением окраинных территорий. Дон объективно стал местом сосредоточения русского народоправства, что не исключает и элементов миграции с севера.

Начиная с XV–XVI вв. самоуправление казаков носило противоречивый характер, порожденный раздвоением русской общественной жизни в целом. С одной стороны, сильное государство и безусловное подчинение ему, с другой – стремление к земству, самоуправлению, вольнице. Для эффективного самоуправления была необходима гражданская активность на местах. Примером истинной самодеятельности и самоуправления предстает не только войско Донское, но и Запорожская Сечь как военная республика, где каждый мог участвовать в управлении.

Одним из популярных вариантов сословного и национального самоутверждения являлось создание собственного независимого государства. Однако он далеко не единственный: в случае с казачьими сообществами просматривается вариант преодоления государственного тягла формирующейся империи. По мере централизации и объединения земель под властью московских государей, казаки искали возможности автономии и противодействия надвигающемуся левиафану. Его право распоряжаться судьбой всех находящихся в его орбите сдерживало казачью вольницу. Формирование российского централизованного государства шло постепенно, но в итоге смело все другие формы политического бытия, оно не предполагало

суверенитета. В 1775 г. Казачья Сечь была сметена этими процессами в связи с очередным социальным бунтом против власти.

Среди трудностей становления демократии в России сегодня отмечается не только распад традиционных норм и социокультурных связей, но и возникновение завышенных материальных и статусных ожиданий. Эти ожидания, особенно на ранних, незрелых стадиях конструирования демократических казачьих сообществ чаще всего не могли быть утолены, ибо формировались из глубоко традиционного, подчас даже инфантильного и архаического духовно-психологического склада. Преданность российскому царю и Российскому государству удивительным образом соседствовала в казачьем сознании с противодействием государственному строю, когда он переставал удовлетворять его.

Так, например, после Смуты недовольство властью, жажда порядка и покоя легли в основу настроений казачества. Избрание Михаила Романова не могло удовлетворить и другие социальные группы. В мифологизированном сознании еще долго бродили неясные социальные чаяния, связанные с самозванщиной. По исследованиям С. В. Бахрушина, взявшим за основу следственные дела по политическим преступлениям тех лет, можно выявить примечательные факты. Так, в 1622 г. на Коломне Демид Фролов в разговоре с несколькими казаками заявил: «Царь де Дмитрий жив, объявился де он в Запорогах; и из Запорогов послал его Саадачной к королю, платье де ему добыл, дал русский казак, Ваською зовут, тому де будет 7 лет»[1]. Так создавалась новая легенда, вызванная недовольством новой властью и связанная с казачеством как основным источником бунта.

Вольница и свобода стали основным фундаментом казачьей республики. Все казаки, живущие в ней, считались свободными и равными в правах. Однако все же постепенно богатое казачество становилось «равнее» и фактически нередко диктовало свою волю. В основе казачьего самоуправления стояла выборность начальников – атаманов, есаулов, совместное управление, суд, казна, строгое товарищество. Однако законы не фиксировались, сохранялось обычное право.

Еще Н. И. Костомаров выделял у разных казачьих сообществ одинаковое стремление «удержать свою корпоративность против государственной власти, но вместе с тем и готовность служить государ-

---

[1] *Бахрушин С. В.* Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 92.

ству с сохранением своей вольницы»[1]. Московское правительство мирилось с казачьей вольницей в обмен на службу и защиту границ. В рамках этого процесса происходят «торг» и обмен политическими ресурсами. Это подчеркивает асимметричный характер отношений ранних сформировавшихся казачьих сообществ и российской власти, а ее ресурсы в дальнейшем стали использоваться для влияния, что повысило потенциал и силу воздействия субъекта власти.

Однако кроме «прирученных» государством служилых казаков появлялись и вольные самостоятельные братства, одним из которых явилось уникальное государственное образование Запорожская Сечь. Они «управлялись сами собою, считали себя независимыми и если изъявляли готовность служить царю, то как бы добровольно». Это вольное братство было открыто для всех. Однако прием в Запорожскую Сечь (напоминая принятие гражданства) осуществлялся на определенных условиях, главными из которых являлись военная подготовка и православная вера. Нередко казачьи сообщества выражали недовольство российскими властями, вопреки запретам и указам вели войны с соседями, нападали на царских послов[2], грабили купцов, давали у себя приют опальным и беглым.

В зависимости от конкретных обстоятельств лояльность рассматриваемых казачьих сообществ менялась. Таким же мобильным и динамичным был статус казаков в системе управления их государством. Любой начальник мог быть смещен, а любой казак оказаться обладателем высокого статуса и должности, поскольку и знать и рядовые казаки были еще организованы в одни и те же социально-родственные институты, имевшие военно-корпоративную природу. Практически все отношения в рамках государственного строительства строились у казаков по модели родственных. Так понятие «атаман» – казачий вождь произошло от древнегерманских atta – отец и mann – витязь, муж. Первоначальное значение атамана как «отца витязей» или «отца мужей» сохранилось в памяти казаков как «отец-атаман», «батька-атаман».

Зарождение самой политики и государственности в казачьих сообществах XV–XVI вв. прослеживается в связи с эволюцией военного лидерства. Первые политические действия, давшие начало казачьему самоуправлению в рамках, например, Запорожской Сечи, обусловлены военным взаимодействием и в том числе выстраива-

---

[1] *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2007. С. 265.

[2] Там же. С. 265.

нием отношений с Российским государством. Это повышало значимость военной составляющей в структуре общественного сознания казаков и их менталитета и формировало предпосылки для становления властно-управленческих функций казачьего атамана.

Делая анализ механизмов власти в казачьей республике, необходимо обратить внимание на огромное значение религии. Не случайно собрания рады проходили в основные религиозные праздники, как бы «освящая» принятые решения.

Особо показательным в процессе государственного строительства выступает административно-территориальное деление казачьих республик. В рамках XVI–XVII вв. можно говорить о территориально-политическом делении, так как шло объединение территории в своего рода военные округа – единицы традиционного боевого порядка. Они как бы «перекраивали» традиционные (естественные) границы, тем самым подчеркивая свою самостоятельность. Запорожская Сечь делилась на курени, имевшие войсковую специфику. Новая Сечь (XVIII в.) делилась на округа (паланки), а те, в свою очередь, на слободы.

Тенденция к централизации власти в руках атамана говорит о военной организации данного социально-политического института. Нередко он выступал как диктатор, вынося смертные приговоры провинившимся, принимая во время войны важные стратегические решения. Атаман был первым среди равных, но постепенно становился верховным правителем, проецируя модели самодержавной российской власти. Атаман избирался на заседании рады, но затем был непререкаемым авторитетом.

Рада соединила в себе функции законодательной, исполнительной (административной) и судебной власти в казачьей республике.

При анализе сущности казачьей республики необходимо понимать особенности той демократии. Ведь демократия – это всегда распутье, система свободы, для которой нет ничего абсолютного. Демократия есть пустое пространство, в котором могут развиваться самые разнообразные политические стремления и формы государственности. Казачьи республики исторически доказывают современный тезис У. Растоу, что демократия вырастает из конфликта и компромисса, но выживает благодаря общественному согласию. Доверие к власти в казачьей республике строилось на ее военной организации, безусловном выполнении приказов.

Феномен казачьей государственности полон противоречий: с одной стороны, мы видим заметное возрастание роли атамана в жизни казачьего государства, значительную концентрацию в его руках

важнейших ресурсов власти и управления, а с другой стороны, шло постепенно усиление политической активности и участия казаков в общественно значимых мероприятиях.

Политическая власть в казачьих государствах характеризуется способностью и возможностью для тех, кто ею обладает, проводить свою волю в руководстве и управлении всем обществом (государством), оказывать определяющее воздействие на поведение казаков с помощью средств, находящихся в распоряжении государства, мобилизовывать на достижение поставленных целей, регулировать отношения между станичниками (в том числе ради стабильности и общественного согласия).

Опыт государственного строительства казачьих республик приводит к ряду сложных дихотомий. Власть и свобода, власть и насилие, власть и авторитет, власть и личность. До сих пор в науке нет единства по поводу того, что скрывается за многогранным феноменом казачьего самоуправления, феноменом господства одного над другими, личности над массами, лидера над ведомыми[1].

Цель казачьего самоуправления в рамках государственности состояла в том, чтобы посредством прямого или косвенного воздействия, объединения или разъединения людей: а) противодействовать внешним вторжениям, деструкции, кризису, упадку, нейтрализовывать влияние Российского государства и конфликты, с ним связанные; б) стремиться к максимуму стабильности своего сообщества, поиску всех видов ресурсов для этого.

Одним из основных факторов, способствующих становлению политической системы казачьей республики, является структура семьи. Статус отца в казачьей патриархальной семье был чрезвычайно высок. Это было обусловлено прежде всего тем, что на нем лежала ответственность за принятие важных решений в семье. Казаки демонстрировали свое уважительное отношение атаману, старались поддерживать непогрешимость его репутации и авторитета, также члены семьи относились к отцу – главе рода.

Развитие казачьей государственности можно рассматривать в рамках патриархальной теории происхождения государства, которая выводит истоки государства из семьи, т. е. семья эволюционирует до государства. Развитие института семьи под влиянием

---

[1] См.: *Дхюбан В. В.* Особенности казачества как субкультуры. С. 67–70; История казачества Азиатской России. Т. 1. XVI – первая половина XIX в.; *Кислицын С. А.* Государство и расказачивание. 1917–1945; *Рыблова М. А.* Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX в.

исторических процессов способствовало у казаков становлению более демократичных отношений в государстве при сохранении единого властного центра. Интересно, что значительные изменения, произошедшие в начале XX в. как в самом институте семьи, так и во властных отношениях внутри нее, проецировались уже в иную форму государственности казаков, чем это было в XVI в. Казачьи республики времен Гражданской войны уже не несут в себе былых элементов демократии, хотя ставили перед собой те же задачи – противопоставить себя Российскому государству.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что казачьи республики представляли собой параллельную модель государства в государстве в рамках Российской империи. Такое параполитейное состояние социальных органов можно определить как потенциально государственное, т. е. ситуацию, когда казачье сообщество переходило к следующему этапу своего развития лишь отдельными элементами при сохранении предшествующих форм – обычного права, структуры семьи, примитивных моделей самоуправления.

В условиях политической инфантильности населения казачье самоуправление дает пример зачаточного, но действенного гражданского общества в тех условиях, способствовавшего снижению авторитарных тенденций в управлении обществом.

Итак, идея независимого казачьего государства не могла возникнуть на голой почве, – история XX в., не говоря о более древних примерах, знает прецеденты казачьих государственных и протогосударственных образований с республиканской формой правления[1], о которых шла речь выше. К началу революционного брожения в Российской империи казачьи земли уже были «пороховой бочкой», в которую их превратила политика центра. По мнению историка С. Сватикова, к моменту Первой мировой войны в результате столкновения «централистских, самодержавно-крепостнических тенденций метрополии» и «автономных, эгалитарно-демократических стремлений колонии» (под метрополией и колонией Сватиков понимает империю и Дон соответственно) Донской край являл собой «ряд крупнейших правовых и социально-экономических противоречий»[2]. Под воздействием революционной опасности, исходящей из захваченного большевиками центра, в казачьих

---

[1] См.: *Кондрашенко О.* Конституционный опыт государственного строительства на территории казачьих войск юго-востока России в период Гражданской войны // Белая гвардия: Альманах. 2005. № 8. С. 33.

[2] *Сватиков С.* Россия и Дон. Вена, 1924. С. 578.

областях «детонировала» давно заложенная под них «взрывчатка». Этим объясняется та взрывоопасная воля к государственно-конституционному строительству, что охватила эти территории в Гражданскую войну.

Объединяющая роль в создании казачьего сепаратистского движения в эмиграции принадлежала в основном донцам, которые стояли у истоков Союза вольного казачества.

Идеологи Союза единогласно сошлись на федеративном устройстве казачьего государства в будущем, во многом отталкиваясь от упомянутых выше проектов времен Гражданской войны. Прямо перед глазами «казакийцев» был отрицательный пример Чехословакии (где долгое время пребывал центр «самостийников» и где они пользовались наибольшим влиянием), многонациональной страны, имевшей форму, однако, унитарной, а не федеративной республики (с областной автономией Словакии), государственные чиновники которой постоянно напоминали о достигнутой идиллии в области обращения с национальными меньшинствами, что, конечно же, было далеко от истины (проблемы немецкого, словацкого и карпаторусского меньшинств в конце концов привели к распаду Чехословакии). Вероятно, «вольные казаки» не хотели в будущем наступать на чехословацкие «грабли» и без особых колебаний избрали федерацию самой подходящей формой государственного устройства гипотетической «Казакии»[1]. Централизм был отброшен ими уже в силу самого характера казачества, его деления на несколько войск, все из которых должны равно принимать участие в управлении государством. К тому же казачьи области никогда не отличались гомогенностью населения (например, доля казачьего населения в Кубанской области на 1917 г. равнялась 45,5%, т. е. казаки составляли менее половины всех жителей[2]), а в результате административно-переселенческой политики большевиков его состав стал еще пестрей. Доля родовых (этнических) казаков неуклонно уменьшалась, численность переселенцев из других регионов СССР росла, – этого казаки-эмигранты не могли не знать. Требовали разрешения не только вопросы «иногородних» и «пришлых», но и проблема «инородцев», т. е. горцев и калмыков. Если за горцами признавалось право на отдельное от казаков государство, которое, учитывая разноплемен-

---

[1] См.: Казакия или отдельные казачьи государства? // Вольное казачество. 1931. 25 июня. № 83. С. 4–9.

[2] См.: *Никитин А.* Суверенная Кубань: опыт отечественного парламентаризма (1917–1920 гг.). М., 2010. С. 19.

ность Кавказа, тоже приняло бы федеративную форму, то калмыков предлагалось интегрировать в «Казакию» наравне с казачьими войсками. Такой вариант встретил понимание и среди калмыцких эмигрантов – «казакоманов», по мнению которых между казаками и калмыками (особенно донскими калмыками) не лежало никаких противоречий, которые зачастую вспыхивали между казаками и горцами, казаками и русскими/украинскими крестьянами. Что касается крестьянского населения, то согласно установкам Союза вольного казачества его предстояло «оказачить», иначе говоря, привить казачьи традиции и казачье самосознание. Все это должно было осуществиться в интересах самих же «иногородних», так как по убеждению «вольных казаков» всякий русский крестьянин испокон веков мечтал стать казаком и, следовательно, никаких проблем при «оказачивании» русских просто не встанет.

Текст Конституции Казакии публиковался в журнале «Вольное казачество» за 1932 г. из номера в номер. Отвечая на возможный упрек в преждевременности, редакторы журнала упирали на то, что именно отсутствие готового проекта конституции, плохое знание техники и организации государственной власти подвели казачьих законодателей в ходе Гражданской войны. «Непосредственной же целью нашего настоящего шага является желание более детально ответить на вопрос – какой же Казакии мы хотим, и дать возможность заранее всем вольным казакам высказаться по этому же вопросу»[1]. Изначальный текст предлагалось обсудить и при обнаружении в нем недоработок предложить им достойную альтернативу.

Круг авторов проекта не может быть пока доподлинно установлен, хотя известно, что помощь в его составлении оказал профессор Украинского университета в Праге О. Эйхельман.

Проект Конституции состоит из 14 глав, каждая из которых делится на несколько «отделов», включающих, в свою очередь, статьи. Стоит перечислить эти главы, соблюдая последовательность: «Союзное Государство Казакия и ее территория», «Публично-правовая власть», «Союзное Государство и политическо-автономные Области в нем», «Гражданство и права и обязанности граждан Казакии», «Компетенция Союзно-государственного строя в Казакии», «Установления (органы) Союзно-государственной власти в Казакии», «Организация юстиции в Казакии», «Вооруженные силы Казакии. Военное управление», «Чрезвычайные меры охранения безопасности в Казакии», «Управление иностранными сношени-

[1] Проект Конституции Казакии // Вольное казачество. 1932. № 96. С. 1.

ями Казакии», «Союзно-государственные финансы», «Контроль Союзно-государственных учреждений», «Государственно-правовое положение церкви и религиозных обществ в Казакии». Налицо высокий уровень юридической мысли у создателей проекта, особенно по сравнению с первой казачьей «протоконституцией» – «Основными законами Всевеликого Войска Донского», являвшейся, по сути, всего лишь копией «Основных законов Российской империи», слабо учитывающей казачью специфику.

В соответствии со ст. 2 главы I «Союзное Государство Казакия и ее территория», территориальной базой предполагаемого государства должны стать семь единиц – Дон, Кубань, Терек, Яик (Урал), Астрахань, Оренбург и Калмыцкая область. Официально они именуются «членами союза» и «политически-автономными областями». Предвидя затруднения в процессе объединения этой «семерки», авторы проекта во вступительной статье к нему отметили, что «насильно никого в состав Казачьего Государства тянуть»[1] не собираются. Интеграция новых областей (равно как и изменение границ) зависит от мнения всех отдельных областей Казакии и должно выражаться в предусмотренном законодательном порядке. Каждому члену союза вменяется в обязанность составление собственной областной конституции, которая представляется для проверки Высшему Союзному Суду. Публично-правовая или государственная власть принадлежит нации (т. е. «народу в ее организованном составе») и осуществляется через компетентные учреждения союза, областей и местных самоуправлений.

Конституцией регламентируется важная проблема предоставления гражданства, наверное, наиболее болезненная из всей череды вопросов, связанных с казачьей государственностью. Приток мигрантов из Центральной России, самовольный захват казачьих наделов пришлыми крестьянами и «иногородними» (сказывалось безземелье этих категорий населения в дореволюционный период, контрастирующее с относительной аграрной обеспеченностью казаков), а также массовые депортации собственно казачьего населения с их земель из-за разделяемых казачеством антисоветских настроений, казалось бы, навсегда изменили этническую, социальную и демографическую структуру некогда зажиточного края. Казачьи сепаратисты хотели разрубить этот гордиев узел путем натурализации или, выражаясь их терминологией, «оказачивания» всех потенциальных граждан Казакии. Процесс предоставления

[1] Проект Конституции Казакии. С. 1.

гражданства подразумевал разделение совокупности населения казачьих областей на несколько категорий. Статус гражданина, т. е. «сознательного этнического существа, принципиально свободного в своих действиях», ко времени вступления в действие Конституции автоматически присваивался всем казакам, горцам, калмыкам, коренному населению городов и сельской местности; всем «иногородним» (в тексте они выступают как «бывшие поданные Русского Государства», причем не ясно, что подразумевается под «Русским Государством»; из нижеследующих положений Конституции можно понять, что это Российская империя, элементы законодательства которой предполагалось оставить до реформирования судебной системы Казакии; советское право полностью отрицалось «вольными казаками» как право государства-оккупанта), жившим и родившимся на территории Казакии до 31 декабря 1918 г. и прожившим на ней же непрерывно в течение не менее десяти лет; всем пришедшим из пределов того же «Русского Государства», чье переселение состоялось в промежуток времени до 31 декабря 1922 г. и чье пребывание на казачьих территориях длилось с того момента непрерывно. Представители последней категории могут быть приняты по их просьбе в состав городов, станиц, хуторов, сел и аулов и других «общественно самоуправляющихся поселений» до введения в действие Конституции. Надо заметить, что все граждане Казакии, независимо от места оседлости (жительства), должны быть прикреплены к какому-либо из городов, станиц, хуторов, сел, аулов или других поселений с действующим общественным самоуправлением.

Представляет интерес и видение Союзом вольного казачества устройства органов государственной власти. В тексте рассматриваемого документа они поименованы «установлениями». К их числу относятся: Верховный Союзный Круг, Союзный Круг, союзный атаман-президент, центральные союзно-государственные установления гражданского и военного управления, Главный Военный Штаб Казакии, Финансовый контроль в союзно-государственном управлении, Высший Союзный Суд и Союзная Кассационная Палата и местные установления союзно-государственного управления.

Верховный Союзный Круг (далее – ВСК), по задумке авторов проекта, должен репрезентовать «учредительную власть нации». Для этой задачи он наделен экстраординарными полномочиями. В компетенции ВСК находятся все изменения в Конституции Казакии, избрание атамана-президента, а в некоторых случаях и предание его Высшему Суду, разрешение вопросов, внесенных в ВСК Союзным Кругом и атаманом-президентом, протесты на постановления Союз-

ного Круга и некоторые другие предметы. Состав ВСК комплектуется из всех депутатов действующего Союзного Круга и дополнительно избранных депутатов. Сформированный в таком составе ВСК предназначен только для одной сессии по перечисленным выше предметам.

Роль парламента надлежало исполнять Союзному Кругу, состоящему из депутатов, избираемых Войсковым Кругом (Радой) каждой области из расчета один депутат на 40000 душ населения. На ежегодных сессиях Союзный Круг должен исполнять функции законодательной ветви власти, а именно выслушивать, обсуждать и утверждать очередные отчеты исполнительной власти Союза, рассматривать и утверждать бюджет, производить выборы, входящие в его компетенцию, и рассматривать те дела, которые ему предоставят исполнительная власть, областные правительства, Высший Союзный Суд, кассационная палата, союзно-государственный контролер и т. д. За Союзным Кругом закреплено право обращаться к Совету Министров с предложением дать объяснения по любому делу из сферы деятельности правительства, если инициативу такого предложения поддержит одна пятая депутатов Круга. Кроме того, Союзный Круг имеет право требовать от председателя Совета Министров личного доклада по вопросам, относящимся к компетенции правительства. В свою очередь, правительство в лице председателя Совета Министров вправе принимать непосредственное участие во всех заседаниях Союзного Круга и его комиссий.

Полномочиями главы исполнительной власти в Казакии наделялся союзный атаман-президент, в самом названии которого современная политологическая терминология сочеталась с казачьей архаикой. Избираемый на 5 лет голосованием ВСК, атаман-президент является «Верховным Вождем» вооруженных сил государства, не занимая при этом лично какой-либо командной должности. В сношениях с правительствами других государств атаману-президенту также отводится главенство, хотя непосредственно сношениями управляет через него министр иностранных дел.

Атаман-президент, кроме того, определяет состав Совета Министров, окончательно утверждая их в должности. Каждое министерство делится на департаменты, во главе которых стоят директора. Для подготовительной работы по разрешению дел учреждается должность делопроизводителя. Таким образом, совместной работой департаментов руководит министр, а такую же работу делопроизводителей контролирует директор департамента. Канцелярией по каждому делопроизводству управляет делопроизводитель. В задачу Совета Министров входит обсуждение вопросов по пред-

ложениям атамана-президента, председателя Совета и каждого из министров. В Совете Министров обсуждаются все дела, вносимые правительством, ВСК и Союзным Кругом.

Итак, анализ опубликованного в 1932 г. проекта Конституции Казакии дает представление о нем как о тщательно проработанном документе, в котором его создатели, руководствуясь современным конституционно-правовым опытом, попытались учесть все стороны жизни гипотетического казачьего государства.

«Союзной Конституции Казакии», так же как и самой Казакии, не суждено было воплотиться в реальность. Советское государство оказалось намного прочней, чем думали те, кто ждал его скорой кончины. Тем не менее нельзя сказать, что с окончанием Второй мировой войны, в ходе которой симпатии казачьих националистов из Казачьего национально-освободительного движения (КНОД) – организации-преемницы Союза вольного казачества – приковала нацистская Германия, идея о создании Казакии канула в небытие. Упоминание Казакии в Акте о порабощенных нациях, принятом резолюцией Конгресса США в 1959 г., фактически сделало ее нереализованным субъектом международного права. Однако к моменту распада СССР эмигрантский национализм казаков истощил себя и исчерпал все свои кадры, что сделало невозможным всякое лоббирование идеи отдельного казачьего государства.

Однако необходимо отметить, что мысль о протогосударстве в возрожденном казачестве, а также термин «казачья республика» не утратил свою актуальность и в наше время. В процессе возрождения казачества в наши дни некоторые казачьи общества решили вспомнить о своих корнях и возродить казачьи республики в рамках государства российского. Однако в современных условиях подобные попытки возрождения независимых казачьих протогосударств больше походят на сепаратистские движения, нежели чем на попытку возрождения исторической независимости казачества.

Анализируя исторический дискурс, отметим, что феномен «казачьего сепаратизма» не новое для России явление, он начал зарождаться в послереволюционное время[1]. В начале XX в. доминирующая на Дону идеология не подразумевала выхода территории Области Войска Донского (ОВД) из состава Российской империи. Крупнейшие организации казаков-националистов – «группа

---

[1] См.: *Бредихин А. В.* Казачий сепаратизм: современное состояние // Научное общество «Кавказовед». URL: http://www.kavkazoved.info/news/2013/09/05/kazachij-separatizm-sovremennoe-sostojanie-i.html

С. А. Холмского» и «Донской союз националистов» были активнейшими сторонниками российской государственности и в своих обращениях выступали на стороне власти во всех международных и общегосударственных делах[1]. Сепаратизм в казачьей среде не рассматривался вообще как возможный вариант дальнейшего развития ОВД, а любые обвинения оппозиции казачьих депутатов в сепаратистских высказываниях не могли носить никакой реалистичной основы. «Живу для казачества, умру за Царя!», вот достойный девиз казака-депутата в 4-й Думе» – заявлял С. А. Холмский. Он же был автором заявления о том, что «казачья группа, верная заветам предков, питая верноподданнические чувства к своему самодержавному Царю, будет проводить в жизнь постоянное стремление, присущее верному казачеству: защищать своею жизнью Трон Российских Монархов, в целом ряде грамот выразивших казачеству свое отеческое о нем попечение»[2].

Даже после Гражданской войны и периода независимости Всевеликого Войска Донского, его атаман Петр Николаевич Краснов считал, что казачья «самостийность», самостоятельность казачьих областей создание отдельного государства «Юго-Восточного союза», или совсем не подчиненного России, или входящего в федерацию государств, ее образующих, как самостоятельное самоуправляемое целое, является чем-то диким и несвойственным казачеству[3].

Известным последствием возрождения казачества сразу после распада СССР среди казаков, как и среди других народов бывшего Советского Союза, стала тенденция к изменению населяемыми ими регионами административно-территориального статуса. Осенью 1991 г. были самопровозглашены несколько казачьих «государственных» образований: »Донская Казачья Республика», «Терская Казачья Республика», «Армавирская Казачья Республика», «Верхне-Кубанская Казачья Республика», объединившая две другие «республики», «Зеленчукско-Урупскую Казачью Советскую Социалистическую Республику» и «Баталпашинскую Казачью Республику»[4].

20 ноября 1991 г. на созванном Союзом казаков Юга России Большом казачьем круге Юга России в Новочеркасске было провозглашено объединение этих республик в Союз Казачьих Респу-

---

[1] См.: *Корниенко Б. С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. С. 196.

[2] *Холмский С. А.* Выборы в казачестве// Голос казачества. 1912. 19 сент. № 47.

[3] См.: *Краснов П. Н.* Казачья самостийность. Берлин. Двухглавый орел, 1922. С. 1–9.

[4] *Бредихин А. В.* Указ. соч.

блик Юга России (СКРЮР) со столицей в Новочеркасске и со статусом союзной республики в предполагавшемся Союзе суверенных государств (ССГ). Были учреждены органы власти Союза, образована Посольская станица в Москве, назначен чрезвычайный и полномочный посол СКРЮР. Создание казачьих «республик» поддержал II Большой Круг Союза казаков Юга России, прошедший 7–10 ноября 1991 в г. Ставрополе.

Сегодня, кроме казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, существуют и общественные объединения казаков, некоторые из которых продолжают традицию 90-х гг. и стремятся к трансформации административно-территориального статуса регионов компактного проживания потомков казаков, вплоть до выхода из состава России. Примером здесь может выступить «Донская Казачья Республика» (ДКР), способствующая активизации автономистских идей в казачьей среде.

Основной целью деятельности ДКР, судя по находящимся в открытом доступе материалам, ставилось изменения административно-территориального статуса Донского края с трансформацией его в демократическое правовое государство, объединенное с Российской Федерацией, со своей Конституцией[1]. Но за декларированным стремлением к изменению региона (его укрупнению), которые сейчас повсеместны в России (Пермский край, Забайкальский край и др.), лежит идея раскола казачества. Ввиду чего прокуратура Ростовской области, проведя проверки, установила, что »целью «Донской Казачьей Республики» является пропаганда идеи создания антиконституционного территориального образования в составе Российской Федерации, а ее лидеры и активисты провозглашают осуществление державного самоуправления. Распространяемая литература содержит угрозу восстания – насильственного захвата и удержания власти и заявления о намерении совершить действия, направленные на подрыв конституционного строя Российской Федерации, прежде всего – на нарушение территориальной целостности Российской Федерации путем образования самостоятельной административно-территориальной единицы»[2].

---

[1] Конституция «Донской Казачьей Республики». Статья 1. URL: http://donrepublic.kzforum.info/t383-topic

[2] Прокурор области вынес предупреждение организации Донской Казачьей Республики о недопустимости осуществления экстремистской деятельности// Прокуратура Ростовской области. URL: http://www.prokuror-rostov.ru/news/4481.html

При этом донские сепаратисты не стремятся останавливать свои заявления на внутрироссийском уровне, они ставят перед собой задачу международного признания. «Существует определенный порядок действий, который необходимо совершить для того, чтобы оформить все по закону. В ближайшее время мы определим границы государства, подготовим правовую базу и будем добиваться признания в ООН»[1], – считает А. Юдин.

Действия, проводимые «атаманом или президентом» Донской Казачьей Республики Александром Юдиным, по мнению ряда исследователей, носят сепаратистский характер не только в рамках Ростовской области, но и превращаются в проблему всего Юга России. Избранный «президентом» «республики» в октябре 2009 г. в станице Старочеркасской на «2-м Общенациональном съезде казачьего народа», на котором присутствовали около 300 человек, глава «Донской Казачьей Республики» призвал объединиться в «мощный национальный кулак»[2]. Последствием чего стал казачий сход 21 марта 2010 г. в Армавире, где собрались 267 представителей казачьих объединений Южного федерального округа, в том числе старейшины казачества Кубани, Дона, Терека, Ставрополья и Карачаево-Черкесии. А. Юдин предлагал создать «пояс безопасности до Тихого океана в форме восстановления казачьих национально-территориальных образований». «Нас, патриотов, власть рассматривает как экстремистов, а любую нашу активность и стремление к достойной, человеческой жизни и восстановление исторической справедливости в отношении казачьего народа рассматривает как восстание рабов», – говорил «атаман»[3].

Делегаты Круга проголосовали за создание так называемой «Казачьей кавказской линии» (ККЛ) на Юге России. Атаманом ККЛ был избран Юрий Чуреков – бывший атаман реестрового Пятигорского округа Терского казачьего войска, также были назначены два заместителя атамана ККЛ, начальник штаба и представители ККЛ в регионах. Позиция же самого Ю. Чурекова, признанного 8 июня 2013 г. на Сходе казаков Терского войскового казачьего общества председателем Синодального комитета по взаимодействию с казачеством, митрополитом Ставропольским и Невинномысским Ки-

---

[1] *Коваленко А.* Казачество плюс сепаратизм равно...// Евразия. URL: http://evrazia.org/article/1397

[2] *Бондаренко М.* Национальный кулак донских атаманов // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/regions/2011-02-21/1_kazaki.html

[3] Протокол Схода-конференции атаманов Казачьего Народа юга России. URL: http://donrepublic.kzforum.info/t357-topic

риллом сепаратистом[1], такова: «Казаки никогда не были склонны к конфронтации с русским, украинским, белорусским народами», – возражает Ю. Чуреков. – «Сегодня казаки наиболее последовательно выступают за максимальную интеграцию России, Украины, Беларуси и Казахстана (где еще сохраняется значительный процент славянского населения). Различные версии «казачьего сепаратизма» – это безумие, вопрос, граничащий с провокацией. Задачами казаков является укрепление южных рубежей России, казаки сегодня – главное препятствие распространению в России исламского экстремизма и сепаратизма»[2]. Совпадают ли слова терского «атамана» с его делами, остается вопросом, однако митрополит Кирилл отозвался о его деятельности следующим образом: «Сейчас вернутся: казачье самоуправление, республика какая-то появится казачья новая, как говорят сепаратисты, земли будет много дано, денег миллиарды выделят казакам, и все решится мгновенно и каким-то чудесным образом. Ничего не решится. Деньги разворуются. Этим сепаратизмом будет разрушено государство, – созданием каких-то республик, так называемых. Как это сегодня называет Чуреков и многие другие наши сепаратисты Терского и не Терского войска, в прошлом.... Когда каждый казак будет исповедоваться и причащаться в храме Божием, – вот тогда, без республик, и без всего у вас будет сила, которую будут уважать»[3].Таким образом, складывается двойственная ситуация: с одной стороны, Чуреков признается сепаратистом митрополитом Ставропольским и Невиномысским Кириллом, что подтверждается его лидерством в так называемой «Казачьей кавказской линии», а с другой – он выступает с позицией против развития феномена «казачьего сепаратизма».

Вероятно, с научной точки зрения, этому явлению есть вполне обоснованные причины, однако с юридической точки зрения, существование казачьих протогосударственных образований в современной России невозможно в силу противоречия их Основному закону и законодательству Российской Федерации. Подобные явления, безусловно, должны расцениваться государством как экстремистские и сепаратистские.

---

[1] *Росляков И.* Как применить силу казаков в пользу Отечества// Кавказская политика. URL: http://kavpolit.com/kak-primenit-silu-kazakov-v-polzu-otechestva/

[2] *Вольф Р.* Смогут ли казаки стать серьезной политической силой?// Ставропольский Репортер. 2013. № 5 (163).

[3] *Росляков И.* Указ. соч.

Глава 2. ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

2.1. От угасания казачества к возрождению его правовых основ в современной России

Прежде чем начать исследование вопроса возрождения казачества, необходимо определиться с тем моментом, который связан с так называемым прекращением существования в первую очередь в юридическом смысле казачества как этноса или его ликвидации как отдельного сословия. В науке этот процесс, получивший название «расказачивание», является трагической страницей в истории всего российского казачества.

При этом, как мы уже успели выяснить в нашем исследовании, в научной среде до сих пор не утихают споры по поводу социально-правовой идентификации казачества. Одни ученые рассматривают его как особый субэтнос или даже самостоятельный этнос (и мы придерживаемся именно этой позиции), другие – исключительно как сословную группу.

Приверженность той или другой точке зрения определяет и оценку «расказачивания» их адептами. В первом случае его рассматривают как геноцид, а во втором – как ликвидацию сословной ограниченности, являющуюся составной частью процесса модернизации, т. е. трансформации традиционного общества в индустриальное[1].

Процесс модернизации в России начал «набирать обороты» во второй половине XIX в. с отменой крепостного права. Не случайно именно в это время «казачий вопрос» становится предметом обсуждения в высших сферах Российского государства. В правительственных кругах высказывались мнения о низких боевых качествах казачьих войск, о чрезмерной обособленности казачества, о том, что оно изжило себя в новых условиях. На основании этого выдвигались предложения о лишении казачества особого социального статуса и о переводе его на положение податного сословия[2].

Власть обосновывала свое желание ликвидировать казачество следующими аргументами.

Во-первых, к концу XIX в. основные казачьи войска (за исключением Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурий-

---

[1] См.: *Иванов А. В.* «Расказачивание» – трагический, но закономерный финал. Возрождение казачества: каким ему быть? // Научный диалог. 2013. № 6 (18) С. 43.

[2] См.: *Машин М. Д.* Оренбургское казачье. Челябинск, 2000. С. 123.

ского) вследствие территориального роста Российского государства оказались во внутренних регионах страны и утратили роль непосредственной охраны и обороны границ. В предшествующую эпоху главным предназначением всех казачьих войск Европейской России, Урала и Западной Сибири была защита от соседей-кочевников.

Казаков не надо было убеждать в необходимости несения охранной службы, поскольку защищали они свои дома и семьи. Тем самым государство получало фактически бесплатную и весьма надежную пограничную стражу, хорошо знавшую местность, обычаи и тактику беспокойных соседей. Теперь же эти соседи стали подданными Российской империи, а пограничные посты пришлось передислоцировать на многие сотни верст. К охране новых рубежей тоже привлекались казачьи части, но службу там несли только полки первой очереди, находившиеся на государственном обеспечении, как и части регулярной армии. Таким образом, финансовая выгода от использования казаков для охраны границ постепенно сходила на нет[1].

Во-вторых, рост технической оснащенности армий вероятных противников, насыщение их скорострельными артиллерийскими системами, а в начале XX в. и пулеметами ставили под сомнение возможность использования в боевых действиях крупных кавалерийских соединений в конном строю. Опыт локальных войн новейшего времени, в частности русско-японской войны 1904–1905 гг., подтвердил низкую боевую эффективность казачьей конницы. Ее участие в боевых операциях ограничилось несением разведывательно-дозорной и конвойной службы, а также несколькими рейдами в тыл противника, имевшими частный характер и не оказавшими серьезного влияния на оперативную обстановку. Это порождало сомнения в необходимости иметь в составе вооруженных сил большое количество казачьих частей, а следовательно, в сохранении особого статуса казачества как главного поставщика воинов-кавалеристов.

В-третьих, технический прогресс в военном деле приводил к удорожанию экипировки военнослужащего. Включение в 1873 г. казачьих полков в состав регулярных кавалерийских дивизий привело к возрастанию требований к казаку при снаряжении на службу. Если в середине XIX в. суммарная стоимость обмундирования, экипировки и строевой лошади составляла от 70 до 100 руб., то полвека спустя она возросла до 200 руб., а к 1912 г. – до 250–300 руб.[2]. Это привело к тому, что главный принцип формирования казачьих

---

[1] См.: *Иванов А. В.* Указ. соч. С. 44.

[2] *Машин М. Д.* Указ. соч. С. 53.

частей – снаряжение на службу за счет доходов, получаемых с собственного хозяйства, – перестал действовать. Государство было вынуждено взять на себя часть этих расходов, выплачивая каждому казаку, впервые выходящему на службу, 100-рублевое пособие. Прежняя дешевизна легкой казачьей кавалерии уходила в прошлое. Военные расходы государства на ее содержание росли, постепенно сравниваясь с расходами на содержание регулярных сил. Этот факт тоже свидетельствовал не в пользу казачества.

В-четвертых, к концу XIX – началу XX в. в России резко обострился и без того крайне болезненный земельный вопрос. Демографический скачок привел к относительному аграрному перенаселению – росту численности сельского населения при практически неизменной площади обрабатываемых земель. В результате возрастало количество малоземельных хозяйств, неспособных обеспечить собственный прожиточный минимум. Дабы снизить уровень социальной напряженности в деревне, правительство еще в 1868 г. разрешило переселение в казачьи области лиц, не относящихся к войсковому сословию, и покупку ими недвижимости в виде усадебной оседлости. Правда, приобретать пахотные или луговые угодья в собственность этим лицам не разрешалось, им предоставлялось лишь право аренды. Тем не менее шаг по пути разрушения изолированного существования казачества был сделан. Приток переселенцев возрастал с каждым годом, тем более что войсковые и станичные правления с целью пополнения своих бюджетов охотно сдавали в аренду неиспользуемые земли войскового запаса и станичных юртов. Перспектива решения проблемы крестьянского малоземелья за счет изъятия из войсковой собственности части земель представлялась некоторым высокопоставленным государственным чиновникам весьма заманчивой[1].

Итак, объективные факторы «расказачивания» с точки зрения государства были вполне реальными. И правительство, пусть медленно и непоследовательно, с оглядкой, но все же приступило к его реализации. Первым шагом на этом пути стал закон 1868 г. Следующим – принятие год спустя, в 1869 г., закона, разрешившего казакам (при соблюдении ряда условий) выход из своего сословия. Окончательное оформление эти условия получили в изданном в 1883 г. Положении «О службе казаков вне своих войск, о выходе из войскового сословия и о зачислении в казачье сословие посторонних лиц». Согласно установленным правилам казак, пожелавший выйти из своего сословия,

[1] *Иванов А. В.* Указ. соч. С. 46.

был обязан полностью выполнить возлагавшиеся на него повинности, уплатить положенные денежные сборы и, самое главное, отказаться от своего земельного пая и всех полагавшихся казакам льгот. Естественно, одновременно он освобождался и от всех обязанностей, несение которых предполагал сословный статус[1].

Конечно, подавляющее большинство казачьего населения не могло, да и не желало воспользоваться предоставлявшейся возможностью. Перспектива остаться без средств к существованию не прельщала ни казаков Дона, Кубани или Оренбуржья, занимавшихся преимущественно земледелием, ни семиреченцев или забайкальцев, получавших основной доход от скотоводства, ни уральских казаков, для которых выход из войска означал утрату права на рыбные промыслы, приносившие им немалые деньги. Из войскового сословия вышли только те, кого стесняли ограничения, обусловленные особым характером казачьей службы, – крупные предприниматели, коммерческую деятельность которых осложняло отсутствие свободы передвижения, часть представителей казачьей интеллигенции, постоянно проживавшей вне войсковой территории и в силу этого утратившей навыки военной службы. Число этих людей было невелико, но прецедент был создан, нерушимость сословных границ прорвана.

Еще одним свидетельством в пользу того, что в конце XIX – начале XX в. правительство России проводило политику постепенного «расказачивания», является упорное нежелание правящих кругов решить проблему прогрессирующего сокращения казачьего земельного пая. Упоминавшееся Положение 1869 г. устанавливало общевойсковую норму земельного обеспечения казака в размере 30 десятин. Однако рост численности населения в казачьих областях при неизменности начертания их границ привел к тому, что в начале XX столетия казачий земельный пай сократился в Оренбургском войске до 24,6 десятин, в Донском – до 16,5, а в Кубанском – и вовсе до 12,5 десятин. Даже в Амурском казачьем войске, располагавшемся в регионе, где имелись значительные массивы свободных земель, размер казачьего земельного надела был несколько ниже нормы – 29,1 десятины[2]. Ухудшение земельного обеспечения казачьих хозяйств вело к росту числа казаков, неспособных за свой счет снарядиться на службу, что, в свою очередь, давало дополнительные аргументы в пользу ликвидации казачьего сословия.

---

[1] *Иванов А. В.* Указ. соч.. С. 47.

[2] См.: *Абрамовский А. П., Кобзов В. С.* Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999. С. 262.

Другим аргументом была более низкая эффективность казачьего земледельческого хозяйства по сравнению с крестьянским. Не имея возможности свободно распоряжаться своим участком, отлучаться на заработки на длительное время, полностью расходовать заработанное на расширение хозяйства, казаки проигрывали экономическое соревнование с окружающим крестьянским населением. Исследования О. Б. Герман свидетельствуют, что в целом казачьи дворы по хозяйственным показателям уступали дворам соседних с ними крестьян[1]. Поскольку доходы, получаемые от эксплуатации земельного участка, с трудом (и не всегда) покрывали расходы на снаряжение на службу, складывалась парадоксальная ситуация: чем больше взрослых сыновей было в казачьей семье, тем ниже был уровень ее благосостояния. (В крестьянской семье ситуация была прямо противоположной.) В статье, опубликованной в 1911 г. в журнале «Голос казачества», приводились факты полного разорения казачьих хозяйств при одновременном выходе на службу 2–3 сыновей (близнецов или погодков).

Тяжесть возложенных на казачество повинностей вызывала недовольство в его среде. Некоторые представители наиболее радикальной части войсковой интеллигенции высказывали мысли об упразднении казачьего сословия и предоставлении казакам гражданских прав наравне с прочим населением, в частности полную свободу передвижения, выбора рода деятельности и службы по их усмотрению. Такого рода предложение было вынесено на рассмотрение Государственной Думы депутатом от Оренбургского казачьего войска Т. И. Седельниковым[2]. Однако оно не получило поддержки ни в правительственных кругах, ни среди казачества. Несмотря на очевидный анахронизм войсковой системы, основанной на сословном делении общества, тормозившем процессы социальной модернизации, правящий режим продолжал консервировать прежние порядки. В 1913 г. было издано правительственное распоряжение, которое сузило возможность выхода казаков из войскового сословия по сравнению с законоположениями конца XIX в. Причиной тому было стремление сохранить казачество как военную силу, но не столько для использования во внешних конфликтах, сколько для целей подавления революционного движения внутри страны. Ненадежность регулярной армии, продемонстрированная ею в со-

---

[1] *Герман О. Б.* Правовое положение крестьянства и казачества Юго-Востока Европейской России в 1861–1920 гг. Ростов н/Д., 2003. С. 111–112.

[2] См.: *Абрамовский А. П.* Указ. соч. С. 259.

бытиях 1905–1907 гг., и в то же время высокий уровень воинской дисциплины, управляемости и оперативной маневренности легкой казачьей кавалерии склоняли правительство к идее использования ее для несения полицейской службы.

Февральская революция, провозгласившая ликвидацию сословий и полное равноправие всех граждан России, с неизбежностью ставила вопрос о ликвидации всех сословных ограничений и привилегий, не исключая и казачьих. Это прекрасно понимала казачья элита в лице генералитета, войскового чиновничества и консервативно настроенной интеллигенции. С целью сохранения земельного статус-кво был выдвинут тезис о том, что казачество является не сословием, а отдельным народом, так как признание его таковым давало основание требовать реализации провозглашенного права на самоопределение в виде автономии войсковых областей в рамках единого Российского государства. В этом случае надежда на неприкосновенность казачьих земель в ходе приближавшейся аграрной реформы имела под собой основание. Созванные по инициативе казачьих «верхов» весной-летом 1917 г. войсковые съезды, пользуясь полным бессилием центральной власти, явочным порядком провозгласили автономию своих областей и учредили органы местной власти в лице кругов и войсковых правительств. При этом новоиспеченные органы власти тут же объявили исключительной войсковой собственностью все земли и их недра, леса, воды и прочие природные богатства, находящиеся на территориях казачьих регионов. К этому решению их подтолкнули действия иногородних (населения казачьих областей, не входившего в состав войскового сословия), выразившиеся в самовольных захватах необрабатываемых земель, входивших в состав так называемого войскового запаса. (Он предназначался для обеспечения наделами казаков, достигших 17-летнего возраста.) Провокационную роль в обострении межсословных противоречий сыграло выступление министра земледелия Временного правительства В. М. Чернова на 1-м Всероссийском крестьянском съезде в мае 1917 г., утверждавшего, что казачьи наделы существенно превышают крестьянские, а потому казакам придется «потесниться»[1].

В ответ 2-й Общеказачий съезд, состоявшийся в Петрограде в июне 1917 г., принимает резолюцию, в которой говорилось, что «все земли казачьих войск, леса, воды и угодья со всеми недрами как историческое достояние казачества составляют неотъемлемую

[1] *Герман О. Б.* Указ. соч. С. 350.

собственность каждого казачьего войска»[1]. В резолюции подчеркивалось, что иногороднее крестьянское население, проживающее на казачьей земле, получает равное с казаками право в земском самоуправлении, однако не может быть наделено казачьей землей. Исключение делалось только для тех отдаленных войск (Амурское, Уссурийское), где местные земельные условия позволяли поделиться землей с крестьянством без ущерба для казаков[2]. Тем самым придавалась легитимность решениям войсковых кругов по аграрному вопросу. Одновременно решения съезда подтверждали право крестьян, проживающих на казачьих территориях, на пользование находящимися в их распоряжении землями при условии внесения установленной платы в войсковую казну. Столь острая реакция вполне понятна, ведь вопрос об уступке части казачьих земель в пользу иногороднего населения был поднят членом Всероссийского правительства, а значит, воспринимался как официальная линия государственной аграрной политики.

С приходом к власти большевиков политика «расказачивания» начала осуществляться не на словах, а на деле. Правда, в первые недели существования советской власти, когда та не чувствовала под собой достаточно твердой опоры, «расказачивание» проводилось в форме, вполне устраивавшей казаков. 11 (24) ноября 1917 г. ВЦИК и Совнарком приняли декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов, согласно которому в числе прочих упразднялось и казачье сословие. В начале декабря Совнарком предоставил казачеству полную свободу передвижения и отменил воинскую повинность, что было встречено рядовой казачьей массой с понятным энтузиазмом. Однако вслед за этим закономерно вставал вопрос об особых условиях казачьего землепользования. Тезис о национализации земли, составлявший принципиальную основу аграрной программы большевистской партии, был несовместим с притязаниями казачества на право собственности на землю и недра в пределах войсковых территорий. Поэтому ни одно из казачьих войсковых правительств не поддержало советскую власть. Осознавая шаткость своих позиций, Совнарком издает обращение к казакам, в котором очень умело обходит самый острый вопрос – вопрос о наделении землей иногородних. Большевики прибегли к своему традиционному методу: сообщить полуправду, драпируя ее пафосными революционными лозунгами. В обращении говорилось, что принадлежавшие офице-

---

[1] *Герман О. Б.* Указ. соч. С. 354.
[2] Там же. С. 351.

рам и чиновникам земли (по терминологии авторов этого документа – «казаков-помещиков») перейдут в руки казачьей бедноты, и никто другой на них не претендует[1]. Но готовившийся Основной закон «О социализации земли» предусматривал уравнительное наделение землей по потребительской или трудовой норме всего проживающего в данной местности сельского населения, т. е., применительно к казачьим регионам, и иногородних. В документах, направленных центральной властью на места, было отчетливо обозначено требование при наделении землей учитывать интересы не только трудового казачества, но и трудящегося населения вообще, а именно крестьян смежных со станицами сел. Решение этой задачи было невозможно без отчуждения части казачьих надельных земель. И с весны 1918 г. начинается широкое наступление на казачье землевладение. Попытки противостоять экспансии расценивались властями как контрреволюционные проявления и жестоко подавлялись.

От политики «расказачивания» советская власть не отступала на протяжении всей Гражданской войны. В зависимости от военно-политической ситуации менялась лишь ее острота. Так, например, декрет от 1 июня 1918 г. «Об организации советской власти в казачьих областях», принятый в разгар антисоветских восстаний, был документом достаточно либеральным. Он предусматривал создание отдельных административных единиц в границах прежних казачьих войск с предоставлением им мест во ВЦИК, создание советов казачьих депутатов и казачьих воинских формирований с учетом военных и бытовых особенностей местного населения. Но при этом в декрете содержалось принципиальное положение, касающееся наделения землей иногородних за счет частновладельческих и войсковых запасных земель.

Победы, одержанные Красной армией в боях с войсками П. Н. Краснова на Дону и А. И. Дутова на Урале зимой 1918–1919 гг., отказ значительной части донских и оренбургских казаков от продолжения борьбы и их массовое возвращение в станицы вселили в большевистское руководство уверенность в том, что сопротивление казачества сломлено окончательно и можно переходить к более жестким мерам. Ничем другим невозможно объяснить появление такого документа, как циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г.:

«1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отно-

---

[1] *Ульянов И. И.* Казаки и Советская республика. Москва; Ленинград, 1929. С. 39–40.

шению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно.

4. Уравнять пришлых иногородних к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних.

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания»[1].

Вполне понятно, что проводимая на основании такой директивы политика вызвала крайнее возмущение казачества. Во-первых, расплывчатость формулировок первых двух пунктов приведенного выше документа давала простор произволу и злоупотреблениям. Неопределенность критериев отнесения хозяйств к той или иной имущественной категории при относительно высокой земельной обеспеченности казачества открывала возможность распространения репрессий практически на все население станиц. Во-вторых, разоружение казаков и вооружение иногородних было по сути своей оскорблением вековых традиций. Наконец, в-третьих, уравнение казаков и иногородних в землепользовании, а тем более переселение крестьян в казачьи районы подогревали межсословную вражду. На усиление давления казачество ответило новой вспышкой антисоветских выступлений.

Но и это не заставило большевистское руководство отказаться от «расказачивания». Об этом прямо заявил М. И. Калинин в своем выступлении на 1-м Всероссийском съезде трудового казачества в феврале 1920 г. Правда, при этом он заверил делегатов, а в их лице и все казачество, что советская власть не намерена отбирать

[1] Цит. по: *Герман О. Б.* Указ. соч. С. 508.

у казаков земли, запрещать им носить традиционную форму и переименовывать станицы в села[1]. Однако слова главы высшего законодательного органа Советского государства оказались не более чем ложью. Власть продолжала заигрывать с казачеством, пока продолжалась Гражданская война, и его нужно было вырвать из-под влияния антибольшевистских сил. Но как только завершилась активная фаза боевых действий, овечья шкура, в которую рядился режим диктатуры пролетариата, была сброшена. Уже в конце декабря 1920 г. было принято решение о ликвидации Казачьего отдела ВЦИК – единственного государственного органа, хоть как-то выражавшего и пытавшегося защищать права казачества. На основании декрета от 18 ноября 1920 г. «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях» уже в следующем 1921 г. началось массовое изъятие земель у казаков и перераспределение их в пользу иногородних, организовано массовое переселение в казачьи области крестьянской бедноты из других регионов страны. Территории бывших казачьих областей расчленялись и передавались в подчинение различных административно-территориальных образований. Советская власть последовательно боролась со всем, что напоминало о старом режиме. Постепенно слова *казак, станица* выходят из официального употребления, население бывших казачьих областей именуется крестьянами. Казаков ограничивают в гражданских правах, не призывают на службу в Красную армию.

И все же вытравить из памяти потомков казаков осознание принадлежности к особой этнокультурной общности так и не удалось. Свидетельством тому стал бурный процесс возрождения казачества на рубеже XX–XXI вв. Нет сомнений в обоснованности и исторической целесообразности этого явления. Исчезновение богатой и самобытной казачьей культуры стало бы невосполнимой утратой не только для нашей страны. Однако возникает вполне закономерный вопрос: а что же все-таки должно возрождаться? Репрессированный этнос, так и не получивший статуса отдельного народа? Военно-земледельческое сословие? Этнокультурная общность? Несмотря на то, что старт этому процессу был дан более двух десятилетий назад, окончательного ответа на этот вопрос нет, а государственная политика в отношении казачества носит весьма непоследовательный характер[2].

Наибольшим радикализмом отличаются сторонники признания казачества особым – четвертым – восточнославянским наро-

---

[1] См.: *Ульянов И. И.* Указ. соч. С. 113.
[2] См.: *Иванов А. В.* Указ. соч. С. 26.

дом. При этом они ссылаются на Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов», назвавший казачество в числе таковых. Однако если мы обратимся к тексту закона, то увидим, что это не совсем так. Статья 2 определяет казачество как исторически сложившуюся культурно-этническую общность людей, а не как отдельный народ. Вольное или невольное, но тем не менее искаженное толкование закона побудило некоторые горячие головы требовать самоопределения казачества, воссоздания его административных образований в границах дореволюционных областей проживания, а также введения в них атаманского правления. В 90-е гг. звучали даже призывы обратиться в ООН с просьбой о рассмотрении казачьего вопроса[1].

Однако, прежде чем исследовать конкретные правовые акты, связанные с возрождением казачества в России на современном этапе, необходимо определить те исторические этапы, которые обусловили их разработку и принятие, а также повлияли на этот процесс.

По мнению ряда исследователей, условно историю возрождения казачества можно разделить на несколько этапов.

Так, по мнению Д. Д. Пеньковского, таких этапов можно выделить пять[2].

Первый этап – первично-реставрационный (1988–1990 гг.). В это время происходит становление движения, люди начинают открыто называть себя казаками. Главной задачей этого периода было восстановление казачьей культуры, пробуждение общественного самосознания той части населения, которое относит себя к исконно русской части российской государственности в виде казачества и Русской православной церкви. Данный этап завершился организационным оформлением движения – созданием Союза казаков области Войска Донского. Нужно отметить особую роль КПСС в казачьем движении – она негласно участвовала в организации первых казачьих союзов. Были предприняты серьезные меры по восстановлению казачества как военной силы, в результате чего в казачье движение пришли разного рода романтики, ревнители казачьей самостийности, а иногда и корыстолюбцы, властолюбивые натуры, одолеваемые амбициями. Многие из них получили серьезную финансовую под-

---

[1] См.: *Козлов А. И.* Казаки – нация, сословие?.. // Возрождение казачества: история и современность: материалы к V Всерос. науч. конф.: сб. науч. ст. Новочеркасск, 1994. С. 11.

[2] См.: *Пеньковский Д. Д.* Возрождение российского казачества на современном этапе // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 81.

держку со стороны теневых финансовых структур, оттеснили романтиков казачьего возрождения. В казачьем движении в те годы взяли верх настроения возрождения казачества как военного сословия.

Второй этап условно можно назвать сословно-корпоративным (1991–1993 гг.). В это время продолжается процесс развития внутренней жизни, новой для современной России и ее части – казаков и их объединений. В движение вливается политически скандальная часть населения России. Основной тенденцией становятся политические акции движения. Новые люди в казачестве стремятся доказать преемственность традиций казачества, порой возродить невозрождаемое, совершают поступки, неадекватно воспринимаемые общественностью, иногда вообще невоспринимаемые даже той частью населения, что близка по духу казачеству. Но тем не менее казачье движение в упорной внутренней борьбе, разногласиях и спорах постепенно приобретает политически цивилизованный характер.

Третий этап – политически и социально-статусный (1993–1994 гг.). Главное направление деятельности почти всех казачьих организаций – укрепление правового статуса и становление движения за возрождение казачества. Большинство казаков окончательно понимают неотделимость движения казачьего общества от политической системы России и пытаются найти в ней свое место. Казаки избавляются от эксцентричных форм деятельности, политической «показухи», укрепляют сотрудничество с государственными органами власти и управления, ищут поддержки в различных социальных слоях населения, стараются быть более открытыми и понятными для неказачьего населения России не только на юге, в местах традиционного проживания казачества, но и в других регионах – в Московской области, Санкт-Петербурге, Сибири, на Северном Кавказе и т. д. Казачество как движение, не забывая, что оно всегда было вне партий, начинает поддерживать выборы и участвовать в них. Происходит своего рода вживление казачьих структур в политическую и экономическую структуру современного общества.

Четвертый этап можно назвать условно юридическим (1994–1997 гг.). На этом этапе государство полностью признало казачье движение как таковое. С 1992 по 1995 г. шла разработка нормативно-правовой базы, определялись порядок организационного оформления, место казачьего движения в современном политическом и государственном устройстве России. В 1994 г. Правительство РФ приняло Постановление «О концепции государственной политики по отношению к казачеству», в котором были определены стратегические направления взаимоотношения государства с казачеством,

обозначены основные виды и формы государственной службы казаков, выработаны формы сочетания государственного управления казачьим движением и самоуправления казаков, обозначены их территориальные органы и формы объединения, особенности землепользования в местах традиционного проживания казачества. Важным политическим итогом данного постановления можно считать признание высокой роли казачества, в то же время можно говорить о неоднозначности отношения государства к казакам как к сословию государственных служилых людей.

В 1995 г. был подписан Указ Президента РФ «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации», которым было определено главное направление возрождения казачества России – воссоздание с учетом реалий жизни системы реестровых казачьих войск, подчиненных главе государства и выполняющих государственную и иную службу на благо государства, нашей России. К концу 1997 г. в Министерстве юстиции Российской Федерации были зарегистрированы 18 организаций казаков, из них: четыре международных (Союз казачьих войск России и зарубежья, Всевеликое Войско Донское, Единый международный союз казачек, благотворительный фонд «Казачья школа»); две общероссийских (Союз казаков, Союз казачьих формирований); 12 межрегиональных (Сибирское казачье войско, Оренбургское казачье войско, Казачий фонд культуры, Великое братство казачьих войск, Всеуральское казачье войско, Объединенные казачьи войска Сибири, Уссурийское казачье войско, Белый союз казачьих войск и др.).

Официальными целями движения были обозначены развитие казачьей культуры, традиций, духовности, воспитания молодежи, патриотизма; возрождение современных форм традиционной казачьей службы. Большой объединительный Круг казаков 27 октября 1996 г. принял решение о создании новой казачьей структуры, отражающей государственный характер современного казачьего движения. Было создано Войсковое казачье общество «Всевеликое Войско Донское» – орган территориального общественного самоуправления, объединяющий уже созданные казачьи общества: хуторские, станичные и окружные. Стал очевиден факт: казачье движение переросло рамки общественной организации и стало в рамках российской государственности органом территориального общественного самоуправления.

Наступил пятый этап современного казачьего движения – объединительно-государственный (1997 г. – по настоящее время), ставший этапом движения всех казачьих формирований к примирению

и единству, который также можно охарактеризовать как этап постепенного огосударствления казачьего движения, вливания его в современную политическую и государственную систему России.

Итак, рассмотрим более подробно те этапы, которые в правовом смысле повлияли на возрождение казачества в современной России.

Как мы уже успели определить ранее, активизации казачьего движения способствовала Декларация Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечение их прав».

Важным событием в определении стратегии казачьего движения становится Учредительный I Большой Круг (съезд) Союза казаков России (СКР), проходивший в Москве 28–30 июня 1990 г. На съезде присутствовало 263 делегата от 72807 избравших их членов казачьих организаций различных регионов. Атаманом избирается член Московского землячества, уроженец станицы Нижне-Гниловской, кандидат экономических наук А. Мартынов. В сформированное Правление Союза входят также товарищи атамана: по организационным вопросам – В. Латынин, по культуре и издательской работе – Г. Немченко, кошевой атаман В. Овчаров и восемь войсковых старшин. Помощником атамана становится писатель Б. Алмазов. Круг проходит под патриотическими лозунгами возрождения славы и традиций казачества в деле служения единой и неделимой России, принимается Устав Союза казаков и Обращение, обсуждается программа исторического и культурного возрождения, социальной защиты, поощрения предприимчивости и инициативы в экономической деятельности. И хотя многие из прибывших на Круг представляют лишь по нескольку десятков казаков (а некоторые только самих себя), организационному становлению казачьего движения дается серьезный толчок: происходит структурное оформление организаций, вошедших в Союз казаков, деление на округи и отделы и т. д. В состав Союза казаков постепенно входят 28 различных объединений казачества, союзов, обществ, землячеств, войск[1].

И хотя Большой Круг «присуждает» казачеству не входить ни в какие политические партии[2], тем не менее политизация казачьего движения становится неизбежной. Еще в апреле 1990 г. от Москов-

---

[1] См.: *Мациевский Г. О.* Возрождение российского казачества в конце XX в.: основные источники и особенности // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2011. № 10. С. 210.

[2] Казачий круг. 1997. № 8.

ского землячества казаков откалывается группа во главе с Г. Кокунько по причине «красной» ориентации землячества и создает свою организацию – «Землячество казаков в Москве». Расслоение на «красных» и «белых» вскоре охватит многие казачьи организации и станет одной из причин раскола в казачьем движении.

Движение за возрождение казачества постепенно охватывает новые регионы. В апреле 1990 г. в Оренбурге проходит учредительный сход потомков казаков Оренбургского войска, проживающих на территории Оренбургской, Челябинской, Свердловской областей и Республики Башкортостан, на котором принимается решение создать общину «Оренбургское казачье войско», которая вскоре входит в Союз казаков России. Первым атаманом общины стал писатель И. Пьянков.

На Дальнем Востоке в начале 1990-х гг. идет возрождение Амурского и Уссурийского казачьих войск. На территории Казахстана возрождаются части Уральского, Семиреченского и Сибирского казачеств, потомков которых насчитывается здесь около 70 тысяч[1]. Однако попытки возрождения казачества встречают в Казахстане негативную реакцию местных властей и национальных организаций типа казахских «Азат» и «Алаш», советских немцев «Возрождение» и Чечено-ингушского национального центра. При этом категорически осуждается участие казаков в военно-патриотическом воспитании молодежи, казаков обвиняют в создании военно-атаманских формирований и в претензиях на политическую власть.

В то же время внутренний раскол казачества по политическим пристрастиям становился все более явным. На Кубани сторонники дальнейших радикально-демократических реформ в стране из числа казаков создают самостоятельные казачьи структуры, объявив о своей «белой» ориентации. Уже в начале лета 1991 г. от Кубанской казачьей Рады (ККР) фактически отделились Черноморская Рада, в сентябре этого же года – казачья ассоциация «Россия» и Анапский округ.

В июне 1991 г. из состава Оренбургского казачьего войска выходят несколько десятков казаков и образуют Союз казачества Оренбуржья, на Первом Большом Круге (март 1992 г.) которого в качестве основополагающей провозглашается идеология «Белого движения»[2].

12 июня 1991 г. на выборах Президента РСФСР Союз казаков России и Правление Союза казаков Области Войска Донского при-

---

[1] См.: Казачий вестник (Уральск). 1991. № 8 (сентябрь).

[2] См.: История казачества Азиатской России. Т. 3. XX в. Екатеринбург, 1995. С. 199.

зывают население голосовать за Н. И. Рыжкова, Кубанская казачья Рада поддерживает кандидата в Президенты РСФСР, бывшего министра внутренних дел СССР В. В. Бакатина. Оба они представляли органы власти СССР и выступали за более консервативную политику[1]. «Белая» казачья оппозиция, которая к тому времени еще структурно не оформилась, предлагает голосовать за Б. Н. Ельцина, представляющего наиболее радикальные политические круги.

Вскоре раскол в казачестве оформился организационно. На Круге представителей казачьих объединений России, собравшемся в Москве 21–22 июля 1991 г. и представлявшем от 9 до 30 казачьих организаций страны, учреждается Союз казачьих войск России (СКВР) и избирается первый состав его правления. Делегаты Круга (65 человек) заявляют о своем желании сотрудничать с российским руководством и о своей поддержке демократических сил в стране. Инициаторами Круга стали Землячество казаков в Москве, Ростовская станица Доломановская, Черкасский округ Войска Донского, Сибирское, Кубанское, Енисейское казачьи войска и др. СКВР с момента своего создания выступил «белой» альтернативой «красному» Союзу казаков России.

В отличие от СКР, Союз казачьих войск России выступает за признание, пусть с некоторыми ограничениями, частной собственности на землю в исторических казачьих регионах, а также за поддержку политики Президента РФ, более всего в области перехода к рыночному хозяйству и проведении радикальных экономических реформ. При этом СКВР делает особый акцент на восстановлении особой роли Русской православной церкви в жизни казачьих сообществ, обвиняя руководство Союза казаков России в засилье партийной коммунистической номенклатуры и бывших работников КГБ в казачьих структурах.

Государство, видя в казачестве новую реальную политическую силу, стремится придать процессу возрождения определенную логику, контролировать, «руководить и направлять» его развитие. 26 апреля 1991 г. публикуется Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов»[2], где статус казачества определялся как «культурно-этническая общность людей». Статья 3 данного закона раскрывала сущность реабилитации, которая означала «признание осуществления права репрессированных народов на восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституци-

---

[1] Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.
[2] Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 18. Ст. 572.

онной политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения, а также на возмещение ущерба, принесенного государством»[1]. Настоящий закон сыграл роль катализатора многих политических процессов. Согласно его тексту, не только казачество, но и многие другие народы, получали легитимное право быть в оппозиции существовавшей политико-идеологической системе. На государственном уровне закладывались основы дальнейшего реформирования государственной структуры, где союзником реформаторов становились целые этнические общности, что, возможно, сыграло свою роль в формировании отношения к решению о роспуске СССР.

Следующим важным государственным документом, конституирующим перспективы развития казачьего движения, стал Указ Президента РФ Б. Ельцина от 15 июля 1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества»[2]. Пункт 3 Указа устанавливал, что казаками считаются граждане, относящие себя к прямым потомкам казаков и выразившие желание совместно восстанавливать и развивать формы хозяйствования, культуры, быта и участвовать в несении государственной службы, а также граждане, в установленном порядке добровольно вступившие в казаки. И хотя преамбула Указа подтверждала культурно-этнический статус казачества, положение о том, что в казачество возможно «добровольное вступление», фактически отрицало этнический характер движения, так как «вступить» в народ нельзя. Необходимым и достаточным условием для причисления к казачеству провозглашалось лишь желание быть казаком и участие в совместном хозяйствовании и несении государственной службы. По всей видимости, этим Указом исполнительная власть в лице Президента РФ заявляла о своем желании способствовать развитию казачьего движения, постепенно вводя его в русло государственной структуры на правах сословной военно-экономической организации, хотя пункт 2 и провозглашал отказ от «возврата к каким-либо сословным привилегиям»[10].

Указом также определялись еще два направления по реабилитации – отвод земельных наделов казачьим обществам для коллективного землепользования на безвозмездной основе и возможность использовать традиционные формы казачьего самоуправления на территории компактного проживания казачества на основе свобод-

---

[1] Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 18. Ст. 572.

[2] Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 25. Ст. 1429.

ного волеизъявления граждан (местного референдума) и в соответствии с Законом Российской Федерации «О местном самоуправлении в Российской Федерации» от 6 июля 1991 г.

Указ Президента РФ № 341 от 15 марта 1993 г. «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона и государственной поддержке казачества» определял военные аспекты возрождения казачества и стратегические линии поведения институтов государственной власти по отношению к казачьему движению. Согласно Указу члены казачьих обществ имели право проходить военную службу в казачьих соединениях и частях Вооруженных сил РФ, пограничных войсках, казачьих моторизованных воинских частях и частях оперативного назначения внутренних войск в соответствии с Законом РФ «О воинской обязанности и военной службе».

Таким образом, движение за возрождение казачества постепенно трансформировалось государством: из малопредсказуемой «группы давления», имеющей свои политические цели и задачи, в «государственно-добровольно-общественную» организацию по образцу ДОСААФ или местных комитетов по гражданской обороне. В качестве «сословной привилегии» для казаков, проходящих военную службу, планировалось разработать Положение об «особом режиме пользования землями»[1].

Указ также предписывал Правительству РФ, органам исполнительной власти республик, краев, областей, автономий в составе Российской Федерации, городов Москвы и Санкт-Петербурга оказывать содействие возрождению российского казачества. В чем конкретно должно проявляться это содействие – не объяснялось. По мнению некоторых исследователей (Н. Дулимов, И. Золотарев), Указ № 341 от 15 марта 1993 г. остался невыполненным почти в полном объеме, а заложенные в нем правовые основы казачьего возрождения не получили развития. Видимо это не совсем так. Хотя многое из того, что декларировалось в Указе, получило более детальную разработку только в 1998–1999 гг., однако линия отношения власти к движению за возрождение казачества была заявлена и получила свое развитие в последующих законодательных актах. 22 октября 1993 г. выходит Приказ Министра обороны РФ № 488 «О мерах по выполнению в армии и на флоте Указа Президента Российской Федерации «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского

[1] *Мациевский Г. О.* Указ. соч. С. 212.

региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества», в котором излагался план мероприятий по выполнению Указа в Вооруженных силах РФ. Директива Генерального штаба (ДГШ) от 11 ноября 1993 г. № 315/3/0331 устанавливала перечень соединений и воинских частей, подразделения которых с весны 1994 г. должны были комплектоваться казаками, и определяла порядок взаимодействия с представителями казачества. Согласно ДГШ от 14.02 94. № 315/4/510 военным комиссариатам были даны указания о порядке воинского учета казаков.

С 1993 по 1996 г. процесс развития движения за возрождение казачества в основном протекал в русле законодательного оформления декларировавшихся ранее направлений, определения статуса казачества в государственной структуре и регламентации отношений органов государственной власти с казачьими организациями.

Продолжением процесса огосударствления казачества стало принятие 22 апреля 1994 г. Постановления Правительства РФ № 355 «О концепции государственной политики по отношению к казачеству»[1], вызвавшее самую неоднозначную реакцию как в среде самих казаков, так и среди исследователей данной проблемы. Постановление определяло, что казачество исторически напрямую было связано с государственной службой, сформировавшей те специфические черты, которые позволяют рассматривать казачество в качестве самобытного явления в истории русского народа. В связи с этим возрождение традиционных форм государственной службы казаков должно стать одним из элементов становления новой российской государственности и укрепления ее безопасности. Государство же будет оказывать поддержку казачьему движению в становлении его в качестве государственной структуры, предоставляя финансовые, материальные и иные льготы, способствуя развитию казачьего самоуправления. В постановлении поручалось Министерству обороны разработать и утвердить нормативные акты, регламентирующие прохождение казаками военной службы в рядах Вооруженных сил РФ[2]. В то же время было отмечено, что комплектование казаками воинских частей и подразделений ни в коей мере не означает созданий в Вооруженных силах нового вида или рода войск или, тем более, иных вооруженных формирований, не предусмотренных федеральными законами; атаманы казачьих обществ никаких властных либо

[1] СЗ РФ. 1994. № 3. Ст. 210.
[2] Там же.

контрольных функций по отношению к воинским частям и подразделениям, которые укомплектованы казаками, иметь не будут (приложение № 1 к директиве 1-го ЗМО № 315/4/295 от 24 января 1996 г.). По мнению О. В. Матвеева, данная политика свидетельствовала о стремлении государства «создать реестровое (списочно зарегистрированное и утвержденное правительством) казачество с наделением его, прежде всего, полицейскими функциями»[1], что могло превратить казачество «в унизительно зависимое сословие», окончательно расколов казачье движение и противопоставив его всему населению России.

В это же время во многих казачьих хуторах и станицах проходят Круги, посвященные обсуждению политики государства по отношению к казачеству. В самой казачьей среде не было однозначного мнения по поводу дальнейших путей развития движения за возрождение казачества. Некоторые члены казачьих обществ выступали за необходимость перенесения акцента именно на культурно-историческую составляющую процесса социокультурной трансформации. Из «Отчетного доклада Атамана Пашковского казачьего общества есаула Г. Т. Квашуры о деятельности Правления» видно, что казаки общества поддержали идею «несения государственной и иной службы»[2]. Более того, государственная служба, по их мнению, это – «основная форма жизнедеятельности, которая должна стать стержнем, вокруг которого будет формироваться единый образ жизни казачьего общества, их психология и быт»[3]. В то же время казаки не склонны были отказываться от самостоятельной политической деятельности, которая «просто неизбежна». Для них переход к государственной службе, скорее всего, являлся не превращением в безликий винтик государственного механизма, а возможностью чувствовать свою роль в жизни страны.

Поворотным документом, реализующим концепцию государственной политики по отношению к казачеству, и логическим продолжением Указа Президента РФ от 15 июня 1992 г. № 632 явился Указ Президента РФ от 9 августа 1995 г. № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации»[4], утвердивший «Временное положение о государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации». Согласно Указу были разгра-

---

[1] *Матвеев О. В.* Слово о Кубанском Казачестве. Краснодар, 1995.

[2] ГАКК. Ф. Р-1852. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–2.

[3] Там же.

[4] СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3359.

ничены казачьи общества, взявшие на себя обязанности государственной службы и подлежащие регистрации в Министерстве по делам национальностей и региональной политике, и казачьи общества, действующие на основании Закона РФ «Об общественных объединениях» и регистрирующиеся органами юстиции. Данное положение фактически закрепляло за «реестровым» казачеством статус государственной структуры. Пункт 4 «Временного положения» подтверждал ранее заявленный тезис о неэтническом характере казачьего движения тем, что определял казачье общество как «объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к прямым потомкам казаков или добровольно вступивших в казачьи общества и выразивших желание нести государственную службу...»[1]. Для организации государственной службы казачьи общества оформлялись в жесткую структуру с оговоренным количеством и фиксированным составом и должны были ежегодно представлять отчет о выполнении взятых на себя обязательств по несению государственной службы в Министерстве РФ по делам национальностей и региональной политике и Совете по делам казачества при Президенте РФ.

Таким образом, к началу 1996 г. деятельность Правительства РФ и органов исполнительной власти страны в лице Президента РФ в вопросах государственного урегулирования развития структур казачьих организаций и конституирования их политических требований приобрела черты целенаправленного возрождения казачества в качестве «сословия», предназначенного нести государственную или связанную с ней службу[2].

16 апреля 1996 г. Президентом РФ был принят целый пакет документов, регламентирующих деятельность казачьих обществ в логике Указа Президента РФ от 9 августа 1995 г. «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации».

В приложение к Указу Президента РФ от 16 апреля 1996 г. № 563 «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» появляется «Положение о привлечении членов казачьих обществ к государственной и иной службе», в котором определялись виды государственной и иной службы, «исходя из исторических традиций российского казачества и современных потребностей государства»[3]. В Главе II «Виды службы,

---

[1] СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3359.

[2] См.: *Мациевский Г. О.* Указ. соч. С. 214.

[3] СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1954.

к которой привлекаются члены казачьих обществ, и порядок привлечения их к службе» говорилось, что члены казачьих обществ «несут военную службу в порядке, установленном федеральным законодательством; привлекаются к охране государственной границы Российской Федерации в составе общественных формирований; привлекаются к производству и поставке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для нужд Вооруженных сил Российской Федерации и других войск. Члены казачьих обществ, пребывающие в запасе, могут в соответствии с федеральным законодательством зачисляться в резерв». Кроме того, члены казачьих обществ могут привлекаться: к «охране общественного правопорядка; охране объектов, находящихся в государственной и муниципальной собственности, а также сопровождению грузов; участию в мероприятиях, связанных с ликвидацией последствий стихийных бедствий и оказанием помощи пострадавшим; участию в таможенной охране в составе таможенных органов Российской Федерации; участию в егерской, природоохранной и экологической службе, а также контролю за использованием и охраной земель; охране лесов от пожаров и защите их от вредителей и болезней; производству, закупке и поставке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для федеральных и региональных нужд». В то же время в п. 3 отмечалось, что привлечение членов казачьих обществ к службе основывается на принципах «подконтрольности и подчиненности казачьих обществ федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления».

С 1991 по 1999 г. федеральными властными структурами было принято около 80 нормативных правовых актов по вопросам казачества и более половины из них приходится на время после издания Указа Президента РФ от 20 января 1996 г. № 67 «О Главном управлении казачьих войск при Президенте Российской Федерации». Если документы по казачеству с 1991 по 1993 г. в основном касались вопросов реабилитации казачества, создания структур по казачеству (комиссий, советов), то с 1993 г. начинается активный поиск путей по включению казачества в существующую социально-политическую систему страны. Среди наиболее значимых документов 1993–1995 гг. следует выделить Постановление Правительства Российской Федерации от 22 апреля 1994 г. № 355 «О концепции государственной политики по отношению к казачеству», Указ Президента РФ от 1 июля 1994 г. № 1389 «О Совете по делам казачества при Президенте Российской Федерации» и Указ Прези-

дента РФ от 9 августа 1995 г. № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации». Именно в этих документах была сформулирована государственная политика по отношению к казачеству, намечена вертикаль управления казачьими войсковыми объединениями, конституированы требования некоторой части казачества.

Однако принятие вышеназванных нормативных актов помимо созидательного начала в деле возрождения казачества привнесло и своего рода раскол в казачьих кругах. Это связано с тем, что все российское казачество было разделено на так называемое «реестровое» и казачество в виде общественных организаций. Мы намеренно не уделяем данной проблеме должного внимания в этом параграфе нашего исследования с тем, чтобы осветить ее более подробно в третьем параграфе данной главы.

В дальнейшем правовая и организационная основы казачества (в первую очередь «реестрового») были более детально определены Федеральным законом N 154-ФЗ от 5 декабря 2005 г. «О государственной службе российского казачества»[1], анализ которого мы также проведем ниже.

Можно утверждать, что развитие законодательства РФ и субъектов РФ о казачестве в 1990–2000-е гг. было достаточно хаотичным и предусматривало регулирование концептуально разных сторон процесса возрождения и развития российского казачества.

Этот период характеризуется принятием многочисленных разрозненных правовых актов, направленных не столько на возрождение казачества, сколько на привлечение казачьих объединений к несению военной службы.

Как справедливо отмечает Е. А. Кокарев, периодизация этапов становления и развития законодательства РФ о казачестве должна выглядеть следующим образом:

I этап – 1989–1992 гг. – на данном этапе происходит осмысление необходимости возрождения в России казачества, принимаются первые акты, формирующие политические и правовые основы реабилитации казачества, предоставления казакам отдельных прав; при этом остается нерешенным вопрос о статусе казачества, признания его в качестве народа или этноса;

II этап – 1993–1995 гг. – на данном этапе наблюдается принятие концептуальных подзаконных правовых актов федерального и регионального уровней о привлечении казачества к государственной

[1] СЗ РФ. 2005. N 50. Ст. 5245.

службе, принимаются первые долгосрочные программы развития казачества; все еще остается нерешенным вопрос о статусе казачества, хотя из содержания правовых актов становится понятно, что государство не спешит признавать казачество в качестве народа или этноса и предпочитает выстраивать отношения с казачеством через казачьи объединения;

III этап – 1996–1999 гг. – на данном этапе имел место активный процесс формирования правовой основы государственного управления казачеством, создания органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях, в компетенцию которых входят вопросы управления казачьими объединениями и взаимодействия с казачеством; становится очевидно, что казачество не будет признано в качестве народа или этноса;

IV этап – 2000–2004 гг. – на данном этапе наблюдается активный процесс принятия законодательных актов субъектов РФ, которыми определялись правовой статус казачества, меры государственной поддержки казачества на территории субъектов РФ и т. п.;

V этап – 2005 г. – настоящее время – после принятия Федерального закона «О государственной службе российской казачества» окончательно определился статус казачества, упорядочилось законодательство РФ и субъектов РФ о казачестве, приняты обновленные концепции и программы развития казачества[1].

В качестве объективных факторов, обусловивших формирование и проявление основных источников возрождения казачества, можно рассматривать:

– роспуск СССР и усиление центробежных тенденций в России;

– бурный рост этнического самосознания казаков как реакция на проводимую в 1950–1980-е гг. в СССР национальную политику по стиранию национальных различий и воспитанию «нового советского человека»;

– обострение межэтнических и межгосударственных отношений как внутри государства, так и по его границам;

– всеобщая политизация общественной жизни в стране, вызванная непростыми модернизационными процессами;

– необходимость заполнения духовного и экзистенционального (В. Франкл) вакуума, образовавшегося после утери государственной идеологии;

---

[1] См.: *Кокарев Е. А.* Административно-правовая характеристика законодательства Российской Федерации о казачестве 1990-х годов // Административное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 24.

– тяжелое социальное и экономическое положение казаков как и всех граждан России;

– стремление казачества играть более заметную роль в российском обществе (по мнению некоторых идеологов казачества, оказачивание России – это тот третий путь, который учитывает политические, социально-экономические и культурные особенности формирования государства Российского и отличается от всех представленных сегодня в мире форм демократии);

– живучесть обычаев и традиций былого казачества, которые инициировали возрождение казачьего движения в конце 1980-х гг.

Среди субъективных факторов можно было бы рассматривать:

– стремление властных структур разного уровня в различные периоды истории страны решать свои проблемы, используя особенности культуры казачества;

– необходимость для руководства государства контролировать политическую жизнь страны;

– стремление людей в эпоху политической и социальной смуты войти в какую-нибудь устойчивую организованную структуру, способную противостоять нарастающей атомизации общества, защитить свои интересы;

– желание потомков казаков очистить понятие «казачество» от незаслуженных обвинений и возродить его традиции[1].

Все вышеперечисленное, вне всякого сомнения, необходимо рассматривать сквозь призму особенностей ценностных ориентиров, мышления, оценки действительности и поведения казачества, накладывающих своеобразный «региональный» и «субкультурный» отпечаток на политическую жизнь казачества.

2.2. Роль казачества в построении гражданского общества, повышении правовой культуры и политической активности

Прежде чем приступать к исследованию роли казачества в построении гражданского общества в Российской Федерации, представляется обоснованным рассмотреть теоретико-правовые основы данного феномена.

Не углубляясь в исторический экскурс при определении понятия и содержания гражданского общества, остановимся лишь на некоторых теоретических аспектах, позволяющих определить ме-

[1] См.: *Мациевский Г. О.* Указ. соч. С. 215.

сто казачества как института гражданского общества в его развитии и становлении.

Гражданское общество – категория, формировавшаяся практически на протяжении всего существования общества, государства, личности. Теоретико-правовая модель гражданского общества позволяет ответить на вечный социальный вопрос, который затрагивает определение взаимоотношений между обществом, государством и личностью. На современном этапе особую актуальность приобретает определение взаимосвязи теоретической конструкции гражданского общества и современного процесса его формирования, становления и развития[1].

По нашему мнению, при рассмотрении теоретических основ гражданского общества наиболее обоснованной является политико-правовая концепция союзного строя Л. Штейна. Формирование теоретико-правовой модели гражданского общества посредством выделения союзного строя, основу которого составляют негосударственные организации и союзы людей, созданные с целью представительства интересов отдельных групп, объединений людей в государстве, а также осуществления контроля за деятельностью государственной власти, обуславливает сущность идеи гражданского общества в работах Л. Штейна. Союзный строй в политико-правовой концепции Л. Штейна имеет двойственное содержание. С одной стороны, союзный строй «обнимает все формы, в которых отдельные люди добровольно соединяются для какой-нибудь определенной цели». С другой стороны, исследуемое понятие в концепции Л. Штейна представляет собой «ту часть, которая касается только тех соединений, цель которых есть исполнение какой-нибудь задачи управления и контроля за государственной деятельностью посредством свободного соединения средств и сил»[2].

Вместе с тем институты гражданского общества (общественные организации, объединения, ассоциации, общественные палаты при органах государственной власти и т. д.) в интерпретации рассматриваемой теоретико-правовой модели являются элементами «союзного строя», цель которых заключается в обеспечении возможности осуществления диалога, реализации контрольных функций со стороны общества над деятельностью государственных органов и долж-

---

[1] См.: *Жичкина С. Е.* Гражданское общество: теоретико-правовая модель и ее реализация в современных реалиях общества и государства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2013. Т. 13. № 2. С. 17.

[2] *Stein L.* Die Grundlagen der staatlichen Ordnung. Leipzig, 1845. S. 286.

ностных лиц. Сопоставляя теоретико-правовую модель исследуемой категории и ее практическое воплощение в жизни современного общества, государства, личности, можно констатировать преемственность, значимость и ценность идеи гражданского общества[1].

Упомянув институционный характер гражданского общества, возникает вполне закономерный вопрос: а относится ли казачество к институту гражданского общества и способно ли оно влиять на его развитие? Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо определиться с тем, а что представляет собой институт (институты) гражданского общества и какими признаками или характерными чертами они обладают.

Существование институционности и наличие зависимости от государственной воли как признаки гражданского общества мало кем из современных государствоведов и обществоведов ставятся под сомнение. В связи с этим, как справедливо отмечает И. С. Усватов, институты гражданского общества – это признанные и/или инициированные государством общественно значимые структуры[2].

Однако вместе с тем гражданское общество и его институты нельзя воспринимать как элементы структуры государственного управления. Гражданское общество представляется нам в виде явления, наличие самоуправляемости которого является одной из основных его характеристик. Оно существует не вопреки, а благодаря государству, и в созданных для него условиях, в первую очередь нормативных, взаимодействует с государственными органами, реализуя функции, осуществление которых затруднительно либо невозможно для государства. Так гражданское общество, консолидируя граждан при посредстве внегосударственных неформальных общностей, препятствует отделению от целого, препятствует взаимоотчуждению граждан[3].

Один из первых авторов, предпринявших попытку систематизировать институты гражданского общества в России, С. В. Калашников относил к таковым семью, а также все виды религиозных конфессий, ассоциации, союзы, фонды, общественные объединения, коммерческие предприятия, банки, акционерные общества, трудовые коллективы, фермерские (крестьянские) хозяйства, ор-

---

[1] См.: *Жичкина С. Е.* Указ. соч. С. 18.

[2] См.: *Усватов И. С.* К вопросу о структуре гражданского общества: определение понятия института гражданского общества // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 83.

[3] См.: Гражданское общество России: перспективы XXI века: монография/ общ. ред. В. Г. Марахов. СПб., 2000. С. 100.

ганы местного самоуправления, правозащитные движения, клубы по интересам, негосударственные средства массовой информации, коммерческие учебные заведения[1].

И. Ж. Искаков выделяет среди институтов гражданского общества унитарные предприятия и учебные заведения (государственные и негосударственные), профессиональные союзы как институты социально-экономической и культурной сфер, а также средства массовой информации, независимо от формы собственности[2].

Община, семья, городские коммуны, соседские общности, религиозные сообщества, общественные движения и организации, система средств массовой информации, клубы и общества по интересам, профсоюзы отнесены к числу институтов гражданского общества Л. М. Романенко, которой одной из первых исследователей данной темы было дано определение институтов гражданского общества как исторически сложившихся, устойчивых форм самодеятельности социальных субъектов и организации их отношений и взаимодействий, существующих вне рамок государства и развивающихся без его прямого вмешательства[3].

Учитывая, что основная задача института гражданского общества – это, помимо прочего, реализация гражданских инициатив, институт гражданского общества должен отвечать следующим критериям:

– являться сообществом людей, созданным для достижения общих целей;

– должен быть основан на принципе добровольности участия;

– должен иметь возможность (чаще всего опосредованно) влиять на принятие управленческих (и политических) решений;

– должен обладать политической независимостью и экономической самостоятельностью.

Исходя из этого институт гражданского общества – это политически независимое и экономически самостоятельное, основанное на принципе добровольности участия сообщество людей, созданное для достижения общих целей, связанных в том числе с возможностью оказывать влияние на принятие управленческих решений[4].

---

[1] См.: *Калашников С. В.* Конституционные основы формирования гражданского общества в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 86.

[2] См.: *Искаков И. Ж.* Гражданское общество и его институты в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 53.

[3] См.: *Романенко Л. М.* Гражданское общество (Социологический словарь-справочник). М., 1995. С. 46.

[4] См.: *Усватов И. С.* Указ. соч. С. 83.

Полагаем, что казачество современной России, отвечая вышеназванным критериям, является полноценным институтом гражданского общества, занимающим одно из центральных мест в нем.

Содержание деятельности казачества, его нормативное оформление, признанная за ними государством роль в управлении общественными процессами определяют в целом особенности казачества как института гражданского общества.

Важной отличительной особенностью институтов от других элементов гражданского общества, помимо прочего, является реализация либо обладание способностью к реализации всех характерных для гражданского общества функций. Укажем с нашей точки зрения наиболее важные из них, которые реализуются в том числе и не в последнюю очередь казачеством:

– контроль за реализацией государственными органами и должностными лицами принадлежащих им властных полномочий;

– информирование общественности и влияние на общественное мнение;

– оказание влияния на распределение финансовых средств в благотворительную, непроизводственную сферу;

– осуществление деятельности, направленной на повышение уровня правовой культуры населения, правосознания отдельных граждан;

– оказание влияния на содержание и ход проводимых реформ, в первую очередь в социальной, духовной и культурной сферах.

Итак, определив казачество как один из важнейших институтов гражданского общества, перейдем к рассмотрению проблем его участия в дальнейшем развитии и модернизации гражданского общества.

Несколько забегая вперед, отметим, что причина значимости казачьего движения в процессе становления гражданского общества кроется вовсе не в его количественных характеристиках в ряду всех прочих субъектов общественно-политического пространства края.

Определенная уникальность общественных организаций данного типа заключается в сроках их «политического долгожительства». В отличие от ряда иных общественных движений и объединений, либо рассыпавшихся после нескольких лет существования, либо вырождавшихся в узкоэлитарные «кружки по интересам»[1], казачье движение в целом расширяло численность своих рядов и

[1] Социология в России. М., 1998. С. 504–508, 545–569.

сохранило определенную цельность стратегических ориентиров и перспектив развития.

За период 1991–1999 гг. численность казачьих организаций в регионах России подвергалась значительным периодическим колебаниям, обусловленным тремя факторами: 1) изменениями в массовом сознании населения края и страны, 2)динамикой политической ситуации и 3) вяло поспевающим за первыми двумя процессом формирования соответствующей нормативно-правовой базы как на общероссийском, так и на региональном уровнях.

Так, например, в период с 1991 г. по 1999 г. зарегистрировано Главным управлением юстиции Краснодарского края 85 казачьих общественных объединений, действующих на территории Краснодара. Формирование казачьих общественных объединений имело две волны. Первая – это 1991–1992 гг., когда в год регистрировалось более 10 организаций – явление вполне естественное на начальной стадии подобного процесса, когда любое «возникающее с нуля» движение потенциально способно втянуть в свою орбиту большое количество сторонников. Далее «человеческий ресурс» исчерпывается, и всплеск 1995–1996 гг. (соответственно зарегистрированы 13 и 21 организаций) объясняется макрособытиями российской политической жизни – в первую очередь подготовкой к президентским выборам.Причем, как свидетельствует ряд общероссийских источников, к этому явлению оказывается причастной не только «партия власти» данного периода. Ее политические оппоненты также, по мере возможности, напрямую или скрыто, через «группы поддержки», инициировали создание различных, в том числе и казачьих, общественно-политических движений, которые в перспективе должны были выступить в качестве параллельных, дублирующих структур.

На последующее снижение численности казачьих общественных объединений влияет не только «конъюнктурно-временной» фактор, но и организационные, юридические моменты. В 1999 г. 34 казачьих общественных объединения ликвидированы решением суда в соответствии с Федеральным Законом «Об общественных объединениях», 26 объединений – по ст. 52 (как непрошедшие перерегистрацию в соответствии с ФЗ) и 8 объединений – по ст. 29 (за непредоставление сведений о деятельности).

С точки зрения рассматриваемого нами вопроса – перспектив развития гражданского общества в России – казачьи общественные объединения и организации в ряду всех прочих представляются наиболее перспективными в России в целом и в отдельных регио-

нах в частности. В пользу их перспективности в развитии гражданского общества в России свидетельствует ряд обстоятельств.

Во-первых, численная значимость входящих в движение организаций, а также группы потенциальной поддержки.

Во-вторых, характер отношений казачьих организаций и объединений с государственными институтами. Несмотря на подчеркиваемую лидерами казачьего движения неудовлетворенность установившейся системой отношений, казачество имеет весьма тесный контакт и опыт сотрудничества с законодательной и исполнительной властью всех уровней, включенности в деятельность отдельных государственных структур. Высказывавшиеся ранее радикальные заявления о необходимости полной этатизации казачества, превращения его в один из государственных институтов на сегодняшний день практически сошли на нет; их нереальность осознана не только рядовыми членами организаций, но и озвучивавшими их лидерами. Тем не менее, отступая от строго юридических, уставных формулировок, на наш взгляд, казачьи организации правомерно обозначить как добровольные объединения граждан, имплицитно или эксплицитно ставящих основной целью своей деятельности совершенствование функционирования ряда государственных институтов. В этом моменте заключено основное их отличие от всего спектра прочих общественных организаций, общественных и политических движений.

В-третьих, характеристики рядов движения. Учеными неоднократно отмечался двойственный характер факта вовлечения в ряды какой-либо партии, движения и т. п. представителей разнородных половозрастных, социопрофессиональных групп. Казачье движение в немалой мере подвержено влиянию этого фактора, но он несет в себе возможность не только негативных, но и позитивных перспектив. В частности, казачьи организации, в отличие от большинства узконаправленных по целям деятельности и характеристикам своих членов общественных объединений, обладают не только более широкой, но и более социально разноплановой социальной базой, что в немалой степени облегчает их деятельность.

В-четвертых, будучи традиционно, исторически привязано к сельской местности, казачье движение и его организации с большей легкостью вовлекают в свои ряды либо деятельность верхний управленческий слой сельхозпредприятий. Для Юга России этот момент особенно важен, если учесть, что агропроизводство является основой экономики и имеет неизмеримо большую роль, нежели в других регионах. Движение способно, таким образом, формировать на уровне

местных элит значимые группы «агентов влияния» и каналы воздействия на субрегиональную и региональную политику[1].

Из всего сказанного нами выше о перспективности казачьего движения в России для процесса формирования и модернизации гражданского общества следует то, что оно призвано явиться основным фактором этого процесса.

Немаловажную роль в процессе построения гражданского общества в России с участием казачества играют нарастающие тенденции последнего участвовать в политической жизни страны в форме партийного строительства. Однако эти тенденции продиктованы в том числе историческими предпосылками.

Приведем небольшой пример: после февраля 1917 г. казачество приняло участие в партийном строительстве, оно даже предприняло попытку создать собственную партию. Наибольшей популярностью весной 1917 г. у станичников в казачьих областях, особенно на Дону, пользовалась правящая партия конституционных демократов. Достаточно сказать, что Донской областной комитет партии кадетов, находившийся в Новочеркасске (существовал с 1905 г.), возглавлял казак А. И. Петровский (депутат II Государственной думы, юрист по профессии). Руководили областным комитетом в основном казаки. Членами Донского областного комитета кадетов с 1905 г. были: И. А. Захарьев, М. М. Карпов, В. А. Болдырев, А. С. Мануйлов, А. В. Трапезников, В. И. Попов, С. И. Кашкин, И. Г. Коган, Г. В. Филатьев, С. В. Харитонов, И. М. Запорожцев, учитель, в 1917 г. правительственный комиссар М. С. Воронков и председатель Доно-Кубанского комитета Всероссийского земского союза В. А. Харламов, который был избран в ЦК партии кадетов в мае 1917 г. на VIII съезде этой партии.

Казаки руководили некоторыми организациями партии кадетов, существовавшими не только в городах, но и в некоторых окружных станицах Дона: Г. В. Филатьев являлся председателем Урюпинского комитета партии кадетов, М. Синев – Усть-Медведицкого. Кадетам удалось создать свои организации в некоторых станицах. Так, на Дону они существовали в станицах Аксайской, Великокняжеской, Каменской, Кагальницкой, Усть-Медведицкой, а также в Управлении Владикавказской железной дороги. Казачество определяло социальный состав названных организаций партии кадетов[2].

---

[1] См.: *Туценко Н. Ф.* Казачье движение Кубани: на пути к гражданскому обществу // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 42.

[2] См.: *Сергеев В. Н.* Строительство гражданского общества и казачество южной России (март – октябрь 1917 г.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 4. С. 10–11.

Не угасли тенденции к участию в партийно-политической жизни России со стороны казачества и на современном этапе.

Президент РФ Д. А. Медведев неоднократно подчеркивал, что государство заинтересовано в реализации потенциала казачества в нашей стране, в решении тех совместных задач, которые традиционно решались государством вместе с казачеством: в укреплении нашей страны в целом, в воспитании молодежи, укреплении военно-патриотических традиций. В условиях процесса возрождения казачества Казачья партия может стать в России своеобразным центром реализации этих задач возрождения, объединения и сплочения казачества и тех, кто поддерживает это движение. Без такого центра в условиях российского бюрократизма сложно будет защищать права казаков, продвигать процесс возрождения казачества.

В России строится гражданское, демократическое общество, которое предусматривает функционирование различных гражданских институтов. 23 ноября 2010 г. Президент РФ особо отметил, что в политической жизни страны имеется опасность деградации оппозиции и правящей партии. В этой связи Д. Медведев считает необходимым поднять уровень политической конкуренции. Для этого нужно повысить качество народного представительства, обеспечить права меньшинства. Помимо равного доступа к СМИ, для оппозиции установлены гарантии замещения руководящих должностей в региональных парламентах. Снижено количество подписей, которые необходимо собрать для участия в выборах. Фактически снижен до 5% барьер для прохождения представителей партии в парламенты всех уровней. Партия – это средство, политический инструмент представительства. Партия представляет своих избирателей. Президент полагает, что каждый должен знать, что у него есть единомышленники в представительных органах власти. Это означает, что Казачья партия может быть уверенно представлена в парламентах разных уровней и отражать пожелания своих избирателей. Выдвинув лозунги «За укрепление России, Православия и возрождение казачества», Казачья партия будет только способствовать дальнейшему становлению Российского государства, укреплению политической системы страны и лучшему народному представительству. Видимо, пришло то время, когда казачество должно объединиться в свою партию и, решая вопросы своего возрождения, будет реально поддерживать государство своими делами. А это казачество делало всегда, о чем говорит его богатая история[1].

---

[1] См.: *Пеньковский Д. Д.* Указ. соч. С. 84.

28 января 2013 г. Казачья партия Российской Федерации была зарегистрирована Министерством юстиции Российской Федерации. В соответствии с Программой Казачьей партии Российской Федерации политическая партия «Казачья партия Российской Федерации» создается с целью содействия развитию и консолидации российского казачества посредством усиления его роли в решении государственных, муниципальных и общественных задач, совершенствования взаимодействия с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами и органами местного самоуправления, организациями и общественными объединениями, а также формирования эффективных механизмов общественно-государственного партнерства.

Указанную цель партия намеревается достичь путем решения следующих задач:

– популяризации казачьей идеологии, расширения общественной поддержки российского казачества различными слоями гражданского общества;

– совершенствования механизма и создания экономических условий для выполнения казаками взятых на себя обязательств;

– развития духовно-нравственных основ, традиционных образа жизни, форм хозяйствования и самобытной культуры российского казачества;

– повышения роли казачьих обществ и общественных объединений казаков в воспитании подрастающего поколения в духе патриотизма и его готовности к служению Отечеству, в том числе с использованием потенциала казачьих кадетских корпусов;

– поддержка международного сотрудничества российского казачества;

– установление международных контактов с организациями казаков государств – участников Содружества Независимых Государств и дальнего зарубежья[1].

Приоритетными направлениями программы политической партии «Казачья партия Российской Федерации» являются: участие в выборах всех уровней для реализации в политической жизни нашей страны казачьей идеологии; совершенствование системы взаимодействия с федеральными органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъ-

[1] Программа политической партии «Казачья партия Российской Федерации» // официальный сайт партии http://kaprf.ru

ектов Российской Федерации, иными государственными органами, органами местного самоуправления, казачьими обществами и общественными объединениями казаков, а также с религиозными организациями для поддержки инициатив, ориентированных на достижение целей государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества; содействие экономической активности казаков в рамках действующих инструментов государственной поддержки, разработка и принятие мер по стимулированию и развитию различных форм предпринимательской деятельности, осуществляемой казачьими обществами, оказание им информационной, научной и методической помощи; содействие укреплению материально-технической базы творческих казачьих коллективов, проведению мероприятий в области сохранения и развития самобытной казачьей культуры, расширению казачьего фестивального движения, подготовке и изданию материалов по истории российского казачества; содействие организации работы по военно-патриотическому, духовно-нравственному и физическому воспитанию казачьей молодежи, развитию сети образовательных учреждений всех типов и видов, реализующих образовательные программы с учетом культурно-исторических традиций российского казачества, в том числе казачьих кадетских корпусов, созданию казачьих молодежных центров и казачьих детских летних лагерей в местах компактного проживания казаков; содействие международной деятельности российского казачества, расширению контактов и сотрудничества с организациями казаков в государствах – участниках Содружества Независимых Государств и дальнего зарубежья, поддержка участия казачьих обществ и общественных объединений казаков в программах в отношении соотечественников за рубежом, а также молодежных и культурных обменах, оказание помощи в возвращении в Российскую Федерацию имеющих высокохудожественную, научную и историко-культурную значимость уникальных ценностей, связанных с историей российского казачества.

Для укрепления духовно-нравственных основ, а также развития культурно-исторических традиций российского казачества, гармонизации межэтнических отношений, межрелигиозного и межконфессионального диалога деятельность политической партии «Казачья партия Российской Федерации» необходимо строить с использованием потенциала институтов гражданского общества, Русской Православной церкви и других религиозных организаций традиционных конфессий.

Хочется верить, что Казачья партия Российской Федерации (КаПРФ будет реальным политическим институтом гражданского общества, а не формальной организацией, созданной на бумаге для удовлетворения чьих-либо политических амбиций под красивым названием.

Некоторые атаманы войсковых казачьих обществ свое отношение к созданной партии уже высказали вполне однозначно. В частности, атаман Всевеликого Войска Донского Виктор Водолацкий в прямом телеэфире азовской телекомпании «Пульс», после вопроса ведущего о новой казачьей партии, перекрестился со словами «слава Богу, мы к ней никакого отношения не имеем»[1].

Атаман Кубанского казачьего войска Николай Долуда еще до съезда КаПРФ, выступая перед казаками на IV Всемирном форуме казаков в Новочеркасске, сказал: «Нам навязывают два варианта, оба из которых для казачества вредны: первый – создать «казачью партию», второй – стать членами уже существующих партий, принять их идеологию. И тогда казачество якобы будет защищено. Хотя все прекрасно понимают: перестав опираться на свою собственную идею – идею возрождения казачества как народа, идею казачьего братства и казачьего единства, – казачество мгновенно окажется «размазанным» и очень скоро перестанет существовать вообще. Мнение кубанского казачества здесь таково: никаких партий нам не надо! У нас уже есть то, что превыше всех партий: казачья идея, казачий народ, казачье войско», – подчеркнул атаман.

Вице-премьер свердловского правительства Владимир Романов, он же – атаман Оренбургского казачьего войска – также раскритиковал идею Казачьей партии: «Реестровый казак, согласившийся взять на себя обязанности нести государственную службу, должен оставаться вне политики, а значит, вне партий. Как и военнослужащий, он должен быть готов выполнить приказ государства, а не какой-то конкретной политической силы. Не записавшиеся в реестр члены общественных казачьих организаций могут состоять в партиях», – заявил атаман в интервью «Областной газете».

Совет атаманов наиболее крупной Общероссийской общественной организации «Союз казаков» в Постановлении от 09.09.12 принял решение «1. Считать создание казачьей политической партии в современных условиях нецелесообразным и вредным для казачье-

---

[1] *Зборовский А.* Казачья партия Российской Федерации учреждена. Что дальше? // URL: http://kazak-center.ru/news/kazachja_partija_rossijskoj_federacii_za_i_protiv/2012-12-10-2419

го движения России. 2. Атаманам и казакам Общероссийской общественной организации «Союз казаков» поддержать решение Атаманского Правления Союза казаков России, не участвовать в мероприятиях по созданию казачьей политической партии, не вступать в эту партию, не делегировать казаков на съезд казачьей партии».

Что касается рядовых казаков, то их мнения разделились на три основные группы. В первую, наиболее заметную, вошли те, кто начисто отрицает необходимость участия казаков в каких-либо политических партиях. Во вторую – те, кто считает возможным участие в политических партиях и КаПРФ в том числе. И, наконец, в третью – кто полагает, что нужно попытаться исправить изначальные просчеты, допущенные, как они считают, при создании партии и попытаться превратить ее действительно в политический орган для отстаивания интересов казачества[1].

К изначальным просчетам относят несколько. Прежде всего, неудачное название партии – КаПРФ, вызывающее ассоциации с коммунистической партией советского периода, лидеры которой осуществляли геноцид по отношению к казакам, приведший к уничтожению более 2 миллионов казачьего населения России.

Другим просчетом, по их мнению, является избрание лидером казачьей партии человека, не являющегося казаком и принятым в члены казачьего общества уже после съезда. Еще одним просчетом – некритичный подход к отбору делегатов на учредительный съезд партии. В результате чего на него попали люди, далекие от казачества или скомпрометировавшие себя перед казаками. Нарекания вызвало также отсутствие гласности при подготовке съезда и то, что Устав партии готовился без широкого обсуждения и учета мнения казаков.

Замешательство среди как сторонников, так и противников КаПРФ, вызвало заявление председателя Совета при Президенте РФ по делам казачества А. Д. Беглова, сделанное им 4 декабря 2012 г., во время встречи с атаманами реестровых казачьих обществ России, Украины и Белоруссии. В нем Александр Дмитриевич сообщил, что создание КаПРФ было реакцией казачества на инициативу донских казаков, проявленную в ответ на избрание коммуниста мэром донской столицы. «И эта казачья партия первая, кто будет бороться и будет бороться с коммунистами. По-настоящему. Потому что являются идеологическими врагами, просто-напросто».

---

[1] См.: *Зборовский А.* Указ. соч.

На прошедшей 8 декабря 2012 г. международной конференции «Казачество как фактор межнациональной стабильности» в Большом конференц-зале Комплекса административных зданий Правительства Москвы по этому поводу высказался депутат Думы Ставропольского края, терский казак Олег Губенко: «Все хорошо понимаете, как создавалась эта новая партия – КаПРФ. Она создавалась не для развития казачества. Не для установления тех принципов, о которых я говорю, о которых я мечтаю, и душа у меня болит за это. Она создавалась как антикоммунистическая партия. Она четко была обозначена некоторыми нашими лидерами, состоящими в Совете при Президенте. Что казаки должны теперь по-настоящему бороться с КПРФ. Послушайте, мы сами должны теперь определиться с кем нам бороться, с кем дружить. Это наше внутреннее дело. И не сверху нам указывать, кто наш враг, а кто наш друг. Сами как-нибудь разберемся...».

Полагаем, что сложившаяся ситуация вокруг Казачьей партии Российской Федерации является индикатором развития казачества и всего гражданского общества. Убеждены, что казачья политическая партия в нынешних условиях является необходимым элементом развития казачества. Мы не беремся заявлять, что это должна быть созданная политическая партия, возможно необходимо принятие решения всего казачьего сообщества по созданию такого политического института, однако в нынешних условиях это будет крайне сложно.

При всем при этом казачья партия (созданная в будущем или существующая на сегодняшний день) может и должна выполнять очень важную функцию, наряду с развитием гражданского общества – это повышение правовой культуры и электоральной активности современной российской молодежи.

Принципиальное изменение отношения молодежи к политике, к институту выборов возможно лишь тогда, когда сама молодежь почувствует себя реальным участником и субъектом трансформационных процессов в нашей стране. Руководство современных российских партий отчетливо осознают, что расширение участия молодежи в политическом, экономическом и культурном развитии страны являются первым и необходимым шагом на пути формирования стабильного гражданского общества в стране. Это способ формирования взаимоотношений между молодыми людьми, обществом и властью. Кроме того, это создает возможности для принятия молодыми людьми на себя ответственности за развитие своей страны и общества в целом.

Каждая политическая партия приходит на определенном этапе к открытию для себя значимости молодежной политики по-разному, однако существуют три причины, которые делают молодежную политику универсальной политической технологией. Среди этих причин следует отметить: значительный электоральный потенциал молодежи; привлекательный образ молодежи как субъекта будущего; специфический характер политической мобилизации молодежи[1].

Важность работы партий с молодежью состоит, прежде всего, в том, что она представляет собой один из самых многочисленных, но и наиболее проблемных сегментов электорального поля. Последние 3–4 года все ведущие российские партии стали формировать действенную, а не номинальную молодежную политику, с целью не только привлечь молодежь в качестве пассивного участника политического процесса, а создать для нее условия политической самореализации и реального вхождения во власть. Партии для молодежи все больше становятся не только институтами политической социализации, но и каналами карьерного роста и своеобразными социальными лифтами.

В наибольшей степени роль современных партий значима при формировании политических предпочтений молодежи и ее электоральных ориентаций.

На сегодняшний день российские партии в своей молодежной политике основное внимание отводят работе в нескольких направлениях:

– участвуют в организации и проведении специальных политических проектов, связанных с повышением уровня политической культуры молодежи с помощью программ «социализации подростков», организации политических курсов и семинаров для молодежи, проведения деловых игр («детские выборы», «молодежная мэрия», «молодежный парламент»). В рамках этих же проектов в вузах возникают «неполитические» студенческие организации;

– создают условия для включения молодежи в избирательный процесс, в том числе включая в избирательные списки кандидатов;

– создают собственные молодежные организации или взаимодействуют уже с существующими.

В этом направлении российские партии пошли несколькими путями. Часть партий обзавелась собственными молодежными организациями (например: «КПРФ» – «Союз коммунистической молодежи Российской Федерации», «Справедливая Россия» – «Молодые социалисты России», «ЛДПР» – «Время молодых», «Единая Россия»

---

[1] См.: *Ильинский И. М.* Молодежь и молодежная политика. М., 2001. С. 172.

– «Молодая Гвардия Единой России»), другие партии стали взаимодействовать с самостоятельными молодежными организациями.

Изучение политических позиций молодежи показывает, что молодежь в стране постепенно приобретает гражданскую ответственность. Отсюда возрастает роль глобальных государственно-ориентированных моделей воздействия на молодежь.

Современная российская молодежь неоднородна как по характеру политического участия, так и по его содержанию. С одной стороны, мы имеем группу молодежи, которая уже имеет сложившиеся политические взгляды и убеждения. Эта группа, не будучи многочисленной, отличается самостоятельностью суждений (причем не только в политической плоскости). Она менее склонна быть ведомой, наоборот, скорее представляет собой кадровый резерв для «взрослой партийной элиты». С другой стороны, более многочисленную группу составляют те, кто голосует в тех случаях, когда той или иной политической силе удается действительно сильно задеть их интересы, каким-то образом побудить их к участию в выборах[1]. Этому может способствовать появление яркого партийного лидера, который увлекает молодежь своим нестандартным имиджем и поведением. Растянутое по времени переходное состояние молодых людей к «взрослости» характеризуется различием их социального опыта, поведенческих стереотипов и, соответственно, гражданской ответственности, различием степени конформизма и нонконформизма, устойчивости формирования референтных групп. Отсюда значим фактор дифференциации политических технологий на те из них, которые действенны для всей молодежи, и те, которые предназначены для отдельных ее сегментов.

Необходимо стремиться к тому, чтобы молодые люди несли в себе большой потенциал правовой культуры, которая предполагает, прежде всего, правовую образованность, т. е. знание основ законодательства, умение им пользоваться в конкретных жизненных обстоятельствах. Пора совершеннолетия для каждого молодого человека – это время формирования жизненных принципов, время неуемной энергии и жажды свершений, это новый этап пути, когда приходится учиться, работать, неся ответственность за свои поступки[2].

---

[1] См.: Российская молодежь: проблемы и решения / под ред. Ф. Э. Шереги. М., 2005. С. 97.

[2] См.: *Чекмарев Э. В.* Мотивация политического участия молодежи//Электоральные процессы и формирование политической власти в современной России: региональная практика. Саратов, 2003. С. 69.

Российские политические партии всех без исключения идеологических направлений в последнее время обращают все более пристальное внимание на молодых активистов и потенциальных соратников из числа входящего во взрослую жизнь поколения. Превращение этого явления в устойчивый и значимый процесс предполагает определение поведения политических партий в отношении молодежной политики как один из первостепенных стратегических вопросов, выработку и реализацию целого комплекса политических молодежных технологий. Направить политическую активность молодежи в созидательное, а не в разрушительное русло, организовать мягкое и органичное вхождение молодежи в политику – вот задача, которая должна стоять перед казачьей партией в России[1].

2.3. Проблемы и перспективы дальнейшего развития казачества в Российской Федерации

Невозможно переоценить значимость российского казачества в процессе развития гражданского общества в России. Вместе с тем эффективно выполнить стоящие перед казачеством задачи зачастую мешает несовершенство российского законодательства. Ученые-правоведы отмечают, что, к сожалению, на настоящий момент федеральное законодательство, законодательство субъектов Российской Федерации, регулирующее вопросы деятельности казачества, можно охарактеризовать как рамочное, несистематизированное и во многом противоречивое, что не может служить надежной правовой базой для развития казачества[2].

Одним из важнейших документов, регулирующих общественные отношения по поводу деятельности казачьих организаций, можно считать утвержденную Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым в июле 2008 г. «Концепцию государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества». Данная Концепция представляет собой систему принципов и приоритетов деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской

---

[1] См.: *Сербин М. В.* Проблемы повышения электоральной активности молодежи в условиях современной многопартийности в Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 29. С. 16.

[2] См.: *Соловьев Д. Н.* Возрождение казачества и статус казаков // Военно-юридический журнал. 2011. № 5. С. 6.

Федерации и органов местного самоуправления в отношении российского казачества[1].

Хотелось бы отметить, что нельзя переоценивать место указанной Концепции в системе законодательства России. Необходимо понимать, что ее положения имеют достаточно общий характер и подразумевают свое развитие в законах и подзаконных актах Российской Федерации. Более предметное регулирование деятельности казачьих объединений в России осуществляется, в частности, нормами Федерального закона «О некоммерческих организациях», в котором казачьи общества выделены в качестве самостоятельной организационно-правовой формы некоммерческих организаций. Еще более детально особенности правового положения казачьих обществ определяются Федеральным законом от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества». Но казачьими обществами не исчерпывается вся полнота казачьих объединений России.

В частности, в «Концепции государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества» отмечается, что наряду с казачьими обществами, включенными в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, осуществляют соответствующую деятельность общественные объединения российского казачества, являющиеся добровольными самоуправляемыми организациями, созданными по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей. Деятельность таких объединений казаков регулируется нормами Федерального закона «Об общественных объединениях».

И здесь мы сталкиваемся с дихотомией законодательства, регулирующего деятельность российского казачества. С одной стороны, в России существует «реестровое казачество», а с другой – «общественное казачество», имеющие различные правовые статусы.

Различие правовых статусов проявляется, в частности, в хозяйственной деятельности: «реестровые казачьи общества» имеют право подписывать прямые договоры с федеральными, региональными и муниципальными структурами на осуществление определенных видов деятельности. В то время как члены общественных казачьих организаций должны либо заключать индивидуальные контракты, либо создавать соответствующие юридические лица,

---

[1] См.: *Тарасевич И. А.* Правовые проблемы возрождения казачества Тюменской области // Актуальные проблемы современного казачества Сибири и Тюменского региона. Материалы межрегионального круглого стола (19–20 октября 2011 г.). С. 23.

организационно-правовая форма которых позволяет вести коммерческую деятельность.

Это обстоятельство породило раскол в общероссийском казачьем сообществе и является источником известного социального напряжения, что никак не способствует укреплению государственности России.

К слову сказать, «реестровое казачество» исторически впервые появилось среди казаков Запорожской Сечи на службе Речи Посполитой при короле Стефане Батории. Далеко не все вольнолюбивые казаки пожелали вступить в реестр, что привело к систематическим попыткам поляков физически ликвидировать нереестровых казаков. В итоге вспыхнувшей освободительной войны против Польши, в которой нереестровых казаков массово поддержали притесняемые ляхами украинские крестьяне, с польским господством было покончено. Возникла Гетманщина, которая, занимая почти всю территорию современной Украины, в корне изменила геополитическую ситуацию в Европе того времени. Вскоре после завоевания независимости, казаки стали сближаться с Москвой, что завершилось в 1653 г. Земским Собором в Москве. На нем было принято решение удовлетворить просьбу гетмана Богдана Хмельницкого и атаманов Запорожского Войска «принять их с землями и городами в состав Русского царства»[1]. Это решение было закреплено на Переяславской Раде 8 января 1654 г.

Безусловно, нам понятна логика законодателя, стремящегося привлечь к государственной службе лучшие силы российского казачества и таким образом сделать такую службу максимально эффективной и профессиональной. На настоящий момент для достижения этой цели законодатель посчитал оптимальным создание «реестрового казачества». Но при этом, по нашему мнению, ни в коем случае нельзя оставлять «за скобками» деятельность «общественного казачества», представители которого более многочисленны, но по разным обстоятельствам не могут входить в состав «реестрового казачества». По этому поводу в «Концепции государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества» справедливо указано, что государство обеспечивает соблюдение прав и законных интересов общественных объединений российского казачества и казачьих обществ, налаживание между ними взаимодействия в интересах российского казачества.

---

[1] Акты земских соборов. Т. 3. М., 1985.

Думается, что на настоящий момент потенциал общественных объединений казаков не до конца изучен, не говоря уже о его реализации. В частности, казачьи общественные объединения, не внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, не заменимы при создании международных объединений, так как общественному объединению казаков, не включенному в государственный реестр, будет проще зарегистрировать свое структурное подразделение за рубежом, чем аналогичному объединению казаков, внесенному в государственный реестр. Таким образом, казачьи общественные объединения, являются важным элементом интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Однако приходится констатировать тот факт, что деятельность казачьих общественных объединений не укладывается в рамки, очерченные гражданским законодательством. Как мы уже выяснили, в соответствии с Указом Президента РФ от 9 августа 1995 г. № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» произошло разделение казачества на реестровое и нереестровое, что ставит общественные организации казачества в неравные условия[1].

Федеральный закон «О государственной службе российского казачества» от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ продолжил отдаление правового регулирования деятельности казачьих объединений от норм, устанавливаемых ГК РФ. Кроме введенного ранее понятия «государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации» этим законом вводится термин «казачье общество», причем различных уровней (юртовое, отдельное, войсковое, всероссийское). Статьями 2, 5 Закона определяется и специальное должностное лицо – атаман. В то же время ни ГК РФ, ни Федеральным законом «Об общественных объединениях» не предусмотрено ни специальных «казачьих обществ», ни должности «атаман» в управлении общественной организации. Более того, в соответствии с Федеральный законом «О государственной службе российского казачества» «казачьими обществами» являются только организации, внесенные в госреестр. «Настоящий Федеральный закон не распространяется на деятельность российского казачества, не связанную с государственной службой» (п. 2 ст. 1)[2].

---

[1] См.: *Пачулия Н. Н., Куклев Ю. М.* Правовое регулирование деятельности казачьих общественных организаций в контексте вопроса об определении этнической принадлежности казачества // Закон и право. 2013. № 6. С. 21.

[2] Российская газета. 2006. 22 дек.

Казачьи общественные объединения, в госреестр не вошедшие, не подпадают под действие Закона № 154-ФЗ: «казачье общество – добровольное объединение граждан Российской Федерации в форме некоммерческой организации, образованное в соответствии с федеральным законодательством, внесенное в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации и члены которого в установленном порядке приняли на себя обязательства по несению государственной или иной службы» (п. 3 ст. 2).

Соответственно, органы управления в нереестровых казачьих организациях определены нормами ГК РФ и Законом «Об общественных объединениях». Иными словами, у нереестровых казаков руководителем с точки зрения закона должен быть не атаман, а либо коллегиальный орган –совет, правление, либо единоличный исполнительный орган – директор, президент и т. д.

На основании перечисленного уже можно сделать парадоксальный вывод о том, что казаки, не вошедшие в госреестр, не вполне казаки с точки зрения законодательства. При этом ст. 2 ФЗ «Об общественных объединениях» установлено: «Действие настоящего Федерального закона распространяется на все общественные объединения, созданные по инициативе граждан, за исключением религиозных организаций, а также коммерческих организаций и создаваемых ими некоммерческих союзов (ассоциаций)».

Указ Президента РФ от 15 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» определяет: «граждане, в установленном порядке добровольно вступившие в казаки, могут объединяться в казачьи общества и создавать их в виде хуторских, станичных, городских, районных (юртовых), окружных (отдельских), войсковых и иных традиционных для казачества обществ»[1].

Федеральный закон «О государственной службе российского казачества» установил, что казачьи общества, определяемые в рамках перечисленных в приведенном Указе Президента градаций, – это организации, внесенные в госреестр. Следовательно, вне реестра казаков не существует? А как быть с казачьими организациями, зарегистрированными на территориях многочисленных государств, членами которых в настоящее время являются и граждане Российской Федерации?

---

[1] Указ Президента РФ от 15.06.1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества». URL: http:// base.garant.ru/12123593

Можно и дальше продолжать этот ряд правовых неувязок в части регулирования деятельности казачьих объединений, но, полагаем, достаточно и приведенного для того, чтобы сделать вывод о значительной правовой «размытости» норм законодательства о казачестве.

Правовая неопределенность проблемы регулирования деятельности казачьих объединений послужила причиной внесения на рассмотрение Госдумы в 1996 г. проекта федерального закона «О казачестве», который был принят к рассмотрению в 1997 г.[1] и отклонен Президентом РФ (письмо № Пр-1590)[2]. Среди причин отклонения проекта закона Президентом указываются: «...Федеральный закон содержит положения, противоречащие Конституции РФ и нарушающие систему российского законодательства, а также нуждается в концептуальной доработке. Не соответствуют Конституции РФ вводимые федеральным законом понятия «казачья служба» и «государственная казачья служба». Казаки, как и все граждане Российской Федерации, могут нести государственную службу в соответствии со статьями 32 и 59 Конституции РФ. Согласно статье 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военная служба является особым видом федеральной государственной службы, исполняемой гражданами в Вооруженных Силах РФ и других войсках, а не «формой» государственной казачьей службы (ст. 14 федерального закона)».

Казалось бы, определены приоритеты и во главу угла ставится закон. Однако правовая неразбериха в отношении регулирования деятельности казачьих организаций продолжается.

Осложнил ситуацию правового регулирования деятельности казачьих организаций и Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. № 1107-1, ст. 2 которого казачество определено в качестве культурно-этнической общности людей. Указ Президента РФ от 15 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества» также определил казачество в качестве «исторически сложившейся культурно-этнической общности людей». Принятие приведенных актов позволяло определять правовое положение казачьих обществ как особых культурно-этниче-

---

[1] Постановление ГД ФС РФ от 20.02.1997 г. № 1142-II ГД О проекте Федерального закона «О казачестве». URL: http:// base.consultant.ru.

[2] Информация о причинах отклонения Федерального закона Президентом РФ. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/

ских образований, имеющих право на определенные привилегии, в том числе и при прохождении государственной службы (в контексте ФЗ «О государственной службе российского казачества»), что никоим образом не коррелирует с нормами гражданского законодательства. Кроме того, принятие названных актов инициировало цепь имущественных и территориальных претензий некоторых представителей «казачьего народа» к государству.

Различные исследования показывают, что 64% всех казаков считают, что «разделение казаков на «реестровых» и «нереестровых» усилило раскол среди казаков России»[1].

Сегодня наблюдается процесс осознания абсолютным большинством казаков пагубности происшедшего раскола. Отсюда и большое количество в их среде тех, кто считает, что «создание на законных основаниях различных общественных организаций казаков крайне опасно, поскольку нарушает дух единства казачества».

Более половины казаков Юга России полагают, что казачество раскололось по причинам, вызванным противниками казачьего возрождения. Так, 56% всех казаков указали, что «это было сделано искусственно, чтобы ослабить казачье движение». Среди нереестровых это мнение разделяют 77% казаков. В этой же категории 38% казаков полагают, что раскол произошел «из-за вмешательства в дела казаков представителей местных администраций»[2].

По мнению казаков, к расколу в казачестве привели корыстолюбие, тщеславные амбиции ряда атаманов, своеволие местных администраций, пассивность федеральных органов власти. Происшедший при содействии одних и бездействии других властных структур раскол в казачестве не был естественным следствием внутренних противоречий в казацкой среде, а является навязанным и искусственно привнесенным явлением.

Вывод об искусственности характера происшедшего в рядах казачества раскола подтверждает и тот факт, что всего 7% казаков Юга России согласны с суждением о невозможности принятия общей системы социальных взглядов, единой казачьей идеологии из-за объективно существующих противоречий в казачьей среде. Это важный показатель, свидетельствующий о том, что у казаков есть

---

[1] *Черепанов Е. В., Черепанова Л. В.* Причины раскола казачества Северного Кавказа и факторы, способствующие его объединению // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 8. URL: http://web.snauka.ru/issues/2012/08/16342 (дата обращения: 27.12.2013).

[2] Там же.

стремление к единым целям и задачам, к созданию единой идеологической основы своей социальной деятельности.

Как мы уже выяснили, наиболее острым вопросом реализации государственной политики в отношении казачества является различие в подходах государства к реестровым и нереестровым казакам. Первые, как считают казаки, пользуются поддержкой со стороны государства, а вторые предоставлены самим себе. Поскольку это беспокоит значительную часть казачества России, Совету при Президенте РФ по делам казачества было бы целесообразно обсудить данный вопрос и представить свои заключения Президенту РФ для принятия решения.

Наиболее радикальным, но и наиболее эффективным решением этой проблемы мог бы стать принципиально иной характер формирования реестровых казачьих войск. Совсем не обязательно дублировать структуру казачества начала XX в. Сегодня было бы разумным сформировать лишь несколько казачьих войсковых бригад, подчинив их силовым ведомствам. Эти войсковые части и будут новым реестровым казачеством.

Остальное казачество, после его достаточно строгой «переаттестации» (на предмет целей и задач отдельных организаций) и последующей перерегистрации, оставаясь в ведении Совета при Президенте РФ по делам казачества, сможет участвовать в формировании реального гражданского общества. Вопросы «переаттестации» казачьих общественных организаций лучше было бы поручить не государственным, а общественным структурам, например – Русской православной церкви.

В связи с этим, считаем необходимым отметить, что для успешного развития казачьих объединений в России необходимо усилить взаимодействие с Русской православной церковью. Без православия невозможно существование казачества, так как казачество выросло на мощном фундаменте православной веры. 14 октября 2009 г. в Новочеркасске Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл заявил об особом Патриаршем водительстве российского казачества и необходимости его скорейшего воцерковления. Епископ Павлово-Посадский, викарий Московской епархии Кирилл благословлен на организацию централизованного окормления Русской православной церковью казачьих обществ. Определены войсковые и окружные священники, которые будут непосредственно работать с казаками. Решением Священного синода от 5 марта 2010 г. создан Синодальный комитет по взаимодействию с казачеством.

В заключение нельзя не отметить еще один очень важный документ, который был совсем недавно подписан Президентом Российской Федерации В.В. Путиным – это Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 г. (далее Стратегия 2020).

Еще в процессе обсуждения Стратегии 2020 казачество неоднозначно отреагировало на данный документ, и тому есть объективные причины.

Следует отметить, что Стратегия 2020 является продолжением работы федеральных органов и вытекает из аналогичной «Концепции государственной политики РФ в отношении российского казачества» от 3 июля 2008 г. с одной лишь особенностью. В Стратегии 2020, в разделе «Цели, задачи, субъекты и принципы реализации Стратегии» четко определено, что к субъектам реализации Стратегии относятся – всероссийское казачье общество, войсковые казачьи общества и некоммерческие организации, учрежденные войсковыми казачьими обществами.

В отличие от Концепции 2008 г. из документа изъяли целый раздел, связанный с регламентацией деятельности общественных казачьих организаций, т. е. их полное игнорирование. Из текста изучаемого документа видно, что единственный упор делается только на 600 тыс. членов казачьего реестра и его организационные структуры.

Из документа можно сделать вывод, что федеральные органы отказывают казачьим организациям в самостоятельности, а казакам в поиске идентификации своего места в казачьем движении. Следовательно, властные органы опасаются самодостаточности казачества и не имея подходов к решению казачьих проблем, начинают выстраивать вертикаль управления реестром по партийному образцу, т. е. сверху до низу. Утверждение в Стратегии, что «развитие самоорганизации и интеграционных процессов в российском казачестве реализуется путем создания единого казачьего движения, включающего казачьи общества, объединенные во всероссийское казачье общество», явно противоречит Конституции РФ и ведет к монополизму данной структуры.

На наш взгляд, игнорируется и хозяйственный опыт существования казачества до 1917 г. Вместо льгот и привилегий за службу, а служба в казачьих частях по срокам соответствует армейской, казачьим обществам предлагается создание ЧОПов. Надежды казаков на получение земли, на возвращение казачьего земельного фонда перечеркивается завуалированными ссылками на Земельный кодекс РФ, который фактически упразднил этот фонд.

Особое опасение вызывают планы поглощения общественных казачьих организаций реестровыми структурами.

Таким образом, Стратегия 2020, предложенная федеральными органами как платформа для объединения, станет дополнительным поводом для раздора между реестровыми обществами и общественными организациями.

Казачество должно стать вновь единым и неделимым, не белым и не красным, оно должно быть православным и вольным, т. е. служить тому укладу и образу жизни, которые и породили в незапамятные времена само понятие казачества. Казак – Божий воин и защитник Отечества, и в этом весь смысл его истинного предназначения. И если нынешняя власть имеет честные намерения в оказании всемерной помощи казачеству в деле его настоящего становления, она должно в дальнейшем отказаться от разного рода сомнительных экспериментов и вернуть его в то состояние, в котором оно находилось до переворота и начала геноцида 1917 г. Конечно, с учетом прогресса всего нашего российского общества и государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в представленном исследовании был проведен историко-правовой анализ становления, развития и трансформации российского казачества с момента упоминания в исторических и правовых источниках о казаках и заканчивая современным правовым статусом казачества как института гражданского общества России.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

До сих пор остается неопределенным вопрос о самой сущности термина «казак». Рассмотрев основные версии происхождения слова «казак», мы приходим к выводу, что наиболее убедительной представляется точка зрения о значении слова «казак» как свободный человек, оторванный от прежней социальной среды, и вольный наниматься на военную службу.

Серьезное разнообразие этнических признаков разных групп казаков, более быстрая, чем у соседей, изменчивость этих признаков не позволяют сделать однозначного вывода о происхождении казаков из единого корня. Данный анализ позволяет сделать вывод о близости казаков с другими группами русских, которая могла сформироваться либо в результате общего происхождения, либо в результате незавершившейся ассимиляции.

Рассмотрев нормативно-правовые акты того времени, мы можем с уверенностью заключить, что в первых писаных законах Древнерусского государства (до XV в.) казаки не упоминаются. Следовательно, на первом этапе становления русского раннефеодального государства казачество как один из элементов его общества выявить не удается, так как процесс появления казачества не находит отражения в праве – ни в светской его части, ни в церковной. Это еще раз подтверждает существование до XV в. так называемого «протоказачества».

Казачество представляло собой вполне самостоятельный этнос, который прошел в своем становлении несколько этапов развития и обрел свои характерные черты.

Правовое регулирование статуса российского казачества можно условно разделить на два основных периода. Первый – XVI–XVIII вв., в продолжении которого основным регулятором правоотношений у казаков выступало обычное право, и второй – XIX–XX вв. – законодательство Российского государства. В настоящее время определенную ценность представляют исследования, касающиеся обычного права донских казаков, так как именно в хронологический период его активного применения были заложены

правовые основы феномена казачества, в последующем воспринятые законодателем при разработке нормативно-правовой базы всего казачества.

Казачество постепенно в течение двух столетий превратилось из этноса в военно-служебное сословие, сохранившее свои этнические культурные и иные характеристики. Однако, думается, казачья исключительность не имела абсолютного характера, и сословность в России также не была изобретением казачества.

Процесс «расказачивания» следует рассматривать как попытку уничтожения казачьего этноса. Объективные факторы «расказачивания» с точки зрения государства были вполне реальными. И правительство, пусть медленно и непоследовательно, с оглядкой, но все же приступило к его реализации. Первым шагом на этом пути стал закон 1868 г. Следующим – принятие год спустя, в 1869 г., закона, разрешившего казакам (при соблюдении ряда условий) выход из своего сословия. Окончательное оформление эти условия получили в изданном в 1883 г. Положении «О службе казаков вне своих войск, о выходе из войскового сословия и о зачислении в казачье сословие посторонних лиц». Согласно установленным правилам казак, пожелавший выйти из своего сословия, был обязан полностью выполнить возлагавшиеся на него повинности, уплатить положенные денежные сборы и, самое главное, отказаться от своего земельного пая и всех полагавшихся казакам льгот. Естественно, одновременно он освобождался и от всех обязанностей, несение которых предполагал сословный статус.

Историю возрождения казачества можно разделить на несколько этапов.

Первый этап – первично-реставрационный (1988–1990 гг.). В это время происходит становление движения, люди начинают открыто называть себя казаками. Главной задачей этого периода было восстановление казачьей культуры, пробуждение общественного самосознания той части населения, которое относит себя к исконно русской части российской государственности в виде казачества и Русской православной церкви. Данный этап завершился организационным оформлением движения – созданием Союза казаков области Войска Донского.

Второй этап условно можно назвать сословно-корпоративным (1991–1993 гг.). В это время продолжается процесс развития внутренней жизни, новой для современной России и ее части – казаков и их объединений. В движение вливается политически скандальная часть населения России. Основной тенденцией становятся политиче-

ские акции движения. Новые люди в казачестве стремятся доказать преемственность традиций казачества, порой возродить невозрождаемое, совершают поступки, неадекватно воспринимаемые общественностью, иногда вообще невоспринимаемые даже той частью населения, что близка по духу казачеству. Но, тем не менее, казачье движение в упорной внутренней борьбе, разногласиях и спорах постепенно приобретает политически цивилизованный характер.

Третий этап – политически и социально-статусный (1993–1994 гг.). Главное направление деятельности почти всех казачьих организаций – укрепление правового статуса и становление движения за возрождение казачества. Большинство казаков окончательно понимают неотделимость движения казачьего общества от политической системы России и пытаются найти в ней свое место.

Четвертый этап можно назвать условно юридическим (1994–1997 гг.). На этом этапе государство полностью признало казачье движение как таковое. С 1992 по 1995 г. шла разработка нормативно-правовой базы, определялись порядок организационного оформления, место казачьего движения в современном политическом и государственном устройстве России.

Пятый этап современного казачьего движения – объединительно-государственный (1997 г. – по настоящее время), ставший этапом движения всех казачьих формирований к примирению и единству, который также можно охарактеризовать как этап постепенного огосударствления казачьего движения, вливания его в современную политическую и государственную систему России.

Учитывая, что основная задача института гражданского общества – это, помимо прочего, реализация гражданских инициатив, казачество как институт гражданского общества отвечает следующим критериям:

– является сообществом людей, созданным для достижения общих целей;

– должно быть основано на принципе добровольности участия;

– имеет возможность (чаще всего опосредованно) влиять на принятие управленческих (и политических) решений;

– обладает политической независимостью и экономической самостоятельностью.

Исходя из этого институт гражданского общества – это политически независимое и экономически самостоятельное, основанное на принципе добровольности участия сообщество людей, созданное для достижения общих целей, связанных, в том числе с возможностью оказывать влияние на принятие управленческих решений.

Полагаем, что казачество современной России, отвечая вышеназванным критериям, является полноценным институтом гражданского общества, занимающим в нем одно из центральных мест.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты и иные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета. 2009. 21 фев.

2. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 28.12.2013) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2014) // Российская газета. 2001. 30 окт.

3. Федеральный закон от 05.12.2005 № 154-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О государственной службе российского казачества» // Российская газета. 2005. 8 дек.

4. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об общественных объединениях» // Российская газета. 1995. 25 мая.

5. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 8 окт.

6. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «О воинской обязанности и военной службе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2014) // Российская газета. 1998. 2 апр.

7. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О некоммерческих организациях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2014) // Российская газета. 1996. 24 янв.

8. Указ Президента РФ от 15.06.1992 № 632 (ред. от 17.10.2013) «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» // Ведомости СНД и ВС РФ. 25.06.1992. № 25, ст. 1429.

9. Указ Президента РФ от 09.02.2010 № 169 «О чинах членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации» (вместе с «Положением о порядке присвоения чинов членам казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации») // Российская газета. 2010.11 фев.

10. Приказ Минюста России от 02.07.2012 № 129 (ред. от 11.12.2013) «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по внесению казачьих обществ в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации» (заре-

гистрировано в Минюсте России 06.07.2012 N 24836) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 43. 22.12.2012.

11. Постановление Правительства РФ от 22.04.1994 № 355 «О концепции государственной политики по отношению к казачеству» // Собрание законодательства РФ. 16.05.1994. № 3, ст. 210.

Архивные материалы

12. Материалы Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника (КГИАМЗ). Ф. 160, 396, 411,418.

13. Материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 85, 1235, 1818, 2246, 2252.

14. Материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Ф. 330, 336, 2048.

15. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1907.

16. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 1–51. СПб., 1870–1916.

17. Сборник узаконений и распоряжений правительства о правах и обязанностях обывателей станиц Войска Донского, об их управлении и поземельном устройстве. Новочеркасск, 1894.

18. Сборник указов и постановлений Временного Правительства. 27 февраля – 8 мая 1917 г. Вып. 1. Пг., 1917, с. 326–327; ГАРО, ф. 3690, оп. 1, д. 44, л. 81.

19. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая I. (Переиздано управлением казачьих войск юга России). Ростов н/Д., 1992.

20. Систематический указатель постановлений, вошедших в сборники правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1865–1895 годы. Т. 1–Ш. СПб.,1897.

21. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 4, 39.

22. Столетие Военного министерства. 1802–1902 гг. Т. 11. Ч. 1–4. СПб., 1902.

23. Трехсотлетие Войска Донского (1570–1870). Очерки истории донских казаков. СПб., 1870.

Книги

24. *Абаза К. К.* Казаки: донцы, уральцы, кубанцы, терцы. СПб., 1890.

25. *Абрамовский А. П., Кобзов В. С.* Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999.

26. Акты земских соборов. Т. 3. М., 1985.

27. *Алимжан К. А.* Вопросы теории обычного права. Алматы, 2003.

28. *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. Т. 1. М. 1924

29. *Байер Г. З.* Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. СПб., 1872.

30. *Баранов А. В.* Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.). СПб., 1996.

31. *Бахрушин С. В.* Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987.

32. *Герман О. Б.* Правовое положение крестьянства и казачества Юго-Востока Европейской России в 1861–1920 гг. Ростов н/Д., 2003.

33. *Глущенко В. В.* Казаки Отечества былого и нынешнего. М., 1997.

34. *Глущенко В. В.* Казачество: учеб. пособие. М., 1998.

35. *Глущенко В. В.* О казачестве в политической истории Российского государства. СПб., 1998.

36. *Голубовский П.В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. М., 1884.

37. *Гордеев А. А.* История казаков. Т. II. М., 1992.

38. Гражданское общество России: перспективы XXI века: монография / общ. ред.: В. Г. Марахова; Санкт-Петербургский государственный университет, Администрация и Законодательное собрание Санкт-Петербурга. СПб., 2000.

39. *Губарев Г.* Казаки и их земля в свете новых данных. Вторая книга о казаках. Буэнос-Айрес, 1974.

40. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.

41. *Гумилев Л. Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992.

42. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

43. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 2002.

44. *Дулимов Е. И., Кислицын С. А.* Государство и донское казачество: учеб. пособие по спецкурсу. М., 2000.

45. *Егоров В. Л.* Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990.
46. Законодательство Древней Руси. Т. I. М., 1984.
47. *Иловайский И. Д.* История Рязанского княжества. М., 1884.
48. *Ильинский И. М.* Молодежь и молодежная политика. М., 2001.
49. *Исакова А. А.* Социолингвистический портрет тюменского казачества // Актуальные проблемы современного казачества Сибири и Тюменского региона: материалы межрегионального круглого стола. Тюмень, 2012.
50. История казачества Азиатской России. Т. 1. XVI – первая половина XIX в. / отв. ред. Н. А. Миненко. Екатеринбург, 1995.
51. История казачества: учеб. пособие / авт. и сост. Е. А. Кривец. Москва, 2010.
52. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. V, гл. IV. СПб., 1842.
53. *Кислицын С. А.* Государство и расказачивание. 1917–1945. Ростов н/Д., 1996.
54. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Лекция XXVII. М., 1904.
55. *Козлов А. И.* Возрождение казачества. Ростов н / Д., 1995.
56. *Колесников М. С.* С открытым забралом. М., 1977.
57. *Корень Р. В., Горельченко Н. Н.* Азбука возрождения казачества. Очерки духовно-социально-этнической философии. Ставрополь, 1998.
58. *Корниенко Б. С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013.
59. *Короленко П. П.* Черноморцы. СПб., 1874.
60. *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2007.
61. *Котошихин Г. О.* России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.
62. *Краснов П. Н.* Казачья самостийность. Берлин, 1922.
63. *Макеев В. В.* Обычное право – основной регулятор общественных отношений у донских казаков (на примере первой трети XIX в.) // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., 1999.
64. *Макеев В. В., Небратенко Г. Г.* Организационно-правовое становление и развитие общей полиции на территории Донского казачьего войска (середина XVIII – начало XX вв.). Ростов н/Д., 2002.
65. *Матвеев О. В.* Слово о Кубанском Казачестве. Краснодар, 1995.
66. *Машин М. Д.* Оренбургское казачье войско: Челябинск, 2000.

67. *Небратенко Г. Г., Куксенко Е. И.* Теория и история обычного права донских казаков. Ростов н/Д., 2005.

68. *Никитин А.* Суверенная Кубань: опыт отечественного парламентаризма (1917–1920 гг.). М., 2010.

69. *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988.

70. *Попов А. И.* История о Донском Войске. Кн. 1. Харьков, 1814.

71. *Пудавов В. М.* История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890.

72. *Ригельман А. И.* История или повествования о донских казаках. М., 1846.

73. *Романенко Л. М.* Гражданское общество (Социологический словарь-справочник). М., 1995.

74. Российская молодежь: проблемы и решения / под ред. Ф. Э. Шереги. М., 2005.

75. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1968.

76. *Рыблова М. А.* Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX в. Волгоград, 2006.

77. *Савельев Е. П.* История казачества. Ч. 1. Новочеркасск, 1915.

78. *Савельев Е. П.* Казаки. История. Владикавказ, 1991.

79. *Сватиков С.* Россия и Дон. Вена, 1924.

80. *Скорик А. П., Лепилов А. Г.* Донские казаки как морские охотники. Возрождение казачества:, история и возрождение. Новочеркасск, 1995.

81. *Скрипов А. Н.* На просторах Дикого поля. Ростов н/Д., 1973.

82. Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973.

83. Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М., 1965.

84. Современное донское казачество (Политический, социальный, экономический портрет). Ростов н/Д., 1992.

85. *Соколовский И. Р.* Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века. Новосибирск, 2004.

86. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. III, Т. 4. М., 1959–1966.

87. Социология в России. М., 1998.

88. *Степанченко В. И.* «Говорим, гутарим, балакаем и применяем!..». Ч. I: словник. СПб., 2009.

89. *Сухоруков В.Д.* Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903.

90. *Татищев В. Н.* Лексикон Российский исторический, географический и политический. СПб., 1793.

91. Терское казачество в прошлом и настоящем / сост. М. А. Караулов. Владикавказ, 1912.

92. *Ульянов И. И.* Казаки и Советская республика. М.; Л., 1929.

93. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967.

94. *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.

95. *Харламов В. А.* Казачья доля. Записки председателя Донского Войскового Круга. Ростов н/Д., 1990.

96. *Харузин М.* Земельная община кубанских казаков. Воронеж, 1889.

97. Хрестоматия по истории донского казачества / сост. М. А. Астапенко. Ростов н/Д., 1994.

98. *Шапсугов Б. Ю.* Обычное право и его роль в правовом развитии общества // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., 1999.

99. *Шаповалова Я. В.* Организационно-правовые основы возрождения российского казачества в постсоветский период. Волгоград, 2000.

100. *Шапсугов Д. Ю.* Обычное право и его роль в правовом урегулировании // Обычное право в России: проблемы теории и практики. Ростов н/Д., 1999.

101. *Щербатов М. М.* Сочинения. Т. 2. С. XXVII. М., 1898.

102. *Янчевский Н. Л.* Разрушение легенды о казачестве. Ростов н/Д., 1931.

103. *Ярков А. П.* Казаки в Кыргызстане. Бишкек, 2012.

104. *Stein L.* Die Grundlagen der staatlichen Ordnung. Leipzig, 1845. S. 286.

Периодические издания

105. *Бугай Н. Ф.* Казаки России: от отторжения до признания – дорога длиною в век // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 4.

106. *Волвенко А. А.* Российская власть и донское казачество во II пол. XIX – нач. XX вв. // Пространство власти: исторический опыт имперской России и вызовы современности / под ред. Б. В. Ананьича, С. И. Барзилова. Серия «Университетская наука», Вып. 3. М., 2001.

107. *Вольф Р.* Смогут ли казаки стать серьезной политической силой?// Ставропольский Репортер. 2013. 5 фев.

108. *Годовова Е. В.* Казачество в социально-политической структуре российского общества // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. № 7[15].

109. *Годовова Е. В.* Новые подходы к изучению повседневности казачества // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 3 (41).

110. *Горбунова Н. В.* Казачьи элиты: исторические основы самоорганизации и современные перспективы развития // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 5.

111. *Дхюбан В. В.* Особенности казачества как субкультуры // Вопросы культурологии. 2012. № 12.

112. *Ерохин И. Ю.* Казачьи войска императорской России: к истории государственного служения казачества // Культура. Духовность. Общество. 2013. № 6.

113. *Ерохин И. Ю.* Государство и возрождение казачества // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. № 6.

114. *Ерохин И. Ю.* Идеи государственности казачества Дона // Научный обозреватель. 2013. № 6.

115. *Ерохин И. Ю.* История казачества и проблемы государства // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2013. № 7.

116. *Ерохин И. Ю.* К вопросу особенностей формирования начал государственности Донского казачества //Культура. Духовность. Общество. 2013. № 5.

117. *Ерохин И. Ю.* Казачьи республики как фактор государственности // Белые пятна российской и мировой истории. 2013. № 1–2.

118. *Ерохин И. Ю.* Проблема дуализма в вопросах казачества // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. № 5.

119. *Жичкина С. Е.* Гражданское общество: теоретико-правовая модель и ее реализация в современных реалиях общества и государства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2013. Т. 13. № 2.

120. *Иванов А. В.* «Расказачивание» – трагический, но закономерный финал. Возрождение казачества: каким ему быть? // Научный диалог. 2013. № 6 (18).

121. *Исакова А. А.* К вопросу о происхождении слова «казак» // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. В. Н. Евсеева, Г. С. Зайцева. Тюмень, 2012.

122. Казаки или отдельные казачьи государства? // Вольное казачество. 1931. 25 июня. № 83.

123. *Киселёв С. А.* Исторические этапы развития казачьих войск на службе государства // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 1.

124. *Козлов А. И.* Казаки – нация, сословие?.. // Возрождение казачества: история и современность: материалы V Всерос. науч. конф.: сб. науч. ст. Новочеркасск, 1994.

125. *Кокарев Е. А.* Административно-правовая характеристика законодательства Российской Федерации о казачестве 1990-х годов // Административное и муниципальное право. 2012. № 7.

126. *Кондрашенко О.* Конституционный опыт государственного строительства на территории казачьих войск юго-востока России в период Гражданской войны // Белая гвардия: Альманах. 2005. № 8.

127. *Крайсветный М.* Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности: тез. регион. науч.-практ. конф., Урюпинск, 26–29 апр. 2007 г. Волгоград, 2007.

128. *Крюков П. Д.* Историко-правовой анализ законодательства, регулирующего положение российского казачества во второй половине XIX – начале XX веков // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 6.

129. *Крюков П. Д.* Казачество в правовом пространстве России: историческая ретроспектива // Юристъ-Правоведъ. 2011. № 4.

130. *Кутузов И. А.* Возрождение казачества: от ролевой игры к государственной функции // Экономические стратегии. 2006. № 7.

131. *Лаптева Е. В., Рожкова Л. П.* К вопросу об истории российского казачества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011. № 4.

132. *Локшин Д.* Национальная карта // Родина. 1996. № 12.

133. *Масалов А. Г., Бондарев П. В.* Государственно-правовые основы возрождения казачества. Ставрополь, 2003.

134. *Мациевский Г. О.* Возрождение российского казачества в конце XX в.: основные источники и особенности // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2011. № 10.

135. *Мациевский Г. О.* Основные этапы реализации государственной политики по возрождению современного российского казачества // Федерализм. 2009. № 3 (55).

136. *Мациевский Г. О.* Расказачивание как историческая проблема // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 5.

137. *Мининков Н. А.* Альтернативный взгляд советского историка // Казаки. История. Владикавказ, 1991.

138. *Небратенко Г. Г.* Онтология обычного права донских казаков: историко-правовой аспект // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 2.

139. *Небратенко Г. Г.* Реализация судебно-процессуальных отношений в традиционном обществе донских казаков // Юристъ-Правоведъ. 2009. № 3.

140. *Никодимов И. Ю., Лаптева Е. В., Рожкова Л. П.* О некоторых страницах истории казачества // Мир экономики и права. 2011. № 4.

141. *Овчинникова Б. Б.* Бродники – предки донских казаков // Родина. 1998. № 10.

142. *Пачулия Н. Н., Куклев Ю. М.* Правовое регулирование деятельности казачьих общественных организаций в контексте вопроса об определении этнической принадлежности казачества // Закон и право. 2013. № 6.

143. *Пеньковский Д. Д.* Возрождение российского казачества на современном этапе // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1.

144. *Попов В. П.* История российского казачества // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2011. № 7.

145. Проект Конституции Казакии // Вольное казачество. 1932. 10 января. № 96.

146. *Пронин А. А.* Российское казачество в эмиграции: историография и источники // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 12 (303).

147. *Рожкова Л. П., Лаптева Е. В., Гориленко Т. В.* Российское казачество: происхождение, история, правовой статус // История государства и права. 2012. № 2.

148. *Романовская О. В.* Правовой статус казачьих обществ // Гражданин и право. 2012. № 3.

149. *Сатанова Л. М.* Законы российской империи о казачьих войсках // Евразийский юридический журнал. 2011. № 37.

150. *Сень Д. В.* Новое исследование по истории казачества // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 39.

151. *Сербин М. В.* Проблемы повышения электоральной активности молодежи в условиях современной многопартийности в Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 29.

152. *Сергеев В. Н.* Строительство гражданского общества и казачество южной России (март – октябрь 1917 г.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 4.

153. *Скворцов Н. Б.* Древнерусское законодательство о казачестве // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. Т. 57. № 3.

154. *Скорик А. П.* Историописание казачества юга России // История в подробностях. 2012. № 1.

155. *Смольков В. Г.* Российское казачество: социально-политические проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4.

156. *Соловьев Д. Н.* Возрождение казачества и статус казаков // Военно-юридический журнал. 2011. № 5.

157. *Сопов А. В.* Исторические предшественники казаков, становление и развитие казачества // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2006.

158. *Сопов А. В.* Происхождение казачества: возвращаясь к проблеме // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 1.

159. *Сопов А. В.* Современные научные концепции происхождения казачества // Новые технологии: сб. науч. тр. МГТУ. Майкоп, 2006.

160. *Тарасевич И. А.* Правовые проблемы возрождения казачества Тюменской области // Актуальные проблемы современного казачества Сибири и Тюменского региона. Материалы межрегионального круглого стола (19–20 октября 2011 г.).

161. *Туценко Н. Ф.* Казачье движение Кубани: на пути к гражданскому обществу // Социологические исследования. 2001. № 2.

162. *Усватов И. С.* К вопросу о структуре гражданского общества: определение понятия института гражданского общества // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4.

163. *Холмский С. А.* Выборы в казачестве// Голос казачества. 1912. 19 сен. № 47.

164. *Чекмарев Э. В.* Мотивация политического участия молодежи//Электоральные процессы и формирование политической власти в современной России: региональная практика. Саратов, 2003.

165. *Черепанов Е. В., Черепанова Л. В.* Причины раскола казачества Северного Кавказа и факторы, способствующие его объединению // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 8.

166. *Шамбаров В. Е.* Казаки в 1812 году // Народное образование. 2012. № 9.

167. *Шаповалова Е. И.* Традиционные основы исторического развития казачества и его возрождение // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 12.

Диссертации и авторефераты

168. *Куксенко Е. И.* Эволюция обычного права донских казаков (XVI – начало XIX вв.): дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2005.

169. *Искаков И. Ж.* Гражданское общество и его институты в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

170. *Калашников С. В.* Конституционные основы формирования гражданского общества в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

171. *Шаповалова Я. В.* Организационно-правовые основы возрождения российского казачества в постсоветский период: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.

Электронные ресурсы

172. *Бондаренко М.* Национальный кулак донских атаманов // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/regions/2011-02-21/1_kazaki.html

173. *Зборовский А.* Казачья партия Российской Федерации учреждена. Что дальше? URL: http://kazak-center.ru/news/kazachja_partija_rossijskoj_federacii_za_i_protiv/2012-12-10-2419

174. *Коваленко А.* Казачество плюс сепаратизм равно...// Евразия. URL: http: //evrazia.org/article/1397

175. Конституция «Донской Казачьей Республики». Статья 1. URL: http: //donrepublic.kzforum.info/t383-topic

176. Программа политической партии «Казачья партия Российской Федерации» // официальный сайт партии http://kaprf.ru

177. Прокурор области вынес предупреждение организации Донской Казачьей Республики о недопустимости осуществления экстремистской деятельности // Прокуратура Ростовской области. URL: http: //www.prokuror-rostov.ru/news/4481.html

178. Протокол Схода-конференции атаманов Казачьего народа юга России. URL: http: //donrepublic.kzforum.info/t357-topic

179. *Росляков И.* Как применить силу казаков в пользу Отечества // Кавказская политика. URL: http://kavpolit.com/kak-primenit-silu-kazakov-v-polzu-otechestva/

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года

I. *Общие положения*

1. Начиная с 90-х годов прошлого столетия идет процесс возрождения российского казачества и укрепления его роли как составной части гражданского общества. Российское казачество, продолжая лучшие исторические традиции, несет государственную и иную службу во благо России. Члены казачьих обществ берут на себя соответствующие обязательства и с достоинством их выполняют, оказывают помощь в воспитании подрастающего поколения. С этой целью возрожден ряд казачьих кадетских корпусов.

2. Российское казачество исторически имеет многонациональные корни. Важным фактором укрепления межнациональной стабильности в Российской Федерации, консолидации российского общества должно стать привлечение к государственной и иной службе российского казачества представителей различных национальностей, развитие взаимодействия российского казачества с национально-культурными автономиями и другими общественными объединениями, способствующими сохранению и развитию культуры народов Российской Федерации.

3. Федеральным законом от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» создана правовая основа участия членов казачьих обществ в несении государственной и иной службы. Правительством Российской Федерации были определены отдельные сферы деятельности, в которых федеральные органы исполнительной власти могут привлекать к службе членов казачьих обществ. В 2008 году Президентом Российской Федерации была утверждена Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества, которая успешно претворяется в жизнь. Указами Президента Российской Федерации утвержден порядок принятия членами казачьих обществ обязательств по несению государственной или иной службы, введено новое удостоверение казака, утверждены форма одежды и знаки различия по чинам членов казачьих обществ, учреждены флаги, гербы и знамена войсковых казачьих обществ, а также переходящее знамя Президента Российской Федерации для награждения лучшего казачьего кадетского корпуса. Правительством Российской Федерации утверждены порядок привлечения членов казачьих обществ к несению государственной или иной службы и порядок заключения федеральными органами исполнительной власти договоров (соглашений) с казачьими обществами.

4. Вместе с тем в связи с совершенствованием государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества, становлением и развитием государственной службы российского казачества возникают новые задачи, которые требуют корректировки и развития положений Кон-

цепции государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества. С этой целью утверждается настоящая Стратегия, которая является системой стратегических приоритетов, целей и мер на долгосрочную перспективу в отношении российского казачества и базируется на фундаментальной взаимосвязи с положениями указанной Концепции, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Концепции федеральной системы подготовки граждан Российской Федерации к военной службе на период до 2020 года и других основополагающих документов, определяющими взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления с российским казачеством в целях формирования эффективного общественно-государственного партнерства.

II. *Цель и задачи настоящей Стратегии*

5. Учитывая то, что российское казачество как форма самоорганизации граждан Российской Федерации, объединившихся на основе общности интересов в целях возрождения российского казачества, сохранения его традиционных образа жизни, форм хозяйствования и самобытной культуры, является составной частью гражданского общества Российской Федерации, целью настоящей Стратегии является содействие развитию и консолидации российского казачества посредством усиления его роли в решении государственных и муниципальных задач, совершенствования взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений с российским казачеством и формирования эффективных механизмов общественно-государственного партнерства.

6. Указанную в пункте 5 настоящей Стратегии цель предусматривается достичь путем решения следующих задач:

а) совершенствование механизма и создание экономических условий для привлечения членов казачьих обществ к несению государственной и иной службы;

б) развитие духовно-нравственных основ, традиционных образа жизни, форм хозяйствования и самобытной культуры российского казачества;

в) повышение роли российского казачества в воспитании подрастающего поколения в духе патриотизма и его готовности к служению Отечеству, в том числе с использованием потенциала казачьих кадетских корпусов;

г) поддержка международного сотрудничества российского казачества, установление международных контактов российского казачества с организациями казаков государств – участников Содружества Независимых Государств и дальнего зарубежья.

7. Для реализации указанных в настоящем разделе цели и задач федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами, органами местного самоуправления во взаимодействии с войско-

выми казачьими обществами, общественными объединениями казаков, а также с религиозными организациями осуществляется скоординированная политика в отношении российского казачества, поддерживается международная деятельность, направленная на укрепление связей с казаками из ближнего и дальнего зарубежья.

III. *Основные направления реализации настоящей Стратегии*

8. Деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления по реализации настоящей Стратегии осуществляется по следующим основным направлениям:

а) совершенствование организации государственной и иной службы российского казачества;

б) совершенствование системы взаимодействия с российским казачеством;

в) поддержка экономического развития российского казачества;

г) содействие организации работы с казачьей молодежью, ее военно-патриотическому, духовно-нравственному и физическому воспитанию, сохранению и развитию казачьей культуры;

д) содействие развитию международной деятельности российского казачества;

е) геральдическое обеспечение деятельности российского казачества.

9. Совершенствование организации государственной и иной службы российского казачества подразумевает:

а) привлечение российского казачества к выполнению задач по обеспечению безопасности и обороноспособности Российской Федерации, прохождению членами казачьих обществ военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, включение членов казачьих обществ в мобилизационный людской резерв для обеспечения гарантированного доукомплектования в установленные сроки Вооруженных Сил Российской Федерации, а также создание эффективной системы воинского учета членов казачьих обществ;

б) привлечение российского казачества к участию в охране общественного порядка и обеспечении экологической и пожарной безопасности, к реализации мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, гражданской обороне, природоохранной деятельности;

в) привлечение российского казачества к участию в охране государственной границы Российской Федерации;

г) максимальное использование в местах традиционного и компактного проживания казаков потенциала казачьих обществ для привлечения членов этих обществ к охране лесов, объектов животного мира, объектов культурного наследия;

д) привлечение российского казачества к государственной и иной службе в других сферах деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

10. Формирование для обеспечения реализации пункта 9 настоящей Стратегии единого информационного ресурса, содержащего необходимые сведения о казачьих обществах; осуществление государственной и муниципальной финансовой поддержки государственной и иной службы российского казачества, в том числе посредством реализации федеральных целевых программ и принятия региональных и муниципальных целевых программ.

11. Совершенствование системы взаимодействия с российским казачеством предполагает:

а) формирование федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления координационных и совещательных органов с участием представителей казачьих обществ и общественных объединений казаков;

б) создание федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами и органами местного самоуправления условий для налаживания плодотворного сотрудничества между казачьими обществами и общественными объединениями казаков в рамках поддержки общественных инициатив, направленных на достижение целей государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества;

в) содействие развитию самоорганизации и интеграционных процессов в российском казачестве, в том числе путем поддержки создания казачьих обществ, всероссийского казачьего общества, а также общественных объединений казаков.

12. Совершенствованию системы взаимодействия с российским казачеством должно способствовать:

а) рассмотрение федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами и органами местного самоуправления вопросов организации и деятельности казачьих обществ и общественных объединений казаков и выработка ими мер по совершенствованию их деятельности с учетом исторических и местных традиций российского казачества;

б) разграничение полномочий между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и их территориальными органами, органами местного самоуправления по взаимодействию с казачьими обществами;

в) оказание организационного, информационного, консультативного, методического содействия казачьим обществам в их деятельности по несению государственной и иной службы;

г) подготовка квалифицированных кадров для выполнения задач, связанных с привлечением членов казачьих обществ к отдельным видам государственной и иной службы.

13. Поддержка экономического развития российского казачества предусматривает:

а) содействие экономической активности казачьих обществ в рамках действующих инструментов государственной поддержки;

б) разработку и принятие мер по стимулированию, поддержке и развитию различных форм предпринимательской деятельности, осуществляемой казачьими обществами;

в) оказание казачьим обществам информационной, научной и методической поддержки по вопросам развития экономических условий их деятельности, а также при осуществлении казачьими обществами сельскохозяйственного производства;

г) совершенствование механизма оказания помощи при строительстве (покупке) индивидуальных жилых домов и на первоначальное обзаведение хозяйством членам казачьих обществ, взявшим на себя обязательства по несению государственной и иной службы и переселившимся в приграничные районы Российской Федерации.

14. Содействие организации работы с казачьей молодежью, ее военно-патриотическому, духовно-нравственному и физическому воспитанию, сохранению и развитию казачьей культуры предусматривает:

а) создание казачьих молодежных центров в местах компактного проживания членов казачьих обществ, поддержку и развитие казачьих детских летних лагерей, патриотическое воспитание молодежи на основе исторических и традиционных ценностей российского казачества;

б) обеспечение развития сети образовательных учреждений всех типов и видов, реализующих образовательные программы с использованием исторических и традиционных ценностей российского казачества, в том числе общеобразовательных учреждений – казачьих кадетских корпусов, поддержку деятельности данных образовательных учреждений;

в) издание учебных и учебно-методических пособий по истории российского казачества и духовно-нравственному воспитанию для общеобразовательных учреждений – казачьих кадетских корпусов;

г) укрепление материально-технической базы творческих казачьих коллективов, поддержку культурных мероприятий в области сохранения и развития казачьей культуры, научное, методическое, кадровое и информационное обеспечение сохранения и развития самобытной казачьей культуры, сохранение культурного наследия казачества, развитие казачьего фестивального движения;

д) проведение на постоянной основе социологических исследований российского казачества, подготовку и издание учебных пособий по истории российского казачества для общеобразовательных учреждений – казачьих кадетских корпусов, популярной книжной серии по тематике российского казачества (история казачества, православие и казачество, казачья культура и другие).

15. Содействие развитию международной деятельности российского казачества предусматривает:

а) расширение международных контактов и сотрудничества российского казачества с организациями казаков в государствах – участниках Содружества Независимых Государств и дальнего зарубежья;

б) содействие объединительным процессам казаков, включая казачьи организации, действующие за рубежом;

в) участие казачьих обществ и общественных объединений казаков в программах в отношении соотечественников за рубежом;

г) содействие взаимодействию российского казачества с загранучреждениями Российской Федерации, дипломатическими представительствами России в зарубежных странах, в том числе с использованием потенциала российских центров науки и культуры;

д) оказание российскому казачеству помощи в возвращении в Российскую Федерацию связанных с историей российского казачества уникальных ценностей, имеющих высокохудожественную, научную и историко-культурную значимость;

е) содействие молодежному и культурному обменам в рамках организации детских казачьих лагерей, участию спортивных команд и казачьих фольклорных коллективов в проводимых в России мероприятиях, направлению за рубеж российских казачьих фольклорных коллективов;

ж) оказание помощи в приеме на квотной основе казачьей молодежи из государств – участников Содружества Независимых Государств в общеобразовательные учреждения – казачьи кадетские корпуса на территории России и выделении квоты на обучение казачьей молодежи из этих государств в российских вузах.

16. Геральдическое обеспечение деятельности российского казачества предполагает:

а) оказание помощи Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации российскому казачеству в создании и ведении Геральдического регистра войсковых казачьих обществ;

б) развитие системы геральдического обеспечения российского казачества, пропаганду его лучших геральдических традиций;

в) разработку новых геральдических знаков, образцов формы одежды и знаков различия по чинам членов казачьих обществ, оформление документации всероссийского казачьего общества, войсковых казачьих обществ, общественных объединений казаков;

г) размещение геральдических знаков на оружии, транспортных средствах и имуществе, печатной, информационной, рекламной и сувенирной продукции.

IV. *Механизм реализации настоящей Стратегии*

17. При реализации настоящей Стратегии федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы и органы местного самоуправления во взаимодействии с российским казачеством используют потенциал институтов гражданского общества, Русской православной церкви и других религиозных организаций традиционных конфессий в целях укрепления и развития духовно-нравственных основ российского казачества, гармонизации межэтнических отношений, межрелигиозного и межконфессионального диалога.

18. Реализация настоящей Стратегии осуществляется на основе утверждаемых в установленном порядке планов мероприятий по ее выполнению, разрабатываемых уполномоченным Правительством Российской

Федерации федеральным органом исполнительной власти по взаимодействию с казачьими обществами с учетом предложений федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, казачьих обществ, общественных объединений казаков. При подготовке таких планов целесообразно учитывать предложения религиозных организаций.

19. Реализация настоящей Стратегии предполагает совершенствование нормативных правовых актов в отношении российского казачества в сфере государственной и иной службы российского казачества, сельскохозяйственного производства, закупок для государственных и муниципальных нужд, освоения приграничных и других малонаселенных и неосвоенных территорий Российской Федерации и в иных сферах в соответствии с настоящей Стратегией.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава 1. Теоретико-правовые основы становления казачества 6
1.1. Концептуальные основы возникновения казачества 6
1.2. Роль обычного права в закреплении правового статуса казачества 21
1.3. Казачьи республики как феномен казачьей государственности 39
Глава 2. Правовое пространство российского казачества на современном этапе 58
2.1. От угасания казачества к возрождению его правовых основ в современной России 58
2.2. Роль казачества в построении гражданского общества, повышении правовой культуры и политической активности 82
2.3. Проблемы и перспективы дальнейшего развития казачества в Российской Федерации 98
Заключение 108
Список использованных источников 112
Приложение. Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года 123